

СТОЛМЦА

ISSN
1013-0137
М И Ю

Январь

ЮННУ

ПЕРЕСТРОЙКА:
шаг
за шагом
10 РЕЗОНАНС. ЧИТАТЕЛИ ПОДДЕРЖИВАЮТ ГАЗЕТУ И СПОРЯТ С НЕЙ

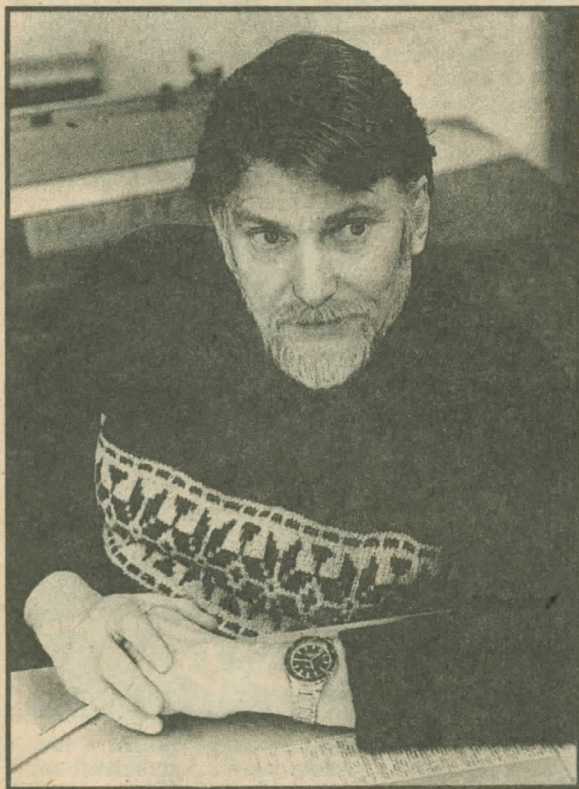
Январь
№ 2(8) 1991 г. 1 руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Открытки из коллекции И. М. Перкас

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА

— Игорь Васильевич, когда начинались реформы в 1985 году, предвидел ли кто-нибудь из специалистов, что через пять лет нам так реально будет угрожать призрак голода?

— Лично я таких экономистов не знаю. Да и вряд ли кто мог бы предугадать тогда подобное развитие событий. Тем более, что распад экономики ускорили уже непростительные просчеты в ходе перестройки.

Они во многом объясняются тем, что нашими поступками в прежние годы руководили экономические иллюзии. Мы жили как бы под гипнозом красивых слов и заклинаний. Вспомните, вначале надеялись на ускорение. Но как можно было ускориться при плановой экономике?

Потом ускорение заменили новым мифом — хозрасчетом и самофинансированием. С такой же безуспешностью в нашу экономику внедрили различные показатели: валовые, оптовые, нормативно чистые.

Пять лет потеряли на разговоры о рынке. На предпоследнем этапе говорили о рынке социалистическом. И снова теряли время, мороча себе голову и не замечая, что рынок — это инструмент. Поэтому словосочетание «социалистический рынок» звучит так же нелепо, как «социалистическая швейная машинка».

НИТ Игорь Николаевич (61 год), доктор экономических наук, доцент Московского государственного университета. Принадлежит к поколению шестидесятников, составляющих сегодня мозговой центр перестройки и радикального перехода к рынку. Принимал активное участие в развенчании мифа преимуществ «планового социализма». Совместно с экономистом П. Медведевым проанализировал результаты всех наших пятилеток и доказал, что ни один пятилетний план страны не был выполнен. Так как его экономические взгляды противоречили официальным представлениям застоя, докторскую диссертацию защищал несколько лет. В КПСС не состоял.

И вот, наконец, на страницах газет появились новые малопонятные и потому интригующие термины: приватизация, денационализация, конверсия. И опять лишь лозунги. Ни слова о механизме. Всем известно, что приватизация шла с трудом даже в Англии. Семь лет понадобилось Маргарет Тэтчер, чтобы продать только четверть государственных предприятий, предложенных для приватизации.

Наши ученые предложили закрыть малорентабельные предприятия. И снова забыли сказать, как это сделать. А ведь известно, что у нас низкорентабельными являются сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность и все базовые отрасли — добывающие, лесозаготовки. То есть то, на чем держится все наше народное хозяйство. Иначе говоря, введение в действие при переходе к рынку классических дефляционных механизмов автоматически лишит нас необходимых товаров, а экономику — ее фундамента.

— В сложившейся ситуации винит многих: коммунистов, демократов, систему, правительство. Но хотелось бы знать, как взаимосвязаны, по вашему мнению, экономические взгляды Горбачева с нынешним экономическим положением в стране? Ведь, согласно, экономическую политику у нас определяет тоже Президент.

— Экономика тесно увязана с политикой. С политики логично и начать. Минувшим летом, когда в

СТОЛИЦА

январь, № 2, 1991

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40

Номер набран в типографии издательства
«Известия».
Фото на обложке И. Рогачевского.

Отпечатано на ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области Зак. 26.

Номер подписан в печать 29.12.1990.
Тираж 300 000. Цена 1 р.
© «Столица», 1990.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Политические последствия экономиче-
ской нерешительности Президента
(И. Нит)

ПЕРИСКОП

- 8 Дайджест зарубежной прессы
48

ВЕРСИЯ

- 9 Слишком «серый кардинал» для пере-
стройки
(Ю. Бычков)

ВЕСЫ

- 16 «Я» и «Мы»
(А. Тимофеевский)

ГОРОД

- 18 Обед без комплексов
(М. Дубик)
19 Мимо трамвая
(Е. Болдырева)

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

- 21 Мужайтесь, Александр Сергеевич
(Е. Салина)
22 Вас еще не обокрали?
(М. Маслов)
23 Заройте ваши денежки поглубже
(М. Маслов)

КЛИНИКА

- 28 Перестроечная телефрения: синдромы и
комплексы
(В. Кисунько)

СИМВОЛЫ

- 34 «Я поведу тебя в музей...»
(М. Поздняя)

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

- 49 Кончай жить, стране нужна валюта!
(В. Кичин)
51 «Вечный двигатель» разрушения
(В. Колосова)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

- 53 Не люблю любопытных, люблю любозна-
тельных...
(М. Миронова)

ОТТУДА

- 58 Разговор с главнокомандующим Стали-
ным об израильской армии
(А. Цирульников)
61 Могно ли обижать королеву?
(В. Ерников)
62 Ворона, медвежонок и ...Франсуа Мит-
теран
(Г. Овсянников)

5. Валерий Выжutowич
25. Очерк политических нравов
37

13 Сценарий гибели Москвы с точки
зрения доктора политических наук
Дмитрия Ольшанского

41 История города в легендах, анек-
дотах и печатках

Рис. А. Меринова

группе приглашенных экономистов я был на встрече с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Он произвел на меня впечатление слушающего и слышащего собеседника. Более того, многие годы я был убежденным сторонником его политики. И сейчас уверен, что для нашей страны он сделал в политической сфере неосценимо много. Тем более, что вступать в единоборство с аппаратом власти — это занятие не менее опасное, чем дразнить зверя.

— Но зачем Горбачеву понадобилось вырывать власть у аппарата, если Генеральный секретарь руководящей партии и так получил по партийному наследству неограниченную власть над страной?

— Власть как раз и есть точка соединения политики с экономикой. По-видимому, Михаил Сергеевич понимал, что экономически страна «на изломе» — уже много лет хиреющее народное хозяйство, жившее за счет ресурсных инъскций: нефть, лес и т. п., может в одно прекрасное время развалиться под гнетом международных амбиций и внутренней бесхозяйственности.

Почти все годы советской власти наше государство занималось тотальным грабедом трудящихся. Оно, прикрываясь идеологической догмой, отбирало у каждого из нас все, что мы производили. И потом с помощью касты распределителей раздавало отобранное по своему усмотрению. Мы настолько свыклись с таким порядком вещей, что не удивлялись, когда слышали — государство бесплатно дало Иванову квартиру. И не требовали уточнений. А где же государство взяло эту квартиру? Ведь у него нет ни рук, ни головы, чтобы самому строить! А квартиру эту, работая почти задаром, построили Петров, Сидоров и сотни, тысячи других. Результаты их труда и перераспределили чиновники в пользу служившего в их распоряжении Иванова.

При таких отношениях лицо, получившее право от имени государства и народа распределять что-нибудь, обрело чрезвычайную власть над себе подобными, почти как при барщине. Ведь к нему все шло на поклон.

Но самой большой властью при такой структуре обладал тот, кто распределяет места в распределительной структуре — у кормушек. Таким исключительным правом пользовалась партия.

По-видимому, Михаил Сергеевич понимал стратегическое значение партии в такой системе. Догадывался он, вероятно, и о бесперспективности плановой экономики, которая вела страну к неминуемой хозяйственной катастрофе. Однако думать и говорить о рыночных отношениях тогда было невозможно, слишком сильно было консервативное партийное начало. А рынок и КПСС в ее прежнем виде несовместимы, ибо одно лишало смысла другое. И Горбачев, надо отдать должное его человеческой порядочности, в тот решающий момент интересы народа поставил выше собственных, выше интересов партии.

Конечно, он еще пытался как-то реформировать взрастившую его партию, но это оказалось невозможным. И он, мне кажется, взял единственно верный курс в этой ситуации: на развал партии как костяка всей распределяющей иерархии. Сужу не по намерениям, сужу по результатам. КПСС, как ведущей политической силы, базирующейся на перераспределении, больше не существует.

Сегодня силы, стремящиеся к реставрации прежних порядков, не могут не считаться с тем, что в случае победы они оказываются в полной политической изоляции, один на один с международным сообществом и

с большей частью своего народа. Судьба Хусейна — наглядный тому пример.

— Однако почему наш Президент в последнее время так рьяно защищает интересы разрушаемого им же самим аппарата управления, возглавляемого по-прежнему руководством компартии? Решения его в конце 1990 года лично для меня стали совершенно непредсказуемыми. То принимаются законы, способствующие свободному рыночному предпринимательству, то Горбачев перечеркивает их прямо противоположными указами, характерными для эпохи экономической диктатуры?

— Ситуация сейчас в нашей экономике значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. Если в экономической сфере до сей поры тактика Горбачева заключалась в разрушении идеологической маскировки — шла борьба терминов, из обихода устранились старые — вводились новые, такие, как оптовая торговля, товарно-денежные и рыночные отношения, и аппарат хотя и без желания, но все же шел на уступки, то теперь расчистка терминологических завалов закончилась. Время политических хитростей миновало. Из сферы слов необходимо переходить в сферу дел. Надвигающийся голод не позволяет больше топтаться на подготовленном плацдарме. Да и касте распределителей уже некуда отступать. Это их последний редут. Как только заработают рыночные отношения, ее былое величие начнет улстучиваться, как воздух из проколотого шарика.

Обратного пути у Президента нет. Аппарат управления не простит ему перестройки. Кроме того, возврат к старому централизованному механизму хозяйствования, основанному на праве все отбирать и перераспределять, невозможен. Восстановить народное хозяйство с помощью улучшения старых методов управления или, как выразился один из представителей касты распределителей на собрании Ассоциации государственных предприятий и объединений СССР, с помощью защиты и лечения командно-административной системы нельзя. Нельзя достичь даже временного улучшения в народном хозяйстве. Мы исчерпали все внутренние ресурсы — природные, социальные и политические.

Однако путь вперед тоже не устлан розами — перед решительной схваткой за свои интересы распределительная каста предельно консолидировалась и организовалась. Безусловно, сейчас имеют место экономические диверсии и с их стороны. Эти люди, хватаясь за власть, ни перед чем не остановятся. И так как они по-прежнему контролируют многие жизненно важные процессы в стране, их диверсии могут привести к непредсказуемым результатам. Сейчас, уже понимая, что прежняя власть ускользает из рук, они начали угрожать.

Вместе с тем если, ломая сопротивление «правых», решительным броском ввести рынок декретом «сверху» и не включить в это наступление миллионы добровольцев, заинтересованных в хозяйственной свободе производителей, то могут разорваться связи между регионами и отраслями и на всей территории Союза возникнет хаос и голод. Призрак голода — это, пожалуй, самый опасный яд, с помощью которого сейчас можно вытравливать радикализм мысли. В том числе и у Президента. Во многом, по-видимому, именно поэтому Горбачев как бы парит над этой демаркационной линией, не примыкая ни к одной из сторон, дабы не нарушить зыбкого равновесия неопределенности. Задача «левых» сил подставить Президенту плечо в его

усилиях не допустить, чтобы страна снова разделилась на «белых» и «красных», не поддаваться на шантаж и запугивание. Предложить конструктивный план фронтального наступления трудящихся на бастионы распределительной власти.

— Вы считаете эту тактику выжидания и ревансов в обе стороны единственно приемлемой для Президента в данной ситуации?

— Анализ недавних высказываний и указов Президента даст возможность предположить, что он не совсем правильно понимает функционирование рынка. Все мы дети своего времени. И Горбачев как политик сформировался в условиях, при которых даже за разговоры о рынке в лучшем случае можно было лишиться работы. И этот страх перед стихией рынка — в каждом человеке его поколения.

Тем более, что справа ему по-прежнему нашептывают о несоциалистической природе рынка. Смотрите, мол, цены растут, люди нищают, договорные отношения рвутся. А что впереди? Впереди еще и выдуманная ими безработица (это-то при обезлюдевшей деревне и отсутствии сферы услуг)?! Так что же вы, Михаил Сергеевич, делаете? И Михаил Сергеевич, как человек ответственный, начинает проявлять в своих решениях двойную осторожность. А это значит давать ход новым безрезультатным дискуссиям о рынке.

И пока мы говорим и спорим о рыночных отношениях, кое-кто их успешно дискредитирует на деле. Например, повышением розничных цен на отдельные товары. Люди справедливо возмущаются: что же это за рынок такой — зарплата та же, а цены растут. Но в том-то и дело, что очередное повышение цен к рынку никакого отношения не имеет. Наоборот, таким антинародным способом правительство хочет залатать огромную дыру в государственном бюджете. Есть в этой акции и другой расчет — психологический. Если человеку говорить слово «рынок» и при этом бить его молотком по голове, у него очень быстро выработается защитный условный рефлекс.

Поймите еще одну простую и важную вещь. Страхи о стихии и бессердечии рынка по сути своей лишены смысла. Их нам умело внушают те, кто защищает от рынка свои корыстные интересы. Ведь рынок — это инструмент, механизм. Возьмите топор или дрель. Только маленького ребенка можно запугать этими предметами. Но ни один взрослый человек не будет бояться топора, когда надо рубить дрова. Рынок, как и любой другой инструмент, становится опасным только тогда, когда он попадает в руки преступника. И разговоры о неуправляемости рынка — из тех же запугиваний для малолетних детей. Государство управляло рынком еще во времена Ивана Грозного.

— Игорь Васильевич, в начале беседы вы сказали, что обсуждаемые ныне формы перехода к рынку — очередной экономический миф Президента и его команды. Предложите свою позитивную программу действий.

— Во время встречи с Горбачевым я передал ему ряд экономических соображений нашей группы по переходу к рынку. Хочу верить, что они пригодятся.

Основная идея наших предложений на сегодня состоит в том, что приватизировать надо сначала не сами предприятия, а продукцию, которая на них выпускается. Без всяких оговорок она должна принадлежать трудовому коллективу. Для тех, кто прямо или косвенно работает на потребительский рынок, надо установить всяческие льготы.

Есть проверенный историей способ избежать угрозы

голода в такой непростой период. Это продналог. Определяется минимальная потребность в продуктах, и этот объем продукции в качестве налога доводится государством до всех сельскохозяйственных производителей: колхозов, совхозов, отдельных фермеров. Выполнил эти не слишком обременительные государственные поставки — и остальную продукцию хоть сам съешь. Как только продналог будет введен, то, что мы называем колхозным рынком в городах, сразу же заполнится излишками продукции. Торговля будет стимулироваться производством. Предложенный рыночный механизм постепенно и совершенно безболезненно вытеснит хищные государственные распределители.

Это не интеллектуальная заготовка. Так было в двадцатых годах, когда с помощью продналога вытеснили продразверстку, так было в прошлом веке, когда барщину заменили оброком. И нам не миновать сего пути в рынок. Отрадно, что Россия намерена так идти. Но, к сожалению, в стране получает широкое распространение и карточная система. А это прямое укрепление ненавистной нам касты распределителей. С помощью карточек, талонов, купонов государство заставит нас глядеть на себя как на единственного кормильца. Точнее, кормильцами станут для нас те, кто будет распределять талоны-купоны и продукты по ним.

— А какими могут быть политические последствия столь драматической экономической ситуации?

— Не хочу гадать, но твердо уверен, введение рынка неизбежно для любого политического режима, будь то демократический или тоталитарный. Я уже говорил о предельном истощении ресурсов, к которому привело директивное управление экономикой. Так что рынок нельзя жестко увязывать с политической ориентацией. Чрезвычайно важно понять — нашему обществу не миновать рынка ни при каком раскладе. Только пути к нему будут разные. Наша задача выбрать наименее тернистый.

Лишь ортодоксальные коммунисты да те, кто паразитирует на их идеологической зашоренности, не считают рынок неизбежным. Их заблуждение опасно. Оно мешает осознать, что ни вернуть прежнюю власть, ни удержать нынешнюю не удастся — на рынке не может быть спецкормушек. Максимум чем они могут наредить своим политическим противникам-демократам, так это в складывающейся неразберихе помочь взять под контроль нарождающийся рынок своей пресмычке — новой диктатуре. Однако при этом они не должны забывать, что диктатура не знает благодарности. Первым делом она расправляется со своими предшественниками.

Хочу еще раз подчеркнуть, что позиция Президента очень сильно влияет на выбор обществом пути к рынку. Его колебания между правыми и левыми — это не колебания между директивным управлением и рынком — вопрос предешен историей, — это колебания между диктатурой и демократией. От того, какой он сделает выбор сейчас, во многом будет зависеть политическая ориентация нашего общества, неотвратимо вступающего в рынок.

Выход один. Решительно покончить с колебаниями и сделать решительный шаг навстречу демократам. Для Президента этот выбор означает смену точки опоры. Впредь в своих действиях он мог бы опираться не на старые структуры союзных ведомств, а на республиканские правительства.

Беседа вел Ю. БЫЧКОВ

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ВЛАСТЬ ТОЛПЫ

ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКИХ НРАВОВ

Фото А. Соловьева

МНОГОЛИКИЙ НИКТО

Стремительная, необузданно нарастающая политизация всех и вся, сначала сорвавшая либеральный аплодисмент, выпестовала «политика», не склонного к рассуждениям, зато весьма способного к решительным поступкам, совершенно непредсказуемым прежде всего для него самого. У этого персонажа тысяча лиц, но одна душа, один образ мыслей, один характер и одна, но пламенная страсть к политической деятельности. Выходя на площади то под зеленым знаменем ислама, то под хоругвями «патриотов всея Руси», то под воззванием «Политбюро — к ответу!», он с бесстрашным энтузиазмом и яростью выкрикивает «Долой!», предпочитая эту «программу» всем прочим. Заказав оркестру «Вихри враждебные», он на морозном митинге в Ленинграде сурово возглашал: «Печать — под контроль рабочего класса!», «Нет — хапугам-кооператорам!». Он несколько суток сидел на рельсах в Самтредиа. Он жег, громил, убивал, насиловал в Сумгаите, Фергане, Карабахе, Новом Узгене, Оше... Но он же пережил кошмар Тбилиси, трагедию беженцев — армян, русских, турок-месхетинцев, узбеков... Он бывал и участником жестоких погромов, и беззащитной жертвой их.

Кто же он, этот новый «политик»? Толпа. Многоликий Никто, чьи возрастающие притязания на общественную роль велят исследовать поведение, характер, повадки этого лица, действующего в наших нынешних обстоятельствах, которые иначе как чрезвычайными уже назовешь.

Георгий Товстоногов любил повторять, что концепция спектакля лежит в зрительном зале. Если так, то подобным же образом замысел и завязка исторической драмы коренятся в толпе, в ее летучих настроениях, по которым в любой момент можно безошибочно определить температуру общественных борений и страстей, о чем хорошо помнят все профессиональные политики, только не наши. Примеров, когда аппарат (впрочем, назвать его чиновников политиками, а тем более профессиональными, никак невозможно), словно нарочно испытывая людское терпение, играл на нервах миллионов, — этих примеров позорное множество, от изнурительной и бесславной обороны 6-й статьи до неудавшегося предания суду Гдяна и Иванова.

Что способствует превращению многолюдья в толпу, вызывая всеобщее оцепенение или всеобщее буйство? Каковы взаимоотношения растревоженной массы с официальной властью? Чем питается неодолимая тяга толпы к безрассудным поступкам, не только, замечу, варварским, но подчас и благородным, высоким, самоотверженным? Как и почему на смену «телефонному праву» приходит «право мегафонное», когда уже и приговор выносит митинг?

Эти вопросы имеют сюжетное происхождение. В них ничего от кабинетного досуга, в них — драма жизни, коим сам я свидетель и летописец.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНЫХ ПОДЪЕЗДОВ

Свидетельствуют историки: во время голодного бунта толпа способна громить пекарни. Такова логика обыкновенной толпы.

Свидетельствуют современники: во время водочных волнений толпа идет на приступ горкома партии. Такова логика толпы политизированной.

...29 декабря 1989 года в Свердловске с самого раннего утра образовалась громадная очередь за вином и водкой. Ждали часов пять, к обеду ждать перестали. Нарастающий гул пробежал по толпе, чей-то хриплый бас набатно возгласил: «Мужики, ко мне!» — и с этого момента включился и заработал вольный, как выкрик, механизм превращения очереди в митинг. Несколько добровольцев, откликнувшись на

призыв, легли на трамвайные рельсы. Через четверть часа на проспекте Ленина прекратилось всякое движение. Толпа выплеснулась на проезжую часть и, колыхаясь, потекла на площадь 1905 года к горкому партии и горисполкому.

Более пяти тысяч человек встали под окнами городской власти. Было морозно и ветрено. Из автобуса, пригнанного на площадь для новогоднего увеселения граждан, передавали праздничные мелодии, но вскоре толпа овладела микрофоном... Уже отобюрозированные очереди «подотряды» шуровали в подсобках и на торговых базах, извлекая из потаенных сумерек на свет водку, вина, конфеты, кофе, колбасу, а из парадного подъезда никто не выходил. Площадь застыла в ожидании. Ждали не водки. В эти минуты всеобщего отрезвления отчетливо вдруг ощутился иной дефицит, может быть, самый главный — дефицит власти.

Первые лица города вышли к народу. На приглушенный гул площади легла заезженная пластинка о срывах мясопоставок из Краснодарского края, о необходимости строительства в области новых свиноводческих и откормочных, о скорейшем укреплении дисциплины и наведении порядка...

На переговоры в горком отправилась небольшая делегация народных депутатов СССР и лидеров местных демократических движений. Через полчаса оповестили: создан общественный комитет «29 декабря», будет налаживаться диалог между городским руководством и гражданами. Договорились к середине января встретиться в спокойной обстановке. Но четырьмя днями ранее условленного аппарата, предупреждая встречу, провел в Доме политпросвещения что-то вроде партхозактива. Был доклад и прения по нему, намечались «новые рубежи», проявлялась «глубокая озабоченность», пока Герман Карелин, один из лидеров комитета «29 декабря», не сказал с трибуны:

— Люди вам не верят! А утрата доверия — признак кризиса власти. Что из этого следует? Только одно. Пора создавать в городе параллельные органы управления.

Зал гудел...

Я знаю, в Свердловске были и остаются деятели, упорно не желающие хотя бы косвенно связать водочный бунт и последовавшую вскоре отставку (ее потребовала партконференция Уралмаша) первого секретаря обкома Л. Бобыкина. Как будто не знают, что бикфордовы шнуры очередей от пустых прилавков тянутся теперь только в одном направлении — к парадным подъездам власти. Так было в Южно-Сахалинске, Волгограде, Тюмени, Чернигове, где граждане, митингуя под окнами обкомов, добились-таки смены первых партийных лиц, сколь ни призрачна эта победа.

«Интересный народ, — сказал мне о свердловских бунтовщиках один ответственный товарищ. — Но я, знаете ли, скоро их раскусил. Они же рвутся к власти!»

Ужасное разоблачение. Тайный умысел толпы раскрыт, корыстная подоплека винно-водочных страстей, наконец, выявлена — любимый город может спать спокойно.

Как же дремучи номенклатурные представления о демократии! Что борьба за власть в цивилизованном обществе — норма, а не аномалия, для кого-то никак непостижимо. Раз не поддерживаешь ныне здравствующее начальство — значит, сам метишь в начальники. Можно ли примириться с таким самозванством? В святую простодушию, с каким номенклатура отказывает «чужакам» в претензии на «портфель», есть, право же, что-то забавное. Представители руководящей элиты ведут себя, словно царствующие особы, коим власть досталась и должна доставаться без борьбы — по праву престолонаследия. Ну, в самом деле: был вторым секретарем — стал первым, был зампредом — стал председателем...

События 29 декабря резко приблизили день, когда пред-

ставители демократических движений Свердловска собрались на первый городской Гражданский Форум.

В условиях кризисной ситуации пленум Свердловского ГК КПСС не нашел ничего лучшего, как увидеть в качестве одной из главных причин попытки «отдельных групп граждан и самостоятельных объединений воспользоваться ею для решения своих корыстных целей, связанных в том числе с борьбой за политическую власть».

На следующий день в городе был создан Центр формирования гражданской власти. Это произвело впечатление готовящегося переворота. Впечатление усилилось, когда стало известно, что некие таинственные заговорщики уже делают портфели, формируют «теневой кабинет».

— Что это было? — спросил я Сергея Соловьева, руководителя того самого центра, генерального директора объединения «Полярэкс».

— Ничего страшного, — пожал он плечами. — Собрались будущие депутаты, составили пакет вопросов для рассматривания на первой же сессии... Ну, ясно было, не всех нас изберут. Тогда наши идеи и предложения донесет до трибуны тот, кто будет избран. Какой, к черту, заговор?!

Призрак захвата власти толпой, побродив по Свердловску с неделю, тихо исчез, воспалив номенклатурные умы не оставшим до сих пор беспокойством.

Что водочные передраги (где достать, сколько в одни руки) являются мощным средством политизации широких трудящихся масс, у Маркса читать не приходилось, это уже зрелого, развитого социализма открытие. Когда в Петрозаводске отменили талоны на водку (было — две бутылки в месяц, стало — каждому по потребностям), студенты университета, из числа активистов борьбы за трезвость, Первого мая вышли на центральную площадь и, в праздничной колонне пройдя мимо трибуны, подняли транспаранты: «Не допустим алкоголизации молодежи!», «Водка или социализм — третьего не дано!», «Меры, а не полумеры!»

К тому моменту в Петрозаводске словно очнулись: паек, отчеркнувший норму водочной продажи, — да законно ли это? Винные магазины уже напоминали театры в дни аншлагов, когда у кассы никого, но жаждущие толкуются у входа, терроризируя целеустремленную публику поиском «лишнего билетика». «Сдать» талон за пятерку, а то и за червонец стало делом обыкновенным. Появились и «автолавки»: ушлые таксисты гоняли в Мурманск или Ленинград, где загружали багажник «бананами» (мне так никто и не смог объяснить, почему бутылка водки — «банан»). Теперь в любое время суток на любой улице Петрозаводска «пассажиры» останавливали «Волгу» с шашечками: «Командир, бананы есть?» — «Садись». За полкило «бананов» продавец таксопарка брал четвертную, как по счетчику.

Дошло, наконец, до совершенной глупости. Один начальник жилищно-эксплуатационного управления отказал в выдаче талонов на водку тражданам, не внесшим вовремя квартплату. Администрация рудника «Плотина», наоборот, премировала своих работников пятнадцатью талонами за ликвидацию аварии на водопроводе. Случилось то, что следовало предвидеть: в условиях не укрепленного товарами и услугами рубля талоны стали в Карелии единственно твердой валютой. Тут только городские власти поняли, что перегнули. Талоны были отменены в одночасье. Петрозаводские борцы за трезвость оценили этот шаг как отступление — и вот...

Эти разнонаправленные (водочный и антиводочный) бунты имеют одно происхождение — беспомощность и тупое усердие местных властей, обладающих поразительной способностью любым «пустяком» возбуждать массовые страсти, а после валить все на «экстремистов», «уголовных элементов», «хулиганствующих молодчиков», кого там еще... Нет,

толпа состоит из обыкновенных людей, доведенных до края нищетою ли, горем, чудовищной несправедливостью, унижением, глупостью и произволом начальства. Ее нормальное состояние — ярость. Она восприимчива к внушениям и легковерна, как ребенок, ее ничего не стоит увлечь ложной идеей, для нее не существует невероятного, как не существует и пределов, какие каждый в одиночку свято блюдет, но, полав в толпу, преступает вместе с нею. Личность в толпе перестает быть личностью, теряет независимость в мыслях и чувствах и становится живым манекеном, не имеющим собственной воли. Толпа способна превратить культурного человека в варвара, законопослушного — в преступника, труса — в героя, скептика — в верующего, скупого — в расточительного, при этом возможно и все наоборот. В толпе человеку является сознание своего могущества, доставляемого численностью, так что мудрость речения «один в поле не воин» вовсе не в количестве штыков, необходимых для ратного дела, а в самоощущении ратника, когда имя ему — легион.

Толпа не обладает созидательной силой, ее стихия — разрушение. И если общественное здание со всеми его несущими конструкциями, опорами и перекрытиями уже прогнило до фундамента, толпа — только свистни! — довершит разрушение с проворством и азартом первобытного варвара. Между тем в политике, если она разумна, существует своя «техника безопасности». Одно из правил: находящаяся в аварийном состоянии системы власти подлежит сначала осторожной разборке и только затем заменяется. Классическому смеху, сопровождающему расставание человечества со своим прошлым, обязательно, как бы на всякий пожарный, должны сопутствовать некоторая неспешность и осмотрительность. Ломать — не строить, поэтому бульдозер всегда «радикальнее» подъемного крана. Но сегодня мы можем либо, набравшись воли и терпения, разобрать нашу перекосившуюся общественную постройку, чтобы по новым чертежам воздвигнуть нечто действительно достойное, либо наш дом рухнет, подорванный толпой справа и слева, и жертвы будут неисчислимы. Если же оставить все в музейной неприкосновенности во имя верности «идеалам» и «принципам» — тоже обвалится. Нет, спокойный демонтаж, вероятно, все же предпочтительнее.

А борьба за власть — что ж, она действительно идет, но ее искусственное обострение, когда в стране и так все обострилось до предела, было бы сущим безумием. Говоря об искусственном обострении, я имею в виду не только подстрекательство к штурму больших кабинетов, но и чрезмерную бдительность их обитателей. Последнее, не скрою, тревожит все сильнее. Мы слишком хорошо усвоили, что всякая революция (а перестройка — революция) только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Но аппаратная напряженная готовность к отпору способна спровоцировать такую Ходынку, такой всесоюзный Сумгаит, что, не приведи Бог, спаси и сохрани нас от этой, увы, уже отнюдь не фантастической перспективы.

(Продолжение на 25 стр.)

Дайджест зарубежной прессы

ПРОГНОЗ

АНАРХИЯ... ЧТО ДАЛЬШЕ?

Многие страны переживают ужасы анархии, однако случай Советского Союза уникален, поскольку анархия бушует в стране, где сконцентрировано огромное количество ядерного оружия. Из анархических условий сегодняшнего дня вырастут новые структуры власти. Будут ли они более агрессивными, чем нынешнее советское руководство? Если это будет так, то в каких целях они могут использовать свой контроль над находящейся в распоряжении устрашающей мощью?..

Может быть, новые правители проявят себя, как такие же нацеленные на примирение пацифисты, что и Горбачев. Все мы надеемся именно на это. Однако шансов мало. Борьба за власть в условиях анархии — своего рода естественный отбор внутри данной политической системы. Победителями скорее всего станут жесткие личности, готовые управлять при помощи страха в соответствии с русской традицией. Они будут проповедовать авторитарную идеологию, соответствующую их характеру и ситуации. Нам повезет, если новый режим не окажется более опасным, чем послесталинский коммунизм. Новые правители захотят как можно

быстрее заполнить полки магазинов. Среди их немалых «активов» — ядерное оружие. Смогут ли они использовать этот «актив» и страх соседних стран перед советским ядерным оружием для того, чтобы заполнить магазины? Почти определенно среди возможных ходов, которые могут обдумывать руководители нового типа, будет путь ядерного шантажа. И Германия будет наиболее вероятной первой мишенью такого шантажа.

Благоразумие требует, чтобы мы не спешили, пока не уясним, каким путем идет Россия. Огромный знак вопроса над будущим России ставит также знак вопроса и над Германией. Интегрированное Европейское сообщество, возглавляемое (по существу) канцлером Коелем, — это одно; интегрированная Европа, в которой доминирует Германия, подвергающаяся давлению с Востока, может оказаться не очень удобным местом для житья. История подтверждает, что Тэтчер была права, занимая осторожную позицию в вопросе европейского единства.

«Таймс», Великобритания

Даже в случае распада СССР вероятность возникновения ядерной гражданской войны исключена. Вряд ли возникнут новые ядерные державы, и террористам вряд ли удастся завладеть ядерным оружием, так как все ядерные боеголовки имеют электронные коды, ключ к которым находится у верховного командования. Поэтому заявлению Б. Ельцина о

возникновении новой ядерной державы — России — не имеют под собой основания.

«Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», США

Ядерный терроризм вполне может возникнуть на обломках советского крушения. В условиях анархии и гражданской войны у какого-нибудь командира-изменника или представителя центральной власти может появиться искушение использовать ядерное оружие в целях шантажа.

«Инсайт он ньюс», США

ВАРИАНТЫ

ВПЕРЕД, К МОНАРХИИ?

Французский журнал аристократической хроники «Пуэн де вю имаж дю монд» опубликовал интервью великого князя Владимира Кирилловича, прямого наследника российского престола, проживающего ныне в Испании и Франции.

Великий князь положительно оценил происходящие в СССР перемены и выразил желание посетить Советский Союз. «Ни я, ни моя жена не будем просить въездную визу в нашу страну, — сказал он. — Мы никогда не отказывались от нашей национальности, хотя и не имеем, конечно, советского паспорта. Мы бы приняли приглашение советских властей посетить Россию».

В беседе приняла участие и жена князя Владимира, Леонида Георгиевна, принадлежащая к грузинскому царскому роду. 13 августа 1948 года в Лозанне она выш-

ла замуж за князя Владимира. Леонида Георгиевна рассказала: «Недавно я видела сон, что мы поездом приезжаем в Москву. На перроне нас встречает чета Горбачевых. Михаил Горбачев держит в руках кольцо несравненной красоты, которое он надевает мне на шею в знак приветствия...»

Князь Владимир хотел бы встретиться с М. С. Горбачевым и «обсудить с ним положение дел в СССР и пути выхода из кризиса». По его мнению, монархия может сыграть положительную роль в решении многих проблем, и в частности национальной. «С установлением монархии сепаратизм исчезает, — говорит великий князь. — Монархия — это федерирующая система, которая позволит объединить кавказцев, прибалтов, украинцев... на условиях уважения свободы каждого, конечно».

Великий князь мечтает о возвращении в Россию и говорит, что определенные лица уже ведут подготовительную работу в этом направлении. Он рассчитывает посетить СССР уже через 2—3 года.

В заключение князь Владимир Кириллович сказал, что, по сведениям, поступающим к нему из России, становится очевидным, что русские люди не забыли царской семьи: «Наш народ должен вновь обрести свои корни, символы своей истории».

СЛИШКОМ «СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» ДЛЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

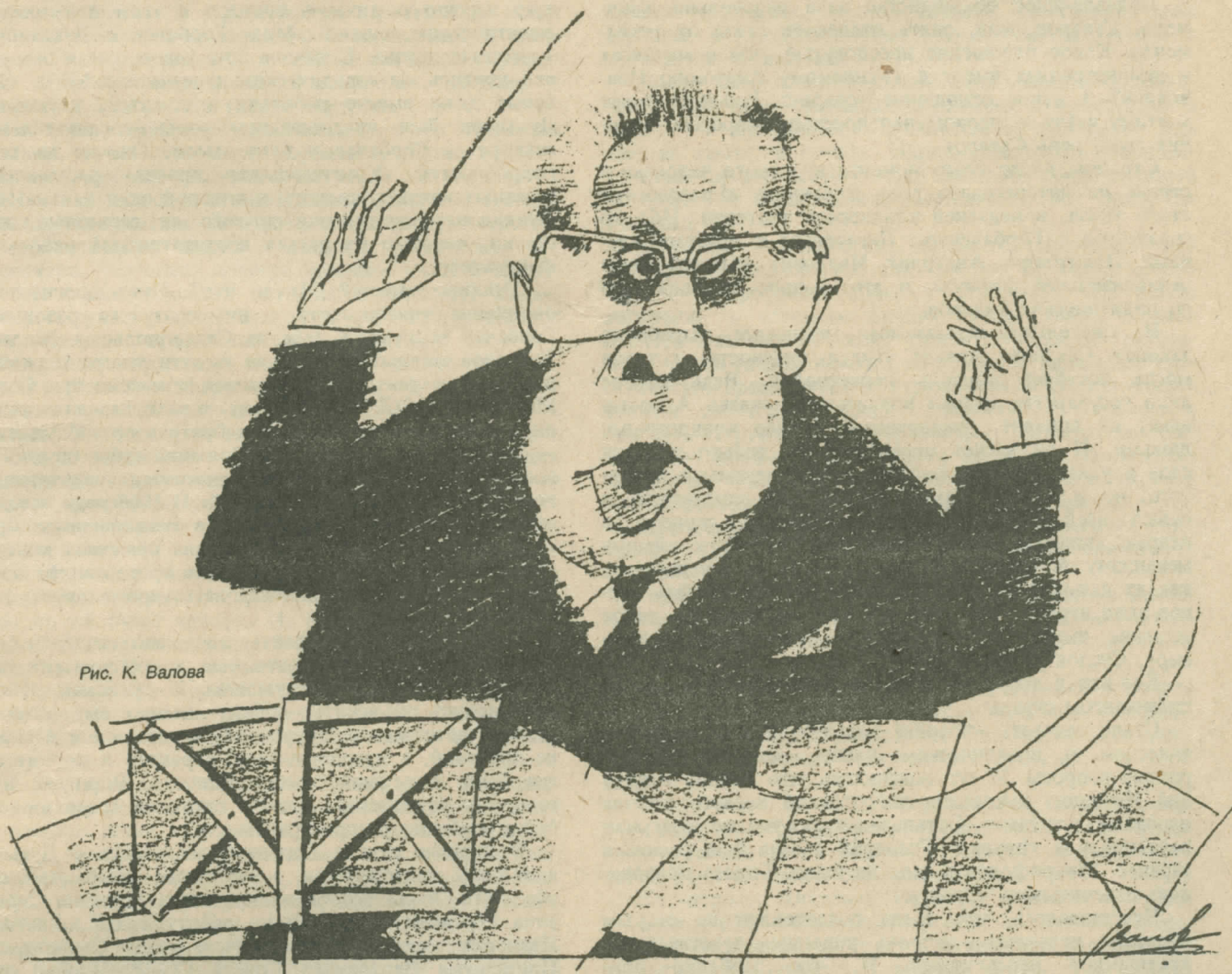

Рис. К. Валова

«...и по слову вашему дело это и совершил».

Федор Достоевский

«Решительно ничего из того, что там записано,
я не говорил».

Михаил Булгаков

КАК политический деятель Анатолий Иванович Лукьянов родился 27 мая 1989 года ближе к полудню. Заканчивалась первая неделя первого Съезда народных депутатов СССР. Михаил Горбачев, избранный накануне Председателем Верховного Совета

страны, со словами «это теперь должно от меня исходить» назвал имя первого человека из своей команды. Так мы узнали, что его ближайшим сподвижником, единомышленником и замом стал некто Лукьянов.

Анатолий Иванович и до съезда почти полгода был заместителем Председателя. Но одно дело прежний декоративный Верховный Совет, и совсем другое — избираемый парламент.

Горбачев еще не успел толком представить своего заместителя, а к микрофону уже рвался Сахаров. Прерывающимся от волнения голосом, свидетельствующим о том, что речь человека является следствием работы ума, а не наоборот, как думают многие ораторы, Андрей Дмитриевич зачем-то стал пространно размышлять о законодательном творчестве. Ему, словом, не вполне понятен механизм выработки важных государственных решений.

Подавляющее большинство зала недовольно зашумело. Сахаров, мол, опять отвлекает съезд от регламента. Какое отношение пресловутый указ о митингах и демонстрациях имеет к уважаемому Анатолию Ивановичу? А какое отношение товарищ Лукьянов имеет к этому указу — неожиданно простым вопросом закончил свою речь Сахаров.

Странно, но до этого момента ни одного человека в стране не интересовала роль Лукьянова в разработке этого указа, в недавней тбилисской трагедии. Ибо по сравнению с Горбачевым, Лигачевым и другими членами Политбюро Анатолий Иванович был слишком незначительной фигурой. А этот вопрос возвышал его до политических лидеров.

В тщательно скрываемом механизме выработки законов Сахаров первым увидел опасность, которая могла погубить корабль перестройки. Ведь первое лицо государства только подписывает указы. А составляет их аппарат, руководимый вполне конкретными людьми. И он может определять не только порядок слов в указе, существенно влияющий на смысл принятого, но и порядок самих указов, уже определяющих смысл всей политики. Таким образом, скрытая в недрах аппарата фигура получает доступ к самому механизму политической власти. «Серые кардиналы», как их называли в истории, могут вообще сделать первое лицо игрушкой в своих руках, если, конечно, такое желание имеется. Так управлял Брежневым, к примеру, Суслов.

Кое-кто в тот день называл Лукьянова даже вице-президентом страны.

Стали задавать «хорошо подготовленному в теоретическом и практическом плане» «государствоведу» разные вопросы. И тут выяснилось, что именно Анатолий Иванович руководил подготовкой первого Съезда народных депутатов. Организация форума не выдерживала никакой критики. Сценарий съезда был распisan заранее. Микрофонов в зале не было. Голоса приходилось подсчитывать вручную.

Чувствовалось, что съезд подготовлен по старым образцам, человеком, напрочь лишенным чувства демократической перспективы. И, что особенно прискорбно, человеком, убежденным в своем догматизме. Новое принималось им крайне неохотно. Даже микрофоны в зале установили только после нажима депутатов.

Бесцветные ответы Лукьянова никак не сочетались с эйфорией тогдашних ожиданий. Он еще не осознал важности своего преобразования и потому открыто бравировал комплексом собственной неприметности, свойственной всякому вышколенному чиновнику, ложно

принимая этот комплекс за партийную скромность. Лукьянов, например, как и все другие члены Политбюро, узнал о тбилисских событиях только через шесть часов после случившегося. Все указы в Верховном Совете принимаются коллективно. Что же касается его личной позиции по межнациональным вопросам, есть «общая позиция нашей партии, и я придерживаюсь именно этой позиции».

И как ни настаивал Горбачев, нажимая на свои права, гарантированные конституцией, депутаты в тот день так и не проголосовали за кандидатуру Лукьянова. Заместителем его выбрали лишь в понедельник.

С НАЧАЛА никто не мог понять, зачем колоритному Горбачеву понадобился неприметный Лукьянов?

Очень услужливый и очень пристрастный историк Рой Медведев выдвинул броскую, но малосодержательную версию о личном факторе в этом неожиданном политическом альянсе. Мол, Горбачев с Лукьяновым — старые друзья. С начала 50-х годов, когда они вместе учились на юридическом факультете МГУ. Одно время даже вместе работали в комитете комсомола. Лукьянов был председателем учебно-воспитательного сектора, а Горбачев у него замом. Охочая до таких подробностей «Комсомольская правда» раскопала в газетных архивах заметку, в которой один начинающий функционер критиковал другого за серьезные недостатки, похожие на развал воспитательной работы на факультете.

Учились вместе? Ну и что? Пути-дороги после окончания университета у них сразу же разошлись. Горбачев вернулся к себе на Ставрополье, а смолянин Лукьянов непонятно за какие заслуги вскоре стал старшим консультантом юридической комиссии при Совете Министров СССР. В 1956 году, в свои двадцать шесть, он уже консультировал наших братьев по заблуждению — коммунистов Венгрии и Польши, дабы помочь им восстановить диктаторские режимы, закачавшиеся после демократических волнений. В 1968 году вслед за советскими танками он вошел в оскверненную братской помощью Прагу — якобы для правовых консультаций комсомольских и партийных организаций. Какое право он мог тогда проповедовать, кроме права сильного?!

Даже приведенные факты позволяют сделать осторожное предположение, что еще в студенческие годы Лукьянов, похоже, сотрудничал с органами. Иначе невозможно объяснить, почему именно ему доверяли столь ответственные поручения, которые имели скорее не правовой, а идеологический характер и потому всегда были в ведении госбезопасности. Впрочем, в те годы так называемые связи с органами среди юристов были особенно распространены.

В лучшем случае Горбачев встречался с Лукьяновым лишь эпизодически, а настоящее знакомство, скорее всего, было возобновлено, когда Михаила Сергеевича перевели в Москву на работу в ЦК. Анатолий Иванович тогда работал начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Чтобы укреплиться на новой работе, Горбачеву нужны были в аппарате ЦК свои люди. Приглашать помощников с периферии было делом хлопотным. Приходилось ориентироваться на старых знакомых, осевших в Москве. Тут как раз, думается, по чистой случайности, и встретились с Лукьяновым.

Анатолий Иванович, вероятно, оказался человеком на редкость преданным и исполнительным. Он прошел все университеты бюрократизма. Работал в Совете

Министров, в Верховном Совете, в ЦК КПСС. И ничего, кроме чиновничьей исполнительности, видеть ему не приходилось. Каждая ступенька на иерархической лестнице давалась ему прилежанием и послушанием.

Именно эту черту характера Горбачев, думается, принял за совпадение их мнений и убеждений. И причислил Лукьянова к своим единомышленникам.

В 1987 году Генеральный секретарь назначает Анатолия Ивановича на малоприметный, но стратегически важный пост. Он стал секретарем ЦК КПСС, который непосредственно курировал деятельность правоохранительных органов. Более того, вскоре секретарь был назначен еще и заведующим Отделом административных органов ЦК партии. Под его контролем оказывается работа важнейших органов власти, в том числе и Комитет государственной безопасности. В свое время такие функции в партии выполняли Николай Ежов и Лаврентий Берия. В первые годы перестройки, когда не было гласности и широкого международного признания, Горбачев, памятуя о нашей истории, справедливо опасался «дворцового переворота». Потому и нуджался в надежности такого контроля.

Не знаю, насколько эффективно тогда Лукьянов защищал тылы политики Горбачева. Единственный, по-моему, зримый результат, которого он добился от КГБ, — это допуск к архивам давно минувших времен. Впоследствии именно Лукьянов и возглавил комиссию по реабилитации жертв сталинских репрессий. Не исключено, что самое непосредственное участие принимал он и в составлении антиконституционного президентского указа о лишении генерала госбезопасности Олега Калугина правительственных наград.

Мы как-то привыкли считать, что самую знаменитую и загадочную аферу нашего века, так называемое «узбекско-кремлевское дело», развалили Лигачев и Сухарев. Но почему-то все забывают, что между ними было одно важнейшее связующее звено — заведующий Отделом административных органов, который по долгу службы контролировал также и Прокуратуру СССР.

Дотошные Гдлян с Ивановым при выборах Лукьянова засыпали его весьма провокационными и конкретными вопросами. Анатолий Иванович ответил, что на обозначенную тему можно разговаривать и целый день, но он будет краток. И, по существу, ничего не сказал. Я только понял, что он сдержал какое-то слово, данное Гдлян в частной беседе: уволил на пенсию Председателя Верховного суда СССР Теребилова. Не умное, согласитесь, признание для солидного политика. Ибо оно порождало слишком много новых вопросов.

И все-таки «звездный час» Лукьянова в вялотекущей перестройке пробил. Некоторое время он занимал два важных поста в ЦК КПСС и в Верховном Совете. На нем, как мы говорили, замыкался контроль над административными органами, которые, по существу, определяют власть в любом государстве. Кто контролирует эти органы, тот и является властью.

Горбачев, видимо, побаивался демонстративно отнимать эти функции у ЦК КПСС. И тут как нельзя лучше помогло раздвоение Лукьянова. Оставаясь в ЦК партии номинально, он фактически перешел на работу в Верховный Совет. И совершенно незаметно «унес» с собой со Старой площади важнейшую прерогативу контроля над административными органами, как уносят в кейсе из режимного учреждения пачку бумаг и коробку скрепок.

Не знаю, правда, сознательно ли Анатолий Иванович совершил этот непростительный вынос власти из

хорошо охраняемого здания ЦК КПСС или сделал это, как преданный исполнитель, не задумываясь над целью совершаемого? Да сейчас в принципе уже и не важно, как он это сделал — сознательно или бессознательно. Важно, что он вынес на себе эту власть.

Мавр сделал свое дело...

В НАШЕМ доме Михаил Сергеевич появляется, как вихрь. Вскружит голову избытком идей и снова на несколько недель пропадает с экрана телевизора. Анатолий Иванович заходит несравненно чаще. Пора спать ложиться, и он тут как тут. Иной раз пошутит, а в другой раз вообще так и просидит перед нами в своем неизменном синем, аккуратном скроенном кремлевском портном пиджаке, сохраняя важное многозначительное молчание.

Поначалу я был заинтересованным зрителем этих ежевечерних говений. Представлялось даже, что таким образом, сидя у телевизора, я влияю на жизнь всей страны. Но вскоре просто надоело чувствовать себя дураком, разбираясь в том, откуда берутся законы и куда потом пропадают.

Новую свою роль Лукьянов понял весьма специфически. Он даже сравнивал парламент с оркестром, а себя — с дирижером. Оригинальное сравнение. Это уже не проза, а поэзия. Парламентаризма. Законодательный орган должен был заиграть определенную мелодию. И Председатель настраивал этот орган на свой лад.

Мелодия, действительно, какая-то получалась. Но слушать ее не хотелось, так как она не всегда совпадала с настроением. Даже у депутатов. Так было, например, в середине ноября, когда голод и хаос предприняли первую осаду нашей столицы. В магазинах — хоть шаром покати, на улицах — эпидемия преступности, предприятия и учреждения охвачены откровенным саботажем, жилые кварталы — страхом и паникой. А руководство Верховного Совета по заведенному Лукьяновым порядку, как ни в чем не бывало, предлагает обсудить какой-то второстепенный, заранее запланированный к рассмотрению проект закона.

Пришлось депутатам потребовать в парламент Президента. Для объяснений, что же все-таки происходит в стране.

Горбачев пришел. И со второй попытки объяснил Верховному Совету, что надо делать. Через несколько дней Лукьянов подписал постановление «О положении в стране».

Чисто по-человечески Анатолия Ивановича понять можно. Классический исполнитель оказался в несвойственной ему роли законодателя. Ум, привыкший жить чужими установками, отказывался генерировать свои идеи.

Теперь стало ясно, чего ждать от парламента, который настраивается на жизнь только через речи Президента. Только зачем Горбачеву второй президентский совет, если и первый оказался лишним?!

Не сдержал Анатолий Иванович данного при всем честном народе слова: Обещал ведь на третьем съезде, что Верховный Совет будет противовесом Президенту, чтобы тот не зазнался и не стал диктатором. Вместо этого парламент наделил Горбачева дополнительными чрезвычайными полномочиями. По образному выражению одного из депутатов, они отдали Михаилу Сергеевичу все, что имели. Осталось снять и отдать только свои пиджаки.

А мы так надеялись, что и у нас появится, наконец, какой-нибудь антикультовый механизм. Но доктор юридических наук Лукьянов в силу своей личной несамостоятельности «разломал» даже те демократические

институты, где этот механизм должен был создаваться.

А может, так и было задумано? И никто серьезно не собирался возрождать лозунг «Вся власть Советам!»? Ведь советская власть понятие временное. Это всего лишь переход от одного авторитарного режима к другому. Об этом свидетельствует единственный практический опыт этой власти в 1917 году. Советы-то и сегодня нигде полноценно себя не проявили. Структуры не работают. И чтобы не создавать у народа лишних иллюзий относительно Советской власти, во главе Верховного Совета как раз и нужен был развальный талант Лукьянова. Кое-кто понял это еще на первом съезде. Депутат А. Себенцов: «В подготовке съезда нет ошибок, есть вполне определенная железная воля, которой не нужен работающий парламент».

Анатолий Иванович в очередной раз незаметно вынес на себе власть. Теперь уже из парламента, пользуясь всеобщей сумятицей и неразберихой. Но этот вынос походил уже на мальчишество, на фарс. Такое впечатление, что власть вынесли прежде, чем подумали, где и как ее будут хранить. Будто угнали автомобиль, чтобы покататься. И теперь Горбачев спешно создает президентские структуры, чтобы принять эту власть. Иначе она вообще может оказаться брошенной и ничейной. И кто ее подберет — неизвестно.

Так что в данном случае; нам кажется, Горбачев переиграл себя. Ведь Лукьянов по старой комсомольской привычке развалил не только работу в Верховном Совете. Его парламентская деятельность дискредитировала попутно и политику перестройки, и даже само понятие демократии, сделав его синонимом болтливости, беззубости, оторванности от жизни.

Как-то Лукьянов заметил: кто в молодости не был радикалом, тот не имел сердца, а кто в зрелом возрасте не становился консерватором, тот не приобрел ума. Если судить по мыслям, то возраст у него слишком почтенный, я бы даже сказал, пенсионный. Он стал в парламенте апологетом самых консервативных идей.

До последнего отстаивал, например, формулировки пресловутой антидемократической статьи 11¹. Как мог противился исключению шестой, партийной, статьи из Конституции СССР. Всеми силами защищал социалистический выбор и номенклатурные привилегии.

Вспоминается возмущенный рассказ депутата Шаповаленко о том, как взмахом руки Анатолий Иванович отменил на втором съезде поименное голосование, связанное с ликвидацией привилегий. И когда депутат попытался прорваться к микрофону, председательствующий Лукьянов буквально преградил ему дорогу словами: «Я знаю, что вы хотите взбудоражить народ. Пока я здесь, этого не будет».

А что будет? На XXVIII съезде КПСС Анатолий Иванович высказался за наращивание организационной и идейной сплоченности партии. Он также потребовал принятия специальной резолюции под условным названием «О работе КПСС по обеспечению полновластия Советов».

Но беда не в отживших свое время политических взглядах Лукьянова. Трагедия в том, что политика в нашей стране вопреки мировой практике предопределяет экономику. А догматизм в политическом мышлении ведет к преступной медлительности в действиях со всеми известными уже нам последствиями для нашей жизни.

Возьмем экономические законы. Большинство из них даже в проекте своем отставали от времени. Подзаконными актами, вызванными устаревшими пред-

ставлениями, практически сведен к нулю Закон о кооперации. Удавкой на инициативу людей стал Закон о налогообложении. Лишен вообще всякого практического смысла по причине старорежимных представлений союзный Закон о земле. Ибо он не передал землю тем, кто ее обрабатывает. Полон фарисейских хитростей прежних дней и Закон о собственности.

И сейчас, при переходе к рынку, становится очевидным, что принятые парламентом экономические законы не действуют. Они, наоборот, осложняют этот переход, тормозят его. Опираясь на эти решения, невозможно не только куда-то перейти, нельзя просто существовать. С поразительной быстротой разваливается экономика. Нужны принципиально иные решения, а времени для них нет. Более того, нет стремления и понимания необходимости их разработки. Мешают идеологические предрассудки. Не дай Бог отклониться от социалистического выбора!

При чем же тут Лукьянов? Он, как мы убедились, лишь исполнитель горбачевских замыслов. Но каких? Ведь идеи у Президента и Генерального секретаря не всегда совпадают. И у них, кстати, есть сильные и слабые стороны.

Так вот, я бы назвал слабую сторону политической линии Горбачева — ЛУКЪЯНОВЩИНОЙ. Это даже не сама политика, это заблуждения политика.

Бесспорно, совпадения во взглядах у Горбачева с Лукьяновым имелись. Да иначе и быть не могло. Они формировались в одной социальной среде, примерно в одном и том же кругу партийно-советских вельмож, при одном господствующем умонастроении. Неудивительно, что вкусы и пристрастия их соприкасались именно в той части их сознания, которая была определена их предыдущим бытием, поименованным марксистско-ленинской философией «борьбой за коммунизм». Точнее сказать так: Горбачев с Лукьяновым объединили не общие убеждения, а общие предрассудки.

Михаил Сергеевич, в силу своего незаурядного характера, сумел преодолеть инерцию окружавшей его среды и воспитать в себе самостоятельно те самые качества, которые и побудили его в свое время стать активным сторонником демократических преобразований. У Анатолия Ивановича таких способностей к саморазвитию было существенно меньше. Поэтому он и остался именно таким, каким сформировала его лагерная система развитого социализма. Назначив Лукьянова своим первым заместителем, Горбачев, возможно, сам того не подозревая, значительно усилил позиции собственных предрассудков в своей политике.

Ведь создание аппарата советников и помощников с таким человеком во главе, как Лукьянов, было равноценно стремлению водителя разогнать автомобиль, включая при этом систему торможения. Одновременный нажим на педали противоположного действия привел к немедленному развалу государственной машины. И в первую очередь «посыпались» шестеренки хозяйственных договоров и обязательств.

Право Президента — выбирать себе ближайших сподвижников. И советы постороннего тут как бессмысленное колебание воздуха. Поэтому я не призываю Горбачева оглядаться вокруг. Важнее присмотреться к себе, понять свои заблуждения, чтобы избавиться от них. И прежде всего от той самой лукьяновщины, которая на вид является образцом неприметной неторопливости и серой осторожности, а по сути — тайным противодействием всему здоровому и здоровому.

НАМ И НЕ СНИЛОСЬ...

Сценарий катастрофы с точки зрения психолога

С доктором политических наук автором диссертации «Массовые настроения в политических процессах» Дмитрием ОЛЬШАНСКИМ беседует наш специальный корреспондент Кирилл Светицкий. Начало разговора совпало с началом программы «Время», в первом кадре Владимир Молчанов сообщил «новость № 1» — наш Президент отдал, наконец, распоряжение, с которого началась борьба с порнографией.

К.С. В последние месяцы все в этой стране, включая политических лидеров, перестали понимать — что происходит вокруг. В воздухе буквально растворено ощущение близкой катастрофы. Мне кажется, что ни представители власти, ни демократы из оппозиции никогда не слышали о такой области науки, как социальная психология больших групп людей. Скажите, в этой стране, кроме Вас, кто-нибудь серьезно занимается психологией политики?

Д.О. Я не слышал о таких исследованиях. Специалисты в этой области были просто не нужны, пока существовала монополия «истмата». Политики играли в свои игры без учета массовых психологических последствий. И доигрались. Я с вами согласен — возник фон катастрофического сознания.

Один из базовых принципов, давно внедренный исследователями американской «Рэнд корпорейшн» в сознание подавляющего большинства политиков, бизнесменов и менеджеров Америки, звучит лаконично: «Психолог — агент перемен». Для Запада это аксиома: если вы хотите провести перестройку (там это называется инновацией) в фирме, штате или стране в целом — вы не можете, не имеете права игнорировать человеческую психологию. Нужно точно выстроить концепцию перемен, спрогнозировать реакцию людей на ваши новации и найти верные средства воздействия на этих людей. Если это удастся — перестройка проходит успешно. Если нет — она вряд ли получится или столкнется с колоссальными трудностями.

К.С. Что у нас в стране и произошло?

Д.О. В конце 1964 — начале 1965 годов готовился доклад нашего лидера к предстоящему 20-летию Победы. Помощник приносит ему материалы,

связанные с «теорией социализма». Бегло пролистав страницы, Леонид Ильич отодвинул их, сделав знак: вернуть. И пояснил, поучая молодого помощника: «Теория — не мой конск. У меня две сильные стороны: организация и (загибая пальцы) психология».

Эта самоубийственная иллюзия знания людской психологии вместе с Брежневым не умерла, продолжает существовать в высших эшелонах власти. (Чего стоит хотя бы одна антиалкогольная кампания.) Политика и политические решения, которые строятся на иллюзии знания, на ложной уверенности в соответствующей реакции людей, приводят не просто к ошибкам — они чреваты катастрофами.

Страна в оцепенении: падают экономические показатели, снижается политическая активность. Ничего не хочется делать. Маленький штрих: многие мои знакомые этой осенью не стали мыть окна — а ведь это вековая русская традиция. Люди опускают руки, потому что не видят будущего.

К.С. Я думаю, что о безответственности Горбачева, Рыжкова и других «реформаторов» этого ряда говорить неинтересно — она очевидна. Но обозначить процессы, по которым массовое сознание в стране развивалось последние пять с половиной лет, бесполезно.

Д.О. Картина получится неутешительная. Сначала — о тотальной деструкции, которая нам угрожает.

Природа власти, независимо от чьих-то желаний, идет не сверху — от политических институтов и властных структур, а снизу — от согласия людей кому-то подчиниться. Кризис власти в нашей стране заключается в том, что сегодня никто никому подчиняться не хочет. И это естественно.

Если вы разрушите старые «обручи», которые стягивали человеческие общности (страх и набор некоторых идей), вы должны быть готовы, что новые «обручи» появятся не скоро. Тем более, если вы хотите иметь принципиально иные основы для согласия людей вам подчиниться — их осознанный выбор на основе их собственного интереса. Раньше интерес был единым и всеобщим — скажем, социалистическая идея, удерживавшая некую новую общность. В результате определенного хода событий «обруч» дал трещину и стал разваливаться. Вместо единой общности возникло несколько, охваченных идеями «второго порядка» — допустим, национальными. Но, однажды начавшись, такой процесс сам собой не останавливается, идет дальше. И эти «обручи», не успев окрепнуть, разваливаются. Возникают иные — региональные.

районные — общности, удерживаемые все более частными интересами.

Переход Москвы на торговлю по паспортам и визиткам защищал интерес жителей Москвы. В августовских очередях за хлебом смотрели уже не городскую, а районную прописку. Затем очереди стали изгонять из своих рядов жителей соседних микрорайонов, прописанных на соседней улице: «У вас своя булочная сеть!» Так идет процесс распада, и где будет его предел — дом, семья, отдельный человек, — пока предсказать невозможно.

Любое переустройство общества, смена строя и социального порядка проходит через период дезорганизации и безвластия, своеобразной «войны всех против всех». Это неизбежная война пробуждающихся интересов, от общесоюзных до индивидуальных.

Еще один серьезный процесс — деполитизация. Согласно официальной статистике, в 1989 году в стране состоялось 3,3 тыс. митингов, в которых приняло участие 12,6 млн. человек. С 1 января по 23 февраля 1990 года — более 1,5 тыс. митингов, в которых участвовало 6,4 млн. человек. 24–25 февраля дали 500 митингов и более миллиона участников. То есть в первые месяцы минувшего года политическая активность росла. Однако дальше все пошло иначе. На выборы в Моссовет не явилось 40% избирателей. Повторные выборы в конце ноября вообще провалились, так как пришло не более 25%.

Когда тележурналисты в экспресс-опросах стали допытываться, как люди на улицах Москвы и Ленинграда относятся к новой программе Президента, они натолкнулись почти на всеобщее «не знаю». Не слышали, не смотрели, не интересуются. «Нескогда, все время в очередях проводим», — объяснила одна старушка.

К.С. Но ведь и западное общество сильно деполитизировано.

Д.О. Там, при развитой экономике и гарантированном удовлетворении базовых интересов граждан, политика становится средством самовыражения.

К.С. А у нас — проблемой выживания. Я-то, признаться, этой нашей деполитизации радовался. Думал, по митингам ходить перестали — чаще задумываться будем.

Д.О. Деполитизированное сознание — достаточно опасная штука. Оно руководствуется не высокими (в частности, политическими) идеями, а более низкими, бытовыми интересами. В обществе тотального дефицита очень многим становится не до идей — прожить бы день сегодняшней. А это уже деградация психики, утрата нравственных ограничений, вседозволенность и то, что можно назвать массовой криминализацией общества.

В августе—сентябре минувшего года в Москве появились случаи убийства из-за одежды. До зимы, дубленок и норковых шапок было далеко. Значит, ценность штанов, курток и маск стала выше ценности человеческой жизни. Когда на улице голод — и буханка хлеба в ваших руках может стать криминогенной. И тогда любой встречный прохожий потенциально может попробовать ее отнять.

Мы фактически уже живем внутри катастрофы. Как известно из «теории катастроф», в такие моменты любое действие элементов системы лишь ускоряет катастрофу, независимо от его содержания. Модельный метод политологии подсказывает ситуацию, во многом

аналоговую. Описывая октябрь 1917 года, Джон Рид отмечал: «В отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый шаг власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу».

К.С. Катастрофа кажется столь близкой, что ее можно пощупать пальцами. Как это может начаться?

Д.О. С цепной реакции. Самое страшное — это предчувствие катастрофы. В 17-м году был роскошный урожай. Но возник страх голода — и голод наступил.

Я просчитал методом аналогов — есть такой метод в социальной психологии, — что может случиться этой зимой в Москве. Если это произойдет — то произойдет очень быстро. Чрезвычайно опасно сочетание трех факторов в один из дней: первый — полное отсутствие в магазинах продовольствия; отключение, хотя бы на день, тепла и света (почти все московские новостройки оборудованы электроплитами), и третье — остановится общественный транспорт. Метрополитен уже однажды, в августе, собирался приостановить.

Да еще на улице двадцатиградусный мороз. Люди начнут жечь костры, чтобы хоть что-то приготовить. Массовые костры — это массовые пожары, следовательно — массы бездомных. На улицы выйдут толпы обезумевших людей. Старики останутся замерзать в квартирах вместе с теми продуктами, которые им прислали из Германии. Толпы начнут громить сначала магазины, затем «престижные» дома — в поисках продуктов. Кто-то попытается сформировать в микрорайонах и отдельных домах отряды самообороны, вооруженные чем попало. Если в этот момент власти с перепугу начнут создавать рабочие дружины и выдавать им огнестрельное оружие — будет только хуже. В спешке автоматы достанутся люмпенам, и люди начнут стрелять друг в друга. Город окажется под властью охлократии, толпы, обезумевшего плебса.

Между прочим, еще в 1946 году были разработаны, и с тех пор не изменялись, планы эвакуации из Москвы. Они предусматривали и возможность массовых беспорядков. Я недавно зашел к своему знакомому, руководителю крупного учреждения. Спросил его про эвакуацию — он глаза вытаращил. Я ему все объяснил, он покопался в шкафах и вытащил пыльные палки, где все подробно расписано, кому, куда, как, на чем и в какие сроки выезжать. Предложил ему съездить на место предполагаемого размещения эвакуированных. Приехали — а там уже новостройки выросли и никто давно никого не ждет. Так что планы эвакуации из Москвы — это, в основном, блеф.

Инфраструктура города может быть полностью разрушена за два дня. Город просто умрет. Начнется исход. Отряды самообороны будут, подобно бандгруппам, нападать на сельские поселения, чтобы хоть как-то прокормиться. Возникнут неуправляемые и враждующие друг с другом феодалы.

К.С. Мне кажется, подобное грозит не только Москве. Если разрушится столица, главный нервный узел нашей все еще централизованной державы, разрушатся и остатки экономического согласования. Это значит, что судьбу Москвы разделит и другие «узлы», крупные города страны.

Неужели и при таком, самом страшном,

П. Брейгель «Триумф Смерти»

развитии событий Запад не поможет нам?

Д.О. Мне кажется, что верить в помощь, в том числе и продовольственную, со стороны Запада — это примерно то же, что верить в урожай. Был у нас прекрасный урожай, и где-то он лежит. Но где? — мы его не видим. Так что насчет помощи — не знаю. А вот адекватно среагировать... В США я встречался со специалистами «Хэритэйдж фаундейшн», мозгового центра консерваторов из республиканской партии. Это те еще ребята... Когда я к ним с подобными вопросами подошел, они оживились и сказали, что у них уже давно все просчитано. Санитарный кордон войск ООН по всему периметру нашей границы, стреляют за 10 шагов. Контакты с феодальными группировками — по радиосвязи. В наиболее привлекательные феоды сбрасывают с вертолетов мешки с продовольствием. Всё.

К.С. На фоне столь близкой катастрофы «межпартийные» споры опроконечников с тупоконечниками выглядят уже не смешно, а просто безразлично.

Д.О. Наша политика все еще живет в стереотипах семнадцатого года. Пять лет разные люди боролись друг с другом за власть на разных уровнях, и никто так и не сумел сформировать организованную политическую силу, способную заменить КПСС и провести продуманные реформы. Пять лет — и ничего... Нет у нас и среднего слоя, который во всех развитых странах выполняет стабилизирующую роль буфера между противоборствующими силами. — слой, который Аристотель называл «полития». Не успели воспитать и демократическое сознание. И никто не хочет понимать, что политики могут играть в свои, безусловно, нужные, игры лишь при минимальном социальном порядке. Сейчас этот порядок — каким бы

он ни был — под угрозой. А катастрофа погребет под собой всех: и «правых», и «левых», и «центристов».

К.С. А вместе с ними и все разнообразие «измы», которыми поступиться как бы нельзя. Собчак предлагал еще осенью приостановить деятельность всех партий, включая КПСС. Если бы к этой идее прислушались, истинная ситуация во многом прояснилась бы.

Д.О. Это вряд ли удастся. Но та возможная сила, которая возьмется остановить падение, исходя из реальности...

К.С. Вы верите в чудо прозрения?

Д.О. Скорее нет, чем да. Но мало ли что может произойти. Этой силе необходимо будет незамедлительно принимать как стратегические, так и нестандартные тактические решения. Стратегия — это разработка базовой модели развития, общей концепции перемен. На это уйдет год. Причем изложение программы должно быть таким, чтобы каждый человек мог примерить все сказанное на себя. Но при этом не забыть, что всем угодить невозможно.

Тактическая задача — прожить эту зиму и весну без катастроф, для чего гарантировать базисный уровень, ниже которого нельзя будет упасть при любом развитии ситуации. Чтобы люди знали: на самый страшный случай сеть и то, и другое, и третье... Сейчас уровень, который можно гарантировать, очень низок. Но с каждым днем он опускается все ниже.

Мы должны знать дно. И, приняв превентивные меры, от него отталкиваться. Раз падение неизбежно, раз мы уже падаем и мало шансов зацепиться — надо хоть соломой подстелить. И желательно, чтобы слой был потолще.

К.С. Будем надеяться...

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

«Я» И «МЫ»

Свобода выбора — абсолютный принцип, не допускающий исключений.

М. ГОРБАЧЕВ.

Видит бог — никогда не цитировал вождей. Но без труда, без сожаления расстаюсь и с этой последней своей девственностью. Потому что лучше, точнее не скажешь. Вот и Збигнев Бжезинский, на которого не грех сослаться, считает так же. Приведенная «фраза блестяще отражает сущность демократии», пишет он в статье, опубликованной в первом номере газеты «Мы/We». Газета эта вышла в разгар лета, когда одно за другим стали появляться новые издания, в том числе и травкинская «Демократическая Россия». В одном из номеров были помещены результаты опроса, проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения. Впечатляющие, я бы сказал, результаты.

«...Только 5 процентов респондентов высказались за немедленную отмену смертной казни, треть (32,1 процента) предлагают оставить ее в СССР в нынешних формах и еще треть — расширить ее применение... По отношению к гомосексуалистам: 33,7 процента опрошенных предлагают их ликвидировать, 30,7 процента — изолировать от общества. Примерно одинаковое отношение к проституткам и наркоманам. 28 процентов опрошенных считают необходимым их ликвидировать и примерно треть — изолировать от общества... Среди молодежных движений наибольшее раздражение вызывают рокеры. 21,2 процента предлагают их ликвидировать и 14,7 процента — изолировать...».

Приведенные данные газета от-

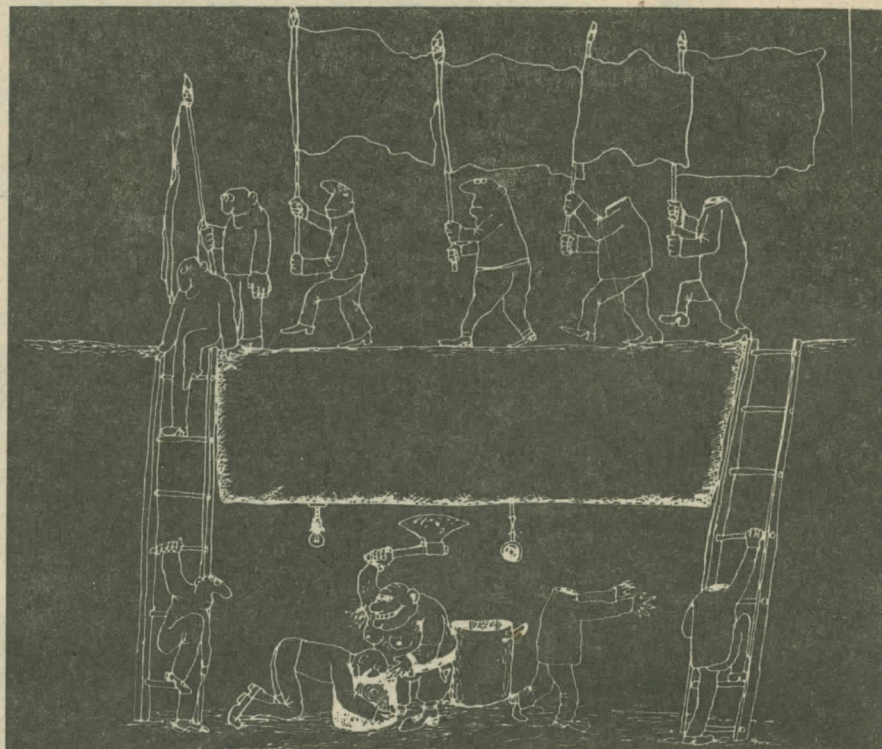

Рис. В. Сысоева

комментировала одним лишь заголовком «Не похож на меня? К стенке!». Я понимаю растерявшихся редакторов. Они оказались в сложном положении. Единственным стоящим комментарием было бы закрыть газету, а с ней и одноименную партию: о каком рынке, каком плюрализме, какой многопартийности, какой демократической России может вообще идти речь, когда за каждым из этих слов стоит один и тот же абсолютный принцип, элегантно сформулированный Горбачевым? Та самая свобода выбора, в праве на которую наши сограждане с какой-то нечеловеческой злобой отказывают друг другу.

Злоба рождает злобу, но вовсе не к темным непросвещенным согражданам, а к вроде бы просвещенным, к тем, которые берутся просвещать других. Например, к создателям нашего документального кинематографа, которые в последние несколько лет облюбовали ниву проституции. Фильмов на эту тему сделано видимо-невидимо — все, впрочем, одинаковые. Везде удивительное по бесцеремонности, по большевистской наглости вмешательство в чужую личную жизнь, в чужое privacy, то с помощью скрытой камеры, то с помощью звукоусилителя. Говоря проще, везде подглядывание и подслушивание. Вез-

де старчески сладострастное смакование «фактурки» чудно уживается с высоким гражданским пафосом, гневным бичеванием и самих проституток, и породившего их социалистического строя. Защитой проституток мы еще займемся, сначала защитим строй.

Право слово, у Советской власти так много своих грехов, что нет надобности приписывать ей чужие. В первородном грехе Советская власть не виновата. Не она выдумала естественное влечение мужчин к женщине и ту скромную выгоду, которую из этого можно извлечь. Все это так глупо, что даже нет повода для иронии, и я никогда бы до нее не опустился, если бы бичевание «палачей» всякий раз не оборачивалось бичеванием «жертв», если бы все эти картины не были пронизаны одним и тем же истощным криком «Ату ее! Ату!», эхом откликнувшимся казенным словом «ликвидировать».

То, что советские художники слишком часто дышат в унисон с народом, само по себе еще не страшно. Страшно, что все дышат в унисон. Страшно, что не нашлось ни одного, кто бы, взяв на три тона ниже, взглянул на дело с другой стороны, хотя бы с прагматической. Можно бороться за совершенство мира, пытаясь его переделать заод-

но с человеческой природой. Этим путем мы идем последние семьдесят лет. А можно из тех же пороков извлекать определенную общественную пользу. Как известно, проституция снимает подростковые стрессы и комплексы, уменьшает количество изнасилований. Поэтому в странах Запада она регламентирована Законом. Так защищается святое право на свободный выбор: проститутки — занимаясь своей профессией, а матери семейства — ходить по тем улицам, где она ни при каких обстоятельствах не столкнется с проституцией.

В нормальном обществе все замечательно уживается друг с другом. Там есть матрона, сторонящаяся проституции, и есть проститутка, зарабатывающая свой хлеб в отведенном ей месте; там есть клерк, тайно пользующийся тайными услугами, и есть другой клерк, который громко все это осуждает; там есть церковь, видящая и в продажной любви, и даже в любви непродажной, «за так», большой грех; и есть богема и интеллектуалы, которые ни в том, ни в другом, ни в третьем особого греха не видят; наконец, там есть Закон, стремящийся примирить свободный выбор каждого. Это общество можно назвать ханжеским, или, наоборот, растленным, или лицемерным, или как еще будет угодно, но оно не страдает кровожадностью, и там почти не употребляют слово «ликвидировать». И вовсе не потому, что западная домохозяйка склонна к гомосексуализму больше, чем советская, а потому только, что она привыкла считаться с чужой независимостью, с чужим privacy, справедливо полагая, что лишь из множества отдельных «я» складывается «мы» общественного сознания.

В нашем удивительном обществе отсутствие «я» прежде всего у тех, в ком оно должно быть особенно развито, кто призван исполнить роль интеллектуалов, влечет за собой стирание «мы», его расплывчатость и невнятность. Примеров тому — самых различных — великое множество.

Года два назад уважаемый мною критик Ст. Рассадина в своей «огоньковой» статье обронил, что без Набокова, Платонова и Пастернака мы жили, как в противогазе. Фраза эта наделала много шума. Рассадину отвечали не по существу и довольно гадко: мол, хорошо жилось и писалось в противогазе, если издано два десятка книг. Меня эта фраза озадачила другим: кто такие эти «мы»? Если они хоть в малой степени

включают в себя «я» Рассадина, если это «мы» — столичные литераторы или — что значительно шире — «мы» — московско-ленинградская интеллигенция, то налицо явное недоразумение. Ведь задолго до всякой гласности и перестройки, в самые застойные семидесятые годы — спасибо «Ардису» и «ИМКА-пресс» — в каждом втором московско-ленинградском интеллигентном доме, не говоря уж о столичных литераторах, вперемежку с советскими изданиями стояли на книжной полке и «Дар» с «Лолитой», и «Котлован», и «Доктор Живаго». Нужно было обладать или полным равнодушием к отечественной словесности, или особой тягой к противогазу, или какой-то просто дьявольской изворотливостью, чтобы этого не прочитать.

Не имея никаких оснований подозревать Ст. Рассадина ни в первом, ни во втором, ни в третьем, я вынужден предположить четвертое, нечто, на взгляд, еще более неве-

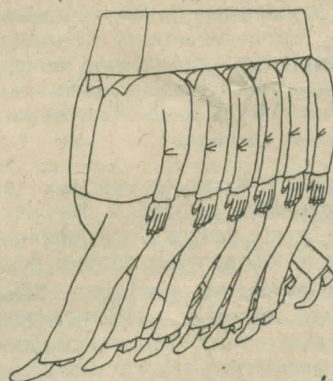

Рис. В. Сысоева

роятное: в данном случае «мы» Ст. Рассадина даже в малой степени не содержит его «я». Это «мы» некоего абстрактного многомиллионного читателя «Огонька». И опять получается неправда. Ведь из многомиллионной этой абстракции вряд ли наберется сто тысяч, кто не читал Набокова раньше, а теперь с пользой для себя прочел. Остальные, если и прочли, наверное, не поняли, почему прежде жили в противогазе. Замечательно себе жили: жили — не тужили, смотрели «Кабачок 13 стульев».

За идеей о том, что миллионы без Набокова задыхались, как в противогазе, стоит и странное понимание Набокова, который вроде бы не рассчитывал статью вторым Диккенсом, неким чтением для всех, и утопия страшнее оруэлловской (так и представляешь себе миллионы, вышедшие не с транспарантами

«Дайте хлеба!», «Правительство в отставку!», а с лозунгами «Давай Набокова!», «Под нож Проскурина с Прохановым!»), и убежденное пренебрежение к чужому выбору, «праву на Пикуля», тем более удручающее, что подано оно под видом самой широкой демократии — по-братски, на всех разделенного противогаса.

Итак, повторим, как заклинивание: свобода выбора — абсолютный принцип, не допускающий исключений.

И тогда в заключение можно будет рассказать одну рискованную историю, которая вспомнилась мне в связи с Диккенсом и чтением для всех. Лет пятнадцать тому назад я, будучи пытливым подростком, все выспрашивал у одной пожилой женщины, пережившей блокаду, так ли был единоклубен наш народ во время минувшей войны? Она некоторое время колебалась, а потом ответила, что в начале блокады встретила на улице своего приятеля, профессора, которого до этого долго не видела, и кинулась к нему с восклицаниями:

— Ужас! Со дня на день придут немцы. Все пропало!

Профессор посмотрел на нее с удивлением и холодно заметил:

— Позвольте полюбопытствовать, что именно у вас пропало, дорогая?.. Ну, придут немцы. И замечательно, что придут. Вы же понимаете, они не вечны. Они обречены. Самое большее года через два три их непременно прогонят американцы. А потом... потом... — тут он мечтательно задумался. — Потом все читают Диккенса. И, помолчав, категорически добавил: — А кто не хочет — тот не читает.

И тогда, и сейчас мне даже страшно подумать, что могло произойти за те два-три года, пока пришлось бы ждать американцев. Но ни тогда, ни сейчас я не осуждаю профессора. И потому, что не имею на это никакого права. И потому, что от души понимаю его чувства даже не к Сталину-Ленину и не к системе-партии, а к тому, что еще хуже и, главное, неизбывнее. Ведь вот и система уже благополучно рушится, и партия вместе с ней, и Ленина потихонечку сносят, но все так же осталось и чуть ли не окрепло это «мы» — аморфное и невнятное и вместе с тем непримиримое в своей ненависти к чужому. И как далеко, как по-прежнему недостижимо далеко блаженное время, где все читают Диккенса. А кто не хочет — тот не читает.

Михаил ДУБИК

Обед без комплексов

Вполне обеспеченные москвичи не брезгают пользоваться отбросами валютных продуктовых магазинов.

На пути от тоталитаризма к рынку нас, ослабевших от социализма, всячески поддерживает цивилизованный капиталистический мир. Западные экономисты бесплатно советуют, правительства бесконечно дают кредиты, а простые немцы, шведы, поляки и канадцы бескорыстно шлют продовольственные посылки по адресу: «В бывшую сверхдержаву».

В общем, получается, что мы — страна развивающаяся. Следовательно, не стоит комплексовать по поводу западной помощи — нужно смиренно принимать все во всех разновидностях. В частности, в виде отбросов.

Не секрет, что в процессе перманентного загнивания Запад никогда не переставал беситься с жиру. У них, например, существует некий (краткий) срок хранения продуктов в магазинах. По истечении его продукты аккуратно выставляют на улицу: вторая свежесть не котируется. Все может быть вполне съедобно, но срок истек — никуда не денешься...

Мы об этих вопиющих фактах, конечно, слышали, читали, а кто-то, бывая в зарубежье, даже видел это своими глазами.

Сегодня этот мир пришел к нам, в Москву — в виде фирменных западных магазинов. И какое удачное совпадение! — нам в этот момент как раз стало нечего кушать. Самое время воспользоваться их щепетильностью.

Координаты этого магазина я позволю себе засекретить — не хочется вредить ни «фирмам», ни окрестным жителям. Просто фирменный магазин, торгующий на валюту.

фото Н. Степенкова

Особенность магазина в том, что все его работники — иностранцы, то есть могут эти самые валютные товары просто купить — и потому не воруют. Поэтому задняя дверь периодически открывается, и человек в фирменной униформе выносит к мусорным бакам большие черные полиэтиленовые пакеты. Происходит это обычно под вечер, и дальнейшее отдаленно напоминает образ из романа Стругацких «Пикник на обочине».

Сумерки. Несколько неясных теней задумчиво роются в мешках. Вдруг открывается служебная дверь и в освещенном проеме появляется человек в униформе. Тени в испуге замирают. Но человек всего-навсего тихо и вежливо говорит по-английски: «Пожалуйста, не разбрасывайте мусор по двору...»

И исследование продолжается! Это что за овощ такой коричневый? А вот что-то знакомое, похоже на наш фруктовый кефир. Какой-то порошок, по вкусу шоколад. Ладно, чего там — грузим все подряд. Там разберемся. Все равно оружия массового уничтожения типа колбасы по 2.20 здесь не отыщешь. Зато есть бананы невиданной спелости, рулет со взбитыми сливками и клубничным джемом, а также неведомые продукты, суть которых предстоит познать эмпирическим путем...

Довольные, кладоискатели расходятся по домам. «Фирмачи» тоже могут спать спокойно: чем могли — помогли голодным жителям Москвы.

А главное, каждому свое. Можно понять всех — и наших ветеранов, отказывающихся получать посылки с продовольствием из стратегических западноберлинских запасов, и

тех немногих москвичей, которые плюют с высот своего продуктового рая на буржуазские отбросы. И их детей, которые периодически сносят ограду, пробираются во двор магазина и крушат то немногое, что оставляют там аккуратные иностранцы.

Можно понять и тех, кто не считает унизительным порыться в сокровенном черном полиэтиленовом мешке. Разве четыре часа в очереди за мясом, каждый грамм которого достается с криком, потом и матом, — меньшее унижение?

Кстати, для некоторых завсегдаев валютной помойки такой способ добывания пищи — если не единственный, то основной источник приличного питания. Брезгливость и колкие «фи» жителей близлежащих домов у ревнителей нравственности — не помеха. Тем более, что в руках — фирменные пакеты этого же магазина, которые вряд ли куплены на доллары. Скорее всего подобраны тут же, неподалеку.

Как и на всех «рыбных» местах, здесь — конкуренция. Кто не успел, тот опоздал и остался без вкусного ужина. Но моим знакомым сегодня повезло: несколько брикетов филе морской рыбы с диковинным названием и без единой косточки («Что будем делать? Слишком много — надо засолить!»); салат из киви (тот самый удивительный плод), бананов, грейпфрутов, мандаринов и апельсинов; английский ароматизированный чай и — ура! — две слегка помятые баночки пива. Сегодня в этой обыкновенной московской кухне — пир горой.

А тем, кто продолжает жить в сверхдержаве... Что ж, им тоже — приятного аппетита.

Елена
БОЛДЫРЕВА

МИМО ТРАМВАЯ

Лучшим для города транспортом принято считать метро. Уверяю вас: это заблуждение. Трамвай гораздо лучше. Он просторен и светел, дышится в нем легче, чем под землей, трясет не сильно. И вообще, зрелище аккуратных вагончиков, деловито спешащих по рельсам, согласитесь, радует душу.

Рассказывают, что, когда Фидель Кастро впервые приехал в Союз, он был совершенно очарован московским трамваем. На Кубе трамваев не было. Особенное впечатление на Фиделя произвела его дешевизна. Хрущев даже удивился его энтузиазму — ведь у нас в те годы трамвай считался отмирающим видом транспорта.

Но ведь недаром же, вспомните, о трамвае так много писали наши замечательные писатели. И Зощенко, и Пастернак, и Ильф с Петровым — перечислять можно долго. И уж конечно, у каждого на памяти булгаковская Аннушка, пролившая у трамвайных путей столь дефицитное нынче подсолнечное масло. Вот метро — оно почему-то писателей почти не вдохновляло. Были, конечно, героические очерки о строителях метро, была поэма Долматовского, что еще? А трамвай... Что-то в нем все-таки есть, это именно нам, истинно московский транспорт.

В прошлом году был тихий юбилей, городом почти не замеченный: столичному трамваю исполнилось 90 лет. Работники трамвайных служб его отмечали, конечно. Они, хотя и ругают, и клянут свою работу, относятся к этому грохочущему шумному транспорту с какой-то даже нежностью, и любой водитель-ветеран может о Москве трамвайной порассказать такого, чего и историк не знает.

Были времена, когда трамвай любил на правительственном уровне, на самом высшем. В 1949 году, 18 июня, вышло постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению трамвайных путей и дорожного хозяйства г. Москвы». Трамваю придавалось значение государственное. То была пора расцвета: за годы с 49-го по 53-й в Москве было построено и реконструировано 360 километров трамвайных путей. Возникали новые маршруты, внедрялись передовые методы труда... Потом, правда, прогрессивная технология заливки путей бетоном оказалась дорогостоящей ошибкой, этот полуметровый бетон и сейчас еще выламывают из-под рельсов, но тогда... Тогда будущее трамвая виделось в

дальнейшем «увеличении», «расширении», «развитии»...

В начале шестидесятых годов, однако, трамвай был признан транспортом совершенно бесперспективным. Отживающим. Кем признан, установить сегодня трудно, но по всей Москве начали снимать трамвайные пути. В 68-м году построили и тут же разобрали линию на Волгоградском проспекте: сначала немалые средства вложили в строительство, потом — в разрушение. В 72-м сняли пути на Большой Грузинской. От этого удара трамвай так и не оправился: именно тогда было разорвано кольцо, прервана единая московская трамвайная сеть.

В январе 76-го Мосгорисполком принял оптимистичное решение о снижении в городе трамвайных перевозок на целых 25 процентов. Потом на трамвай махнули рукой: оставили «на доживание».

А тем временем в Европе, подстегнутой энергетическим кризисом, к трамваю стали проявлять деятельное внимание. У него вдруг обнаружилось множество неоспоримых достоинств. Экономичен. Экологически чист. Надежен. Способен перевозить большое количество пассажиров. Возникли новые виды трамваев — скоростных, бесшумных. Развивалась техника, обслуживающая вагоны и трамвайные пути. Там, в других странах, между решением и его претворением в жизнь времени проходит почему-то совсем немного.

В 1981 году опомнились и у нас: а может, рановато списывать трамвай? Хоть и старомоден, зато надежен. И в феврале того года издали постановление — о мерах по улучшению содержания трамвайных путей. Ну, а два года спустя в своем июньском постановлении Мосгорисполком обозначил и вовсе сияющие трамвайные перспективы. В ближайшее же время, немедленно предполагалось ввести 50 километров новых трамвайных линий, а впоследствии — 220. Трамвай должны были прийти в новые районы: Ясенево — Теплый Стан, Марьино — Орехово-Борисово, Люблино — Марьино...

Единственное, что успели сделать, — 17 километров линии в Строгино. Все остальные проекты остались на моссоватовской мелованной бумаге. Потому что в 88-м, в октябре, решение 83-го года отменили. И снова полная неопределенность: есть ли у трамвая будущее?

Итак, сегодня в городе всего 37 трамвайных маршрутов. Вагонов — 1200. 5

трамвайных депо (очень старых). Длина пассажирского пути — 400 с небольшим километров. В год трамвай перевозит 658 миллионов человек — это 13 процентов всех пассажирских перевозок наземного транспорта. Водителей трамвая — чуть больше двух тысяч (человек двести не хватает). А в графе «доходы трамвайных парков», оказывается, сплошной минус. Московский трамвай убыточен. Не было прибыли при трехкопеечном билете, нет и при пятикопеечном.

Трамвайные экономисты подсчитали: для того, чтобы трамвай работал без убытка и чтобы покрывались все расходы по его эксплуатации, ремонту, закупкам новой техники, с пассажира следовало бы брать за билет по 6,9 копейки. Сегодня же, уверяют они, мы платим вовсе и не пять, а всего... по 3,8 копейки. Почему? Из-за «льготников» — множества граждан, имеющих право на бесплатный проезд. Причем — бесплатно они ездят не за счет своих ведомств, что было бы логично, а за счет нашего с вами пятячка — и на метро, и в автобусе, и троллейбусе, и в трамвае. Из-за этого в трамвайную кассу и поступает так мало денег. А трамвайные перевозки дотируются из городского бюджета.

И все-таки прибыль у трамвайных предприятий есть. О, это очень хитрая прибыль! Условная. Деньги, вырученные от продажи талонов, делят на пять копеек, «образуется» некий «среднестатистический пассажир», якобы пользующийся трамваем.

Если бы билеты продавались только в едущем трамвае, тогда подобная система исчисления пассажиров была бы верна. Но ведь билеты покупают и пешеходы, которые пассажирами еще не стали. И — очень часто — так и не станут: не дождавшись трамвая, они пойдут пешком. А если учесть еще, что среди счастливых, которые все-таки едут, находится масса людей, которые билет покупать и не собираются — это все те же «льготники», то исчисление пассажиров путем деления суммы от всех проданных билетов на пять копеек попросту неверно. И даже несправедливо. Тем не менее на каждого «искусственного пассажира» упрямо выделяется дотация из щедрого городского бюджета. Чем больше «условных пассажиров», тем дотация выше. Она должна не только покрывать расходы на содержание трамвая, но, естественно, и несколько превышать их, чтобы хоть что-то осталось на премию самим трамвайщикам. Это-то превышение и называют прибылью трамвайного парка. Вот такая маленькая хитрость.

При этом транспортников совершенно не волнует, сколько настоящих, из плоти и крови, пассажиров они перевезут. И как перевезут. Главное — продать побольше талончиков! Вот и торгуют ими

и табачных ларьках, в метро и рядом с ним, в магазинах и банях, в химчистках и прачечных. Продали, разделили на пять, получили абстрактного пользователя транспортом, включили в систему отчетности — можно конструировать «прибыль». А настоящий, живой пассажир мерзнет и мокнет на остановках, обрывает пуговицы в трамвайной тесноте: он уже давно учтен и просчитан — нужно ли теперь заботиться о нем?

Тонкости всей этой условно-прибыльной системы растолковывал мне Роман Михайлович Арвеладзе, заместитель начальника управления ММПО «Мосгортранс». Некоторое ощущение того, что такая система работает против пассажира, в Мосгортрансе, конечно, есть. И сейчас управление разрабатывает целый «комплекс мер». Но без дотации, оказывается, все равно невозможно существование этого симпатичного вида транспорта.

Что обычно делает или предполагает сделать любое ведомство, когда оно усиленно обращает наше внимание на убыточность своей отрасли? Повышает или собирается повысить цены на свои услуги. Так вот, Роман Михайлович Арвеладзе изумил меня совершенно. Он решительно заявил:

— Я категорически против повышения цены на билет! Пятачок для пассажира мы должны оставить неизменным.

Идея «Мосгортранса»: финансово подпитывать трамвай должны предприятия. Ну, в самом деле, семьдесят процентов поездок по Москве (это подсчитано) — на работу и обратно. И будто бы разумно, если предприятия, учреждения и организации станут платить городу «за доставку на производство рабочей силы». Нужно, чтобы эти средства были изначально заложены в налоги предприятий, говорил заместитель начальника управления ММПО «Мосгортранс». И тогда цены на билет можно не повышать...

Хорошо, конечно, что транспортное ведомство заботится о нашем с вами кошельке. Но во всех этих планах и расчетах заложена изначальная покорность судьбе, заранее предопределенная убежденность в том, что дотация неизбежна. Можно, конечно, искать тот или иной источник доплаты. Но не лучше ли сделать так, чтобы трамвай стал не только безубыточным, но и доходным? Безусловная ликвидация «института льготников» — уже немалые средства. Снижение расходов: на ремонт вагонов, содержание и обслуживание трамвайных путей, для чего нужна иная, чем сейчас, техника. О том, на какие чудеса способна новая техника, могут рассказать специалисты предприятия путевого хозяйства «Мосгортранса». С апреля 90-го года на московских трамвайных путях появились пять удивительных машин: на-

весная техника на платформе КАМАЗа, которая, двигаясь вдоль линии, чистит пути, смазывает перепутья, словом, всесторонне ухаживает за рельсами. Эти необходимые путевые работы с появлением чудо-машин сразу подешевели. Одно только «но»: навесная эта благодать была закуплена в ФРГ, у фирмы «Шорлинг», которая разную трамвайную технику производит в разнообразнейших вариантах. А это — валюта, которой сейчас нет даже на то, чтобы пополнить изрядно поизносившийся парк трамвайных вагонов — их мы покупаем в Чехо-Словакии. Наконец, доходы сразу же растут при замене обычного трамвая скоростным. В зарубежных странах это поняли давным-давно: скоростной транспорт удешевляет перевозки. Быстрее оборачивается — значит, перевозит больше пассажиров, больше пассажиров — больше доходов.

Вообще советовать легко: новейшие механизмы, современная технология... А то, что почти все московские трамвайные депо — ровесники века? А запчасти, которые тоже надо покупать за валюту?

Что касается скоростного трамвая — главного источника доходов, — то Мосгортрансу эта идея не чужда. Он нашел партнеров в Киеве, на энском машиностроительном заводе. Московские транспортники и киевские «оборонщики» создали консорциум, в рамках которого на-

чал работать временный творческий коллектив — как раз над созданием скоростного трамвая. Кузов будет унифицированным — пригодным и для трамвая, и для автобуса, и для троллейбуса.

Конечно, можно упрекнуть московских транспортников: когда он еще будет, этот новый трамвай! Мир вовсю пользуется скоростной техникой, а мы лишь приступаем к ее проектированию. Но вспомните, в какой неопределенности все эти годы жили трамвайщики: в Москве то открывали маршруты, то снимали совсем новенькие рельсы... Ведь и сегодня никто не знает — есть ли будущее у московского трамвая?

И раздражает нас трамвай, и гремит он, а все же, все же... Открыли вот экскурсионную линию: от Кировских ворот ходит старая, тех еще, давних лет «Аннушка», билеты по рублю, желающих прокатиться множество. И кафе возникло на Цветном, с тем же ностальгическим названием — «Аннушка», на стенах виды старого трамвая, посетителям это нравится...

Так нужен ли Москве трамвай? Сегодня никто не может ответить на этот вопрос. Представьте, никто не знает, какая команда последует сверху: сносить рельсы — или тянуть новые в светлую даль. Но решать-то должны не в кабинете, а все мы, москвичи. Ездить-то на трамвае — нам! Так ответьте, пожалуйста: вам трамвай — нужен?

Фото
В. Рябина

По неведомо кем заведенной традиции за всеми видами краж прочно установилась репутация «мягких» преступлений. С одной стороны, действительно, редко вор вооружается до зубов и отстреливается от потерпевших. А с другой — моральный и материальный ущерб от краж так велик, что люди, обобранные до нитки, годами не могут отойти от внезапного потрясения.

Сегодня наш специальный выпуск посвящен, на первый взгляд, банальному преступлению — краже.

МУЖАЙТЕСЬ, АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Там фантастически красиво. За воротами голодная, сумрачная, озлобленная Москва, а внутри тихо, и нужно высоко задрать голову, чтобы разглядеть лепной потолок, к которому от земли взлетает зеркальная лента, и древние латунные петли не дают стукнуть двери. В каждом крохотном зальчике свой собственный уникальный камин, и страшно ступить, не переобувшись, на воздушную лестницу ажурного литья.

Первые документы, касающиеся усадьбы, тогда еще деревянной, датированы 1774 годом. Главный дом с двумя боковыми флигелями, хозяйственная постройка и большой сад в глубине принадлежали тогда надворному советнику Чонжину. Пожар 1812-го уничтожил деревянную Москву, и очередная владелица участка генерал-майорша Нечаева за неимением денег на постройку вынуждена была продать владение второй гильдии купцу Михайле Андрееву сыну Крашенинникову. Спустя четыре года тот вновь отстроил хоромы, уже каменные, да и ему не судьба была оставить дом внукам. Опять менялись владельцы, и каждый вносил свою лепту в обустройство и украшение.

Наконец, 20 февраля 1912 года владение наследника Мухина на Елоховской площади приобретает городом за 180 тысяч рублей «для нужд городских просветительских учреждений имени А. С. Пушкина».

Бог милывал старинный особняк, не дав превратить его ни в склад, ни в конюшню. Не отняли даже просветительских функций — с начала века по сей день в нем живет библиотека имени Пушкина.

А прошлой зимой туда пришла беда. «Заявление. Утром 6.01.90 г. при осмотре помещений библиотеки обнаружены пропажа 5 книг — прижизненных из-

даний А. С. Пушкина и еще нескольких изданий. Книги уникальные, представляют большую антикварную редкость... Аналоговая стоимость похищенного превышает 400 тыс. руб. На книгах имеются личные автографы исторических лиц XIX века...»

«Детям нашего времени» некогда было любоваться красотой. Подставив лестницу, оставшуюся во дворе после бесконечных ремонтов, они преспокойно влезли в окошко второго этажа и, истоптав грязными ботинками призеркальный столик, стали взламывать внутренние двери. Они знали, куда идти через анфиладу читальных залов и книгохранилищ. Пушкинская комната, где экспонировалась в то время уникальная выставка прижизненных изданий поэта, оказалась как раз в конце их маршрута.

Уголовное дело тогда записали в «висяки». Оставалось только ждать, когда книги «всплывут» на книжных рынках. Они и начали «всплывать» потихоньку: «Бахчисарайский фонтан» 1830 года издания, «Братья-разбойники» 1827-го, «Кавказский пленник» 1828-го.

А в ночь на 23 октября милицейский патруль задержал наконец двух парней, привычно перелезавших через ограду Пушкинского дома...

Сколько лет билась директор библиотеки Хмельницкая в двери всех контор — страшно сказать. Ни охраны, ни надежных замков, ни сигнализации. Спасибо, хоть отреставрировали. Ленинская библиотека вообще вот-вот развалится. Народное достояние, одним словом.

— Хотите с ними встретиться? — спросил старший следователь Бауманского РУВД Николай Панасенко.

Не хочу. Потому что каждый день вижу на улицах эти тупые, пьяные лица нового поколения, разучившегося создавать материальные (не говоря уж о культурных) ценности, но хапающего и хапающего все без разбору.

Я могу рассказать их биографии, не заглядывая в «чистосердечные признания». «Залез в поликлинику и украл 4 шприца», «на дне рождения украл кассету «Сони», «занимался аферизмом на Птичьем рынке», «осужден по статье...»

Восстановить события того январского дня просто как дважды два. Сдали бутылки — купили 15 литров пива. Смог трели «порнушку», и пиво выпили. Купили бутылку портвейна и распили ее в подъезде. Потом обошли все ближайшие магазины, но больше ничего не нашли.

И продать-то Пушкина достойно не сумели, не помог большой опыт «аферизма». То, что по предварительной оценке (не рыночной) стоит 46 150 рублей, «толкнули» всего за 400.

«О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!»

Гром грянул, так что теперь в библиотеке есть и ночные сторожа, и сигнализация, и окна оделись в решетки.

Кстати, у меня идея. Предлагаю директорам других культурных учреждений, где осталось еще что-то ценное, распахать это самое ценное по сумкам, да и умыкнуть потихоньку. А уж когда перекрестятся и станут сторожить, можно вернуть. Надежнее будет.

Патент на изобретение прошу оплатить за счет Совмина, всегда субсидировавшего культуру по остаточному принципу. И растерявшего ее.

Елена САЛИНА

Фото Э. Кудрявцова.

Вас еще не обокрали?

Тогда готовьтесь. Причем в ближайшее время — об этом настойчиво твердит нам статистика. В последний год наблюдается настоящее нашествие воров, которые, как саранча, проникают в любые щели и растаскивают наше барахло по черным рынкам и «малинам». Они не брезгают ничем, недавно одна квартира была обкрадена «под ноль» — на глазах у изумленной публики вынесли даже горшок с фикусом. А главное, от них нет никакого спасения. Вам не помогут отечественные замки, которые легко открыть спичкой, а ваши входные дверцы (по другому их назвать не поворачивается язык) элементарно вышибаются ногой, потому как отворяются они внутрь квартиры — об этом позаботился Госстрой СССР.

Впрочем, кажется, есть выход из безнадёжного положения, в котором оказа-

лись москвичи, — оборудовать жилища сигнализацией. Но очередь (как же без нее обойтись!) на сегодня достигла рекордной отметки — 40 000 ответственных квартиростъемщиков числятся в списках будущих клиентов вневедомственной охраны.

Зато все организации давным-давно сторожит электроника — государство позаботилось о себе в первую очередь. Понятно, что банки, кассы и конторы требуют повышенного внимания милиции, но что-то не припоминается за минувшее десятилетие нашумевшей истории о том, как «взяли» ювелирную лавочку. «Медвежатники» явно обходят эти заведения стороной. Все нерастратченные силы джентльмены удачи перенесли на квартиры несчастных граждан.

«Комета-К» — наиболее совершенная система охранной сигнализации, работу которой мне недавно удалось наблюдать в МВД, — способна вызвать восторг. Вот только на вопрос: «Когда москвичи смогут защитить себя от воров с помощью эффективной электроники?» — начальник Всесоюзного объединения «Охрана» генерал-лейтенант милиции Леонид Попов не ответил. Набившие оскомину жалобы на технические трудности, нехватку материалов, разбалансированную экономику вряд ли уменьшат количество краж. А за предыдущие 10 месяцев их прирост составил целых 22,5 процента. Тут уже не до смеха, становится просто страшно оставлять жилище без присмо-

тра. Нанять же сторожа из охранного кооператива по карману лишь избранным — час работы домашнего вахтера стоит от 5 до 15 рублей.

Может, одна из причин скопления страждущих, незащищенных жителей — фантастическая дешевизна сигнального устройства? На фоне постперестроечных цен стоимость одного комплекта «Кометы-К» выглядит чисто символически — 40 рублей, а ежемесячная плата, вносимая в кассу централизованной охраны, составляет всего-то четыре с полтиной, если ваше имущество оценено до трех тысяч рублей.

...Пока же москвичи, и не только они, будут трястись на работе, на даче, в отпуске от мысли, что, вернувшись и открыв дверь, они не обнаружат у себя дома даже неприкосновенного запаса консервов — воры ведь тоже люди, которым хочется кушать.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать один документ: «Дальнейшие пути совершенствования охраны на основе активного внедрения современной сигнализации определены Комплексной (с большой буквы! — М. М.) программой оснащения объектов техническими средствами охраны на период до 1995 года, утвержденной Госкомитетом по науке и технике, Госпланом и Госстроем СССР».

От себя добавлю, что на основе такого «активного внедрения» к 1995 году у населения уже воровать будет нечего.

М. Маслов.

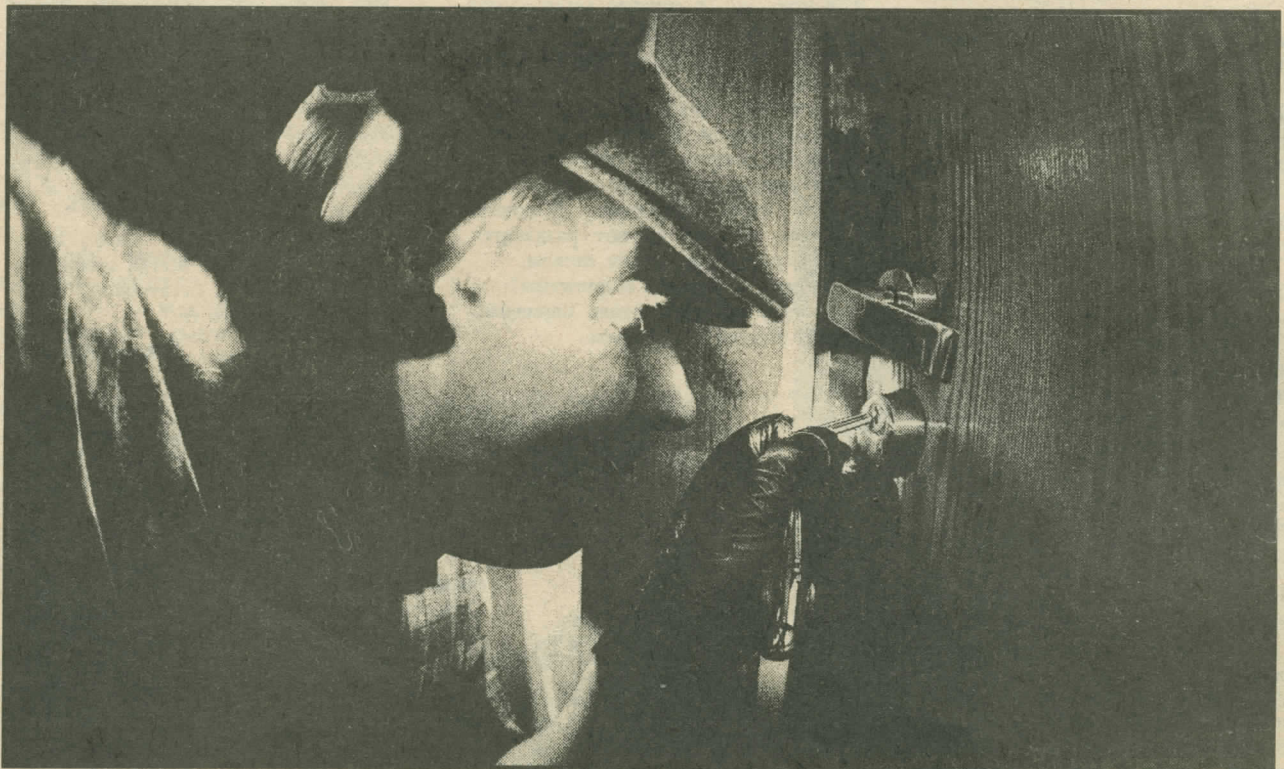

Фото Э. Кудрявничкого и Ю. Штуккина

ЗАРОЙТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ ПОГЛУБЖЕ

— рекомендует новое карманное издание «Советы Шерлока Холмса», выпущенное всесоюзной юридической фирмой «КОНТРАКТ» и посвященное квартирным кражам. Подозревая, что ее счастливыми обладателями станут далеко не все, мы решили перепечатать некоторые полезные идеи, которые помогут вам сохранить спокойствие и имущество (а также 1 рубль — стоимость брошюры).

«Воры хорошо изучили привычки граждан для того, чтобы навещать их жилища в отсутствие хозяев. Неплохо бы и нам знать повадки преступников, излюбленные ими время и место для промысла.

Наиболее поражены так называемые «спальные» районы, жители которых по утрам уезжают на работу в другой конец города. С 9 до 15 часов большинство квартир пусто — в это время, как правило, и совершаются кражи. В выходные дни воры, как и мы, отдыхают.

Часто обворовывают дома, расположенные вблизи к транспортным развязкам и магистралям, вокзалам и станциям, причем, прежде всего, страдают жильцы первых и последних этажей».

Нарисовать портрет похитителя не просто — криминальная статистика располагает неполными данными, поскольку значительная часть преступников уходит от ответственности.

«В основном — это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Среди осужденных — каждый седьмой — несовершеннолетний, каждый пятый — женщина».

Примерно 70 процентов из них совершают кражи в своем городе или районе. Но это — неопытные, не нюхавшие тюрьмы, начинающие воришки. Матерые рецидивисты, как правило, выезжают на «гастрольные» поездки.

«Гастролеры» предпочитают работать в одиночку, они умеют быстро и бесшумно отмыкать любые замки. Покидая квартиру, эти воры ведут себя хладнокровно. Если на них обращают внимание, они делают вид, что заходили в гости к знакомым. При встречах с жильцами в подъезде или лифте первыми приветствуют их. В руках часто носят сетки с продуктами или другими

предметами, создавая видимость, что заняты хозяйственными делами. Одеваются неброско.

Таков лишь приблизительный портрет вора в чужом интерьере. Не надо напрыгать свое воображение, прочие подробности вы имеете шанс узнать при личном знакомстве с преступником — каждые две минуты в стране регистрируется квартирная кража.

«Готовясь к совершению преступления, каждый уважающий себя вор задается следующими оригинальными вопросами:

— где найти нужную, а точнее, богатую квартиру;

— как узнать распорядок дня будущих жертв;

— как проникнуть в квартиру и быстрее отыскать в ней деньги и ценности;

— как скрыться с похищенным наиболее безопасным путем;

— где найти сбыт краденного».

Со сбытом все ясно — сейчас найти покупателя не составляет никакого труда, был бы товар. А на оставшиеся мучительные загадки преступник тратит много сил и времени. Случайные кражи совершаются редко. Жертву «пасут» до тех пор, пока с точностью до минуты не будет известен ее режим дня, любимые привычки и роковые слабости.

Это отнюдь не означает, что вам надо на улице петлять, как мартовскому зайцу, и внезапно заявляться домой посередине рабочего дня. Живите, как живете, но и не забывайте о том, что за вами может быть установлена самая настоящая слежка.

Происходит это примерно так. В квартире периодически раздаются телефонные звонки, и неизвестный абонент постоянно «ошибается» или, не называясь, кладет трубку.

Ведется наблюдение за окнами или дверьми. В конце концов вор получает

важную информацию — когда владельцы квартиры уходят на работу и когда возвращаются домой, в какое время берут корреспонденцию из почтового ящика, отправляются за покупками.

Как же надежно застраховать себя от вторжения непрошенных гостей?

Вот несколько советов.

Уходя из квартиры (независимо от того, на каком этаже она расположена), тщательно закрывайте балконные двери, окна и форточки. Нередко преступники используют веревочные и пожарные лестницы, водосточные трубы.

Не оставляйте ключи под ковриком, на электрощите, в почтовых ящиках и других, на первый взгляд, укромных местах. Не оставляйте их вместе с одеждой в гардеробах или в помещениях, легко доступных для посторонних лиц — с ключей могут быть сделаны слепки. Если все же ключи потеряны или похищены, как можно быстрее смените замки.

При выездах на длительное время в командировки или на отдых приостанавливайте поступление газет и журналов. По переполненному почтовому ящику легко догадаться, что хозяева отсутствуют в квартире.

Не разрешайте детям вступать в контакт на улицах с незнакомыми людьми и приводить их домой.

Можно и еще что-нибудь придумать, чтобы обезопасить свое жилище, например завести собаку. Правда, тут же встает вопрос вопросов — чем ее кормить. Все же назовем ряд пород собак, которые наиболее подходят для охраны квартиры. Это — немецкая и кавказская овчарки, шотландский терьер, боксер, доберман, ротвейлер.

Если вы в состоянии воспитать, скажем, из болонки устрашающего и агрессивного сторожа, то не побрезгуйте и этой породой.

Мало кто готовится к встрече с пре-

ступниками, да еще в собственном доме. Многие, увидев в квартире разруху или беспорядок, первым делом проверяют сохранность ценностей, а затем, чтобы как-то успокоиться и прийти в себя, берутся за уборку, уничтожая попутно все улики.

Этого делать не надо! Как же вести себя, если вы нос к носу столкнулись с квартирным вором?

«Владелец квартиры, возвратившись домой, не может открыть замок или открывает его с большими трудностями.

Не исключена возможность, что преступники находятся внутри и заблокировали дверь. Осмотрите внимательно, нет ли у вас на дверной раме следов взлома. Заподозрив неладное, попросите соседей немедленно позвонить в милицию. До прибытия наряда постарайтесь организовать наблюдение за квартирой.

Владелец квартиры, возвратившись домой, застаёт в квартире воров.

Тут надо быстрее выйти и постараться закрыть дверь на ключ. Ключ необходимо повернуть и оставить в замке. Срочно вызывайте милицию. Если вам не удалось оперативно покинуть квартиру, то не теряйтесь, все зависит от вашего самообладания и мужества. Ведите себя спокойно, а если испугались, то не подавайте вида.

Квартирные вору редко бывают агрессивными, некоторые из них даже предлагают вознаграждение, лишь бы их только отпустили и не ставили в известность милицию.

Хозяин, находясь дома, слышит, что замок в двери пытаются открыть или взломать.

В случае невозможности сообщить об этом в отделение, следует обратиться за помощью к соседям. Попробуйте привлечь их внимание криками или шумом через окно или балконы, стучом по батареям или в стены. Блокируйте дверь мебелью или другими весомыми средствами.

Владелец квартиры возвращается домой и сталкивается на лестнице или в лифте с группой преступников, выносящих его вещи.

По возможности проследите путь их дальнейшего следования. Если вору скрываются на автомашине, то запомните ее цвет, марку и номер, приметы водителя и пассажиров. Немедленно сообщите об этом в службу «02».

Последние рекомендации, мне кажется, рассчитаны исключительно на людей, регулярно занимающихся аутотренингом.

Представьте себе, ну какой нормальный человек, вошедший в собственный дом, не растеряется, обнаружив там двух верзил с явно нехорошими намерениями?

Покажите мне того «героя», который будет равнодушно наблюдать за тем, как подозрительные типы извлекают из квартиры его горячо любимые вещи? Надо быть человеком со стальными нервами, таким советским Шварценеггером. А тут еще и номер машины запомни, и цвет ботинок водителя...

А в общем, первая книжка из актуальной серии удалась. Ждем следующей.

«Советы Шерлока Холмса» читал и комментировал Михаил МАСЛОВ

В последнее время все острее становится проблема: как обеспечить мирное течение жизни в условиях противостояния политических партий, подчас глубоко враждебных одна другой.

Ответ находим в известной народной поговорке: «Хочешь консенсуса — готовь компромисс».

Рассмотрим самый трудный случай: консенсус между коммунистами и монархистами. Не торопитесь говорить, что он невозможен. Возможен! Но — после целого ряда далеко идущих компромиссов.

Например: коммунисты соглашались, что в стране будет самодержец, а монархисты — что он возглавит борьбу за коммунистическое будущее.

Монархисты разрешают коммунистам обращение: «Товарищ царь», а коммунисты не возражают, чтобы к их генсеку обращались: «Ваше величество».

Коммунисты допускают, что при генсеке будет свита, а монархисты — что при дворе будет партком.

По взаимному соглашению сторон у государя не может быть больше дач, чем у генсека.

Потомственные дворяне уравниваются в правах с освобожденными секретарями парткомов, а великие князья — с членами Политбюро. Частный пример: при случайном одновременном выезде на перекресток кортежей великого князя и члена Политбюро очередность проезда определяется жребием.

В общеобразовательных школах вводится изучение Закона Божия, в придворных лицах — история КПСС.

Юные пионеры обязуются салютовать, проходя мимо храмов, а юные христиане — осенять крестным знаменем всякий попавшийся им на пути райком или горком.

Хозяйства, обслуживающие высшие круги власти, эксплуатируются на паритетной основе; при этом их названия совмещаются. Например: «Совхоз имени XXII партсъезда, поставщик двора Его императорского величества».

Совмещаются также эмблематика (двуглавый орел держит в одной лапе серп, а в другой молот) и тексты гимнов: «Это есть наш последний и решительный бой, с Интернационалом, Боже, царя храни!»

Как видим, при разумном сочетании компромиссов возможен любой консенсус.

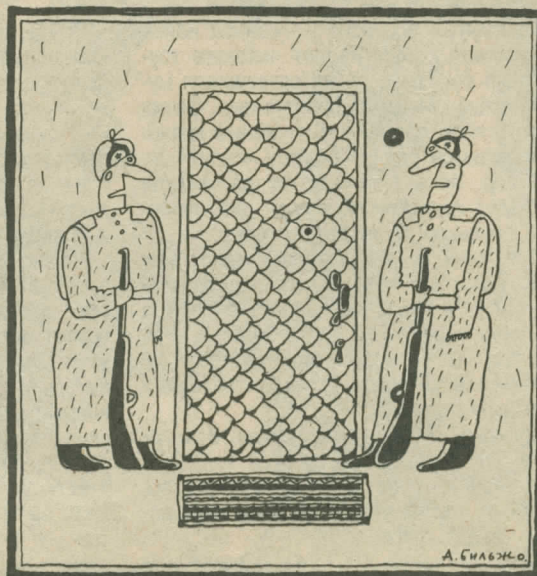

Рис. А. Бильжо.

ВЛАСТЬ ТОЛПЫ

«МЫ СЛУШАЕМ ГОЛОС НАРОДА»

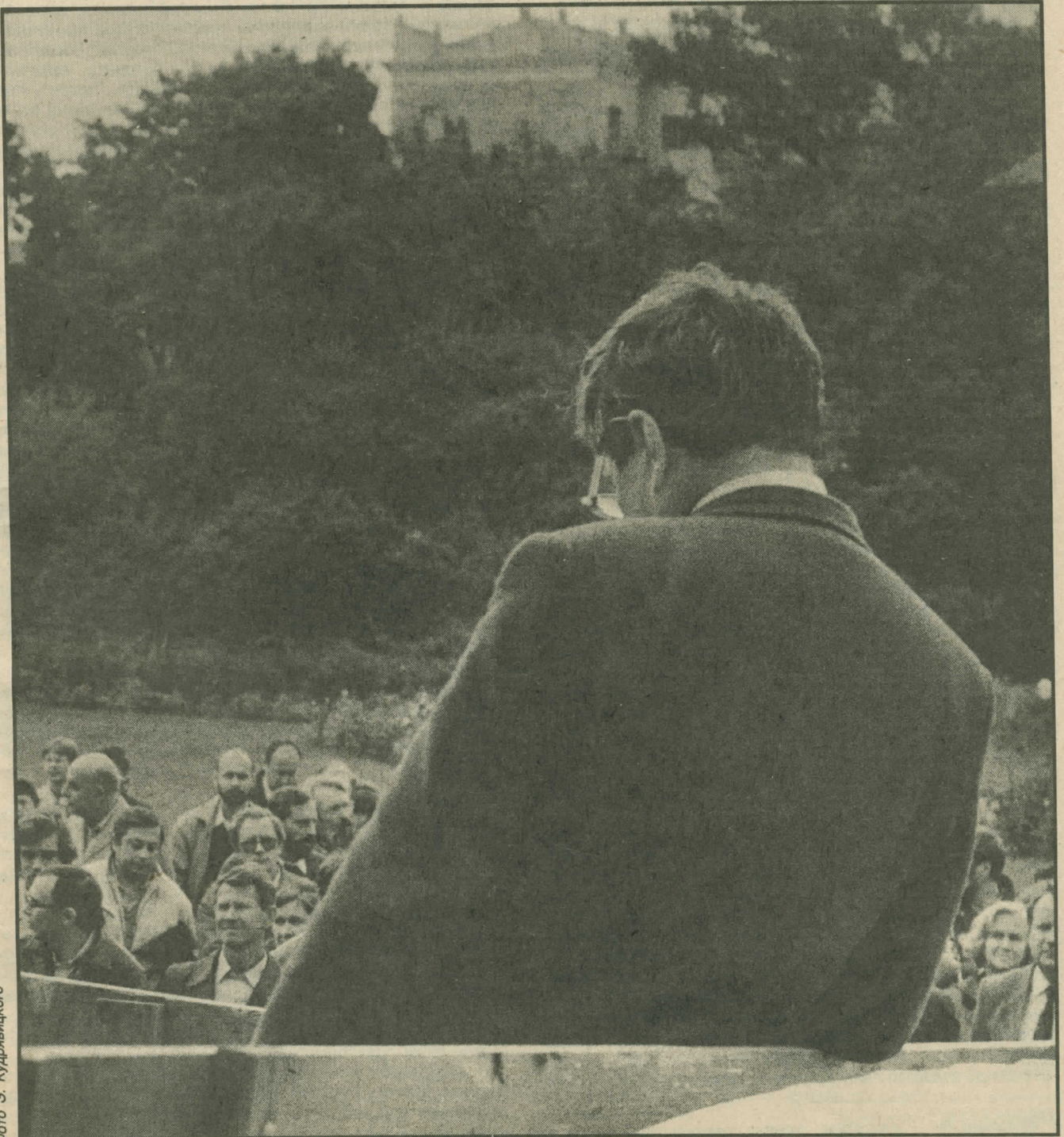

Фото Э. Кудрявицкого

В 1989 году в ФРГ эмигрировало 105 тысяч советских немцев — в два раза больше, чем в 1988-м. А в 1990-м — и того более. Почему уезжают, известно: «Не имея в течение 48 лет своей государственности, не имея национальных школ, утратив в массе свой родной язык и национальную культуру, советские немцы все больше приходят к выводу о том, что в этих условиях возможность для них сохраниться как народу практически исключена. Отсюда, в частности, все растущий их выезд...» Это пишет Г. Вормсбехер, заместитель председателя организационного комитета по подготовке съезда немцев СССР.

Спокойно и сдержанно, ни разу не сорвавшись в истерику, лидеры «Возрождения»¹ обнародовали свою программу, обогатив эпоху митинговых децибелов скромным, но ценным открытием: чем тише говоришь, тем лучше слышно.

По поручению первого Съезда народных депутатов СССР была создана Комиссия по проблемам советских немцев Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Она подготовила проект предложений, согласно которому «одновременно с политикой реабилитации советских немцев или вскоре после этого следует решить в принципе вопрос о восстановлении автономной республики немцев». Где? Наиболее обоснованным и приемлемым комиссия сочла «вариант размещения республики на территории бывшей АССР немцев Поволжья — в ряде районов Саратовской и Волгоградской областей».

В Марксовском районе под Саратовом знали и готовились...

Встречу с представителями «Возрождения» проводили в битком заполненном Дворце культуры на 500 мест, из которых 26 были определены организаторами как гостевые. Гостями выступали «лица немецкой национальности», остальные — надо понимать, хозяевами. Президиум во главе с первыми городскими руководителями выглядел солидно и ответственно, каждый оратор, начиная речь, присягал на верность интернационализму, но если бы микрофон имел свойство краснеть от слов в него произносимых...

«Подобное, — говорила мне после Элеонора Александровна Гердт, местная активистка «Возрождения», — я пережила здесь только однажды, сорок восемь лет назад...»

Когда криком и топотом согнали с трибуны Юрия Гаара, доцента одного из саратовских институтов, Гердт ринулась на трибуну, пыталась возвать к милосердию, справедливости, здравому смыслу...

— Нечего лить крокодиловы слезы! — дала отпор Седова, бывший директор школы. — Мало мы пострадали от немцев?! Мало вам русской крови?!

— Мы воевали с фашистами не за тем, чтобы жить в Волге в немецкой автономии, — поддержал Золотарев, учитель из Звонаревки. — И не надо нам тут о жертвах сталинизма. Вы ненавидите Сталина, а мы — Гитлера!

Диким, невероятным казалось слышать все это не из чьих-нибудь, из учительских уст, но так оно и было. Педагогика! Школьники бегали по домам с важным учительским поручением — собирать подписи: «Дядя Коля, вы за немцев или за русских?.. Тогда распишитесь». Семикласснице Наташе Негреско дети устроили бойкот за то, что ее родители (мать — немка, отец — украинец) поддерживают идею восстановления автономии. Слухи, домыслы, пересуды... Всех живущих в старых немецких постройках выселят в двадцать четыре часа... Без знания немецкого в магазин не пустят (там, впрочем, теперь и с родной русской речью делать нечего)... Все руководящие должности немцы поделят между собой, а Иван батрачить будет... Наконец, тонкое

соображение «государственного» ума: «Немцы — и рядом Балаковская АЭС? Однако...»

Необычайная живость, с какою разносится по умам всяческий вздор, проистекает из свойственного толпе легковерия и ее самовоспалющегося воображения, способного искажать суть вещей и событий до полного абсурда. Казалось бы, эти искажения должны быть весьма разнообразны — сколько людей, составляющих толпу, столько и... Нет! Все как один, не сговариваясь, называют черное белым, горькое — сладким (не так ли и мы под гипнозом долголетнего «всенародного торжества» трактовали наш социалистический рай, отказываясь верить своим глазам). Первый же миф, созданный воображением одного человека, действует на душу толпы, как проникающая радиация. Говорят, прежде чем изображение святого Георгия было замечено всеми на стенах Иерусалима и на всех окнах, его увидел сначала только один из присутствующих — и чудо, принятое на веру, тотчас пошло в «тираж».

...Девятого декабря стоял сильный мороз, тянуло стужей с Волги, но, как и было обещано, протестующие вышли на площадь, и запарулили на ветру развернутые полотнища: «Тов. Горбачев! Когда будете считаться с народом?», «Нет — автономии немцев на Волге!..»

Все происходило под окнами горкома, на глазах местной власти и с ее одобряющим участием. А когда отгремели морозные речи, Ю. Неделеяев, глава комитета, выдохнул в микрофон вместе с облаком пара последнее распоряжение: «Все плакаты и транспаранты сдать в горисполком!»

«Мы слушаем голос народа, — сказал мне В. Роголев, первый секретарь Марксовского горкома партии. — Пусть высказываются, наше дело учитывать настроения, строить политику на основе мнения большинства, аппаратный диктат людям осточертел, верно ведь?»

Верно. Чему отчасти доказательством и вот эта телефотограмма в организации и на предпринятия района, подписанная вторым секретарем Марксовского горкома И. Косыревым: «Обеспечить явку до 5 человек на районную конференцию трудовых коллективов (одну из нескольких, где ковались «принципы», рождались ультиматумы, подвергался разносам Верховный Совет СССР. — В. В.) по обсуждению проблем советских немцев, которая состоится в ДК «Кристалл»...

Еще одна подробность: Ю. Неделеяев, председатель комитета против немецкой автономии, работает секретарем парткома совхоза-техникума «Марксовский». Но, чтобы уж быть до конца точным, в совхозной управленческой структуре нет такой должности: «неформал» состоит в штате горкома партии, где вместе с зарплатой получает ответственные поручения.

Будем говорить прямо: поднимая толпу против немецкого возрождения в Поволжье, партаппарат прикрывается «общественным мнением», которое сам же формирует, играя на предрассудках одних, непросвещенности других, нетерпимости третьих.

— Вопрос непростой, — сказал мне секретарь Саратовского обкома партии Ю. Баранов. — Легко вам писать: даешь немецкую автономию! А вы послушайте людей. Тот... Если окончательное решение будет принято вопреки мнению местного большинства, оно падет на раскаленную почву.

Еще бы! Так подогревать, так рыхлить, так выпалывать всякий побег здравого смысла...

Воссозданием немецкой автономии оскорбляются национальные чувства русского народа? Обостряется социальная напряженность? Нет, есть некоторые основания думать, что истинный предмет беспокойства саратовских руководителей

¹ «Возрождение» — московское общество советских немцев.

состоит в другом. Когда первого секретаря обкома К. Муренина на авиационном заводе публично спросили, как ему перспектива немецкого возрождения в границах бывшей республики, Константин Платонович ответил просто: «Не могу себе представить, чтобы Саратовская область стала меньше Пензенской».

Гигантомания, престижные соображения, психология временщинычества... Как не ново все это!

Я знаю и еще одну тайную причину вдруг обострившихся патриотических чувств здешнего руководства. Мелиорация... Бессчетные миллиарды, зарытые в землю без отдачи. По официальной статистике, в области засолено, заболочено 60 тысяч гектаров (специалисты говорят, гораздо больше). И

если возродится республика, хочешь не хочешь — придется сдавать дела... Экспертная оценка земель сулит немало открытий чудных, за которые призовут к ответу.

Вот что получается: когда ему это выгодно, когда позарез необходимо, аппарат высочайше жалуется толпе титул «народа». «Народ требует прекратить распродажу Отечества!», «Народ говорит «нет!» попыткам шельмовать партию, армию, МВД, КГБ». Этот «народ» всегда хочет того же, чего желает, чем жива и благоденствует номенклатура. Все же иные, неугодные и противные ей требования возглашает, понятно, «толпа» — темная, что с нее возьмешь!

«Мы с вами, Николай Иванович!» — это «народ». «Правительство — в отставку!» — это, разумеется, «толпа».

Наши славные вожди слушают только голос «народа».

(Окончание на 37 стр.).

ОБЗОР ПОЧТЫ

Есть такой обычай на Руси...

— ...Вечерами слушать Би-би-си — должен подхватить наш читатель. Должен, потому, что, как выяснилось, сам эти голоса регулярно слушает. Если судить по первым, дошедшим до нас письмам, половина их авторов узнала о существовании «Столицы» благодаря радиостанции «Свобода», а вовсе не советским средствам информации.

Наши первые номера вызвали поток очень приятных, но обычных для нового журнала писем, где нас поздравляют с выходом, желают дальнейших успехов и так далее. Отличается ли эта почта от той, которую мы могли бы иметь, скажем, лет десять назад? Да, конечно. И дело не только в том, что теперь наши читатели открыто признаются, что слу-

шают «Свободу». Основная примета нового времени — деловые письма. Такого, примерно, рода:

«Частное рекламно-посредническое бюро «Провинциал» города Бологое намерено распространять ваше издание. Нам это обеспечит небольшой, но стабильный доход. Важно и само появление «Столицы» в нашем городе. Бологое — перекресток пяти железнодорожных направлений. Демократические газеты и журналы сюда почти не доходят... В. Сысоев».

Читатель (фамилия неразборчива) из Новосибирска собирается продавать в своем городе «Столицу», а также западные газеты и журналы. Все это доказывает, что, во-первых, у нас зарождается предпринимательская деятельность и, во-вторых, что иногда она, скажем так... вызывает сомнения. Я лично с трудом представляю, как энтузиаст-одиночка будет распространять в Новосибирске западную прессу. Нет, конечно, если получится — дай бог. Но пока партнеров действительно надежных «Столица» не нашла.

Что еще можно сказать о нашей почте? Очень мало писем о дефиците товаров, очередях, пустых магазинных полках. Подозреваю, не оттого, что эта

тема никого не волнует. Вероятно, многие полагают, что тут пиши не пиши — ничего не изменится. Надеемся, что это не так. По крайней мере «Столица» собирается регулярно к этим проблемам обращаться. И диалог с читателями нам необходим.

Очень много писем про внешний облик Москвы, состояние улиц, домов.

Больше всего откликов, безусловно, на статью о смерти Высоцкого в первом номере. Приходят просьбы от людей, которые не сумели достать этот журнал и просят его выслать. Несколько экземпляров! За любые деньги!

— Что самое печальное в нашей почте? То, что пока она не слишком большая. Поэтому мы напоминаем нашим читателям: Ждем от вас писем и регулярно будем их публиковать. Вы можете делиться своими мыслями, подсказывать темы, задавать вопросы, спорить с нами, присылать статьи, рисунки, фотографии — все, что кажется вам интересным. И еще — название журнала «Столица» вовсе не значит, то ваши письма должны быть посвящены лишь московским проблемам. «Столица» — журнал общесоюзный.

*Екатерина ГОНЧАРЕНКО,
Заведующая отделом писем*

Перемены нынче жаждут все. Даже на самом вершине.

Там — легче: возжаждавшие имеют возможность самоудовлетвориться кадровыми перестановками. И вот Михаил Ненашев, в 1988-м — председатель Госкомиздата, теперь вернулся обратно из Гостелерадио. Править останкинский телесометьем вновь пришел передвинутый было в ТАСС Леонид Кравченко, до 1988-го — останкинский первый зампред. Пришел с четким заданием поделить вишневый сад на участки, наплюдить арендаторов и учредить совет оных на фоне декорации, живописно имитирующей ведомственные руины.

Перестройка все еще хочет сыграть роль революции. Последняя же у нас немислима без «министерской чехарды» — вспомните период «от Февраля к Октябрю». Чехарда порождает синдром прогнозирования и комплекс воспоминаний. Элегантный Молчанов заламывает руки, повествуя, как некогда на международной авиалинии именно Кравченко придумал и даровал советскому народу обыкновенное чудо — «До и после полуночи». Мужественный Мукусов элегически ежится на телеэкране, почему-то сбавляет тон и напоминает всем, всем, всем: Кравченко был еще и крестным отцом «Взгляда». Именно в эти исторические дни Игорь Кио, брошенный под руководством Молчанова в сундуке на волгу волн Останкинского пруда, демонстрирует чудо непотопляемости. Николай Рыжков собственной персоной привозит в Останкино старо-новое начальство, тем самым подчеркивая важность события, а заодно и то, кому быть баринем, кому — управляющим в останкинском вишневом саду, в грядущую эпоху «неба в алмазах». Когда для удобства эмиссии сольют Минфин с Госкомиздатом. В первом же интервью Кравченко, в связи с реорганизацией Гостелерадио, пообещал всю систему телекадров отправить за штат и вновь нанимать по контракту. Утешил: никто не пострадает. Обещал не сводить счеты — тонкий намек на то, «кто хозяин»...

Смена начальства у нас — всегда водораздел эпох. Пускай даже кратковременных. В «лицо эпохи», вовсе не торопясь с погребением ее, я и хочу взглянуть.

Уже громыхнул в печати спор о целенаправленно улучшаемом профессионализме нашего телевидения и программно одностороннем популении его руководящих кадров. Дмитрию Захарову из «Взгляда» даже показало, будто Михаил Ненашев насаждал на самые ключевые посты непрофессионалов. Ненашев обвинил Захарова в неспорядочности: мол, ориентация только на профессионалов — недемократична. А если у первого зампреда Решетова и приметен синдром непущательства или внедренный в руководство бывшей литдрамой Рыбас выказывает «определенные славянофильские настроения», то да здравствует неоднозначность, слава плюрализму! И вообще: «Всегда, если ты оцениваешь человека, есть два взгляда. Один, когда ты ищешь в человеке доброе и хорошее. И второй, это когда ты стремишься найти недоброе».

Что же, еще классик знал помнить «про ум Молчалина и душу Скалозуба». Примем этот девиз как руководство к действию.

С чего началось то, что мы все еще по инерции зовем перестройкой? С объявления шумной словесной войны некомпетентности. Без малого шесть лет назад новая власть совершила свой и долгожданный, и неожиданный подвиг, назвав вещи своими именами. Предстала пред нами в облике одного из знаменитейших сказочных героев. Того самого, который принародно сказал правду о голом короле.

Знаменательно, однако: в первоисточнике (сказочном) — ни слова ни о дальнейшей эволюции героя, о судьбе придворных, продолжавших нести воображаемую ман-

тию, говоря современным языком — не поступившихся принципами, ни о злосчастном короле. Ни, тем более, о ловких ткачах. А ведь тут возможны варианты.

Самый естественный: героя, изрекшего слово долгожданной правды, назначают безальтернативным «отцом отечества». И он, равняясь на изначальный свой подвиг, руководит процессом обновления.

И вот брошен шумный вызов некомпетентности. Обнажены «горизонты спасения». Даже постигнуто, что путь к нему — через профессионализм. Как же вышло, что именно ему наша богоспасаемая перестройка на деле объявила самую беспощадную войну. Именно его, вроде бы даже прославляя и выдвигая на первый план, всеми силами постаралась дискредитировать, по мере сил приду-

Василий КИСУНЬКО

ПЕРЕСТРОЕЧНАЯ ТЕЛЕФРЕНИЯ:

шить, обескровить. Мало того: умело и упорно вела к самоперерождению профессионализма, саморазрушению его. И даже хуже: на первой волне невостробованный, истосковавшийся по живому делу, профессионализм действительный доверчиво высунулся, попытался убраться похемки, оказался на виду.

И был смыт, «взят на карандаш». Самое же главное: начал раздражать, и это массовое раздражение против профессионализма стало в нашей перманентной псевдореволюции истинным булыжником — орудием аппарата.

Он, профессионализм, пока проявился более всего и результативнее всего в одном: в борьбе с профессионализмом. Тут нет ни противоречия, ни игры слов. Те, кто всерьез внял истине о новом платье короля, явно недооценили профессионализм особого склада. Профессионализм охранительства. Профессионализм тех, кто собаку съел на манипулировании общественным сознанием и общественными настроениями, на сотворении несправды и умения выдать ее за истину в предпоследней инстанции.

Доперестроечная этика взаимоотношений с реальностью строилась на принципе, который поэтом был некогда определен как «полный гордого доверия покой». Когда эта «модель» оказалась в том же платье, что и сам король, недоразбегавшийся придворные и их клиенты на всех уровнях, поначалу подрастерявшись, не вдруг, но внезапно обнаружили: и с непокоем можно работать. И им — манипулировать. Даже поощрив наслаждение битвой жизни, но — создавая исподволь такой контекст, чтоб наслаждающиеся устали, иссыкли. Тогда можно выпускать на сцену Фирса, который объявит «волю» «несчастьем». Тогда — бери их тепленькими, издавай любой указ и вяжи за незаконные порубки в приватно-казенном вишневом саду.

Охотно, хотя и без удовольствия, принимаю естественные упрёки в неблагодарности: мол, телевидение за последние годы сделало небывалый рыжок, можно сказать, прыгнуло из царства необходимости в царство свободы.

Чего же брюзжать-то? Неужто и впрямь зажрались?... Отвечаю: даже если бы «прыжок» был стопроцентно

неоспорим, одного факта достаточно, чтобы воспринимать его... ну, в виде стоп-кадра, что ли. Стоп-кадра, запечатлевшего лишь некую, не слишком удобную и очень рискованную, стадию чехарды по пути из царства в царство.

Какому Кравченко вручили бразды правления — тому, кто зачинал, крестил, а порой сам же и хоронил в прежнюю свою останкинекую бытность демократических перленцев? Или тому, который в тассонскую пору, со товарищи, со вкусом предавался избению младенцев, притом будоража народ и мир замечательно тенденциозной информацией? Или, может быть, понадобился в руководящем телекресле именно «разный» Кравченко, по вкусу заказчика не тождественный сам себе?

СИНДРОМЫ И КОМПЛЕКСЫ

Страх перед реальностью, давно уже обуявший наше телевидение, породил синдром перемежающегося косоглазия. А отсюда уж пошел и своеобразный синдром утешительства, вредность которого еще предстоит осознать. Нет, я не о потребности человека, большого общества в слове утешения, в отдушине, в эмоции, не замутненной злобой и раздражением. Я именно о синдроме, о попытке подменить историческую надежду и трезвость исторической самооценки чем-то совсем иным. И тут, быть может, самый наглядный образец путей, по которым шла система закадровых игр и развлечений.

Когда придумался цикл телевизионных нравственных проповедей, идея эта попала в точку, хотя сразу же и сомнений тоже хватало. Суть состояла в своеобразной неофициальности «пастырского слова», в интимности интонации, в обращенности к тому, что одновременно есть и общечеловеческое, и — очень личное для каждого.

Правда, тут и опасность была изначальной: пастырское слово — особое, и ставить его в ряд с заклинаниями интеллигентных котов Леопольдов — затея рискованная. Но — дело было новое, и поначалу все мы ждали этих встреч. Выясняли, кто в нынешнее воскресенье будет говорить с телеэкрана. Необходимость выяснять как-то сразу и настораживала. «Законспирированность» собеседника, сохраняемая буквально до последнего момента, свидетельствовала то ли о неуверенности устроителей, то ли о власти конъюнктуры, то ли о взаимозамесямости предполагаемых истин.

«Нравственные проповеди» все более походили на неуклюжие попытки заговорить злобу дня. «Утешители» нередко представляли людьми, сами себя потерявшими и нуждающимися не то что в утешении — в элементарном обретении себя.

Но вскоре наступил и перелом. Приближался первый российский Съезд народных депутатов. Телеэкран перескакивал от политических страстей. Очередная, по обычаю чинно и анонимно анонсированная «воскресная нравственная проповедь» была бы как нельзя кетати. Она и состоялась — в форме замечательно новаторской и длилась много дольше своих предшественниц. «Проповедью» же

оказалось увеселеное предвыборное (на высший пост России) интервью, данное А. В. Власовым, тогдашним кандидатом в члены Политбюро, тогдашним российским премьером.

Вот так-то. Спрашивай после этого, «кто хозяин». И никто даже не задумался о том, каков будет конечный итог такой подмены, какой урок извлечет общество из того, что «воскресная нравственность» подменяется, по сути дела, элементарно будничным политическим аморализмом, где использование служебного положения властью предрешающей сливается с тем, что само телевидение явно злоупотребляет своей монопольной властью над людскими умами, над нашим временем.

Самое же замечательное, самое печальное во всей этой истории — то, как подобный трюк сошел с рук. Утвердился — как **возможное**. Продолжился — как принцип, как тенденция, как политическая игра в одни ворота под титулом «главная редакция литературно-художественных программ». И если сегодня посмотреть на преддверия важнейших политических событий прошлого года, непременно обнаружится в мире «простого и вечного» чья-то агитационная, подстрекательская речь, направленная против демократических перемен.

Под громкие крики и долгие речи о перестройке-революции ТВ медленно, но верно реализовало принцип «малых дел» — таких вот локальных путей и переворотов. Так что поостережемся констатировать «вырождение» тех или иных идей, начинаний, циклов, передач. Вплоту говорить о сознательном их перерождении — внутреннем ли, вызванном ли внешними обстоятельствами, приказами, указами, потачками.

Самопародирование новых форм тоже стало одной из ярко выраженных болезней нашего телевидения.

Что общего между телетрансляциями заседаний «высших форумов» и полицейской хроникой Александра Невзорова? Именно он, прогрессирующий синдром самопародии.

В первом случае — трагикомический путь от демонстрации спектра мнений, от ошеломляющих деклараций к агрессивной занудности, к какой-то даже бессовестной обнаженности присмов политической игры, когда саморазоблачение некомпетентности, амбициозной импотентности уже и не вселит. Великое обретение «перестроечного» нашего телевидения — направленная фальсификация «неподцензурной» реальности.

Тут телефрения обретает уже вполне зримые социально-медицинские формы. Расщепление общественного сознания идет полным ходом, превращается в реакцию тотального распада, переходит (или сознательно переводится) на индивидуальный уровень и нацелена на необратимость изменений личности. Вот уж воистину: дойти до каждого... Старый, испытанный лозунг нашей пропаганды. Внимающей телесединице тупо, целенаправленно внушают и идею полной безнадеги, и — потрясающий комплекс вины. Перестроечный — комплекс. И вины — перестроечной: сами, мол, во всем виноваты, сами не тех выбирали, не в тех митингах участвовали. И тогда, в таком вот расщепленном мире, вернее всего подкидывать «новые ориентиры» — новые типы «образа врага», комплексе тотального заговора, синдром страха перед какими-то конгломератами темных личностей либо надличностных сил, страшных и недремлющих, пронизавших все общество.

Контекст таков. И если бы в нем не возникал, в течение своих 600 секунд, Александр Невзоров, его следовало бы выдумать. Замечательная трансформация этого правдолюбивого телесерафима и поучительна, и стремительна, и даже по-своему радуется неуклонной целенапра-

вленностью. Зритель, видимо, сегодня и не упомнит, как происходила метаморфоза, когда свершилось окончательное превращение острого, умного собеседника в существо органически злобное, с истинно сатанинской безудержностью **радующееся** злу, которое он же и обличает. Старый прием. Работающий. Притом ведь повествует Невзоров от вечера к вечеру о вещах бесспорных — то есть реально происшедших. Кровь леденет от «случася», поданных хлестко, виртуозно. И — ничего не скажешь — умело выстраивается ряд: мафия, изнасилования, демократы, зверские убийства, национальное унижение страны-победительницы, принимающей «подарки бедным» от некогда победенных, кооператоры, бомжи, крысы, интеллигенты, молдаване. И как апофеоз — покушение на самого ведущего.

Не хочу сам поддаться соблазну «синдрома инсценировки» и предположить, что все было изначально запрограммировано, а затем коварно и целенаправленно претворилось в жизнь. Конечно, есть объективные процессы. Сработали и неопытность наша, и бедность — при минимуме телеканалов естественно, что в них смешиваются вода и масло, лед и пламень, дистиллированная влага и нечистоты. Комплекс Пацюка, наверно, был заложен в нашем богоспасасом социуме всеми предыдущими десятилетиями развития. Перестройка сделала его хроническим. Но в гоголевские времена не было дефицита. Сегодня же распределение галушек, которые как бы сами прыгают нам в рот, — дело государственное. В плане информационном мы — блокадники, практически «вдруг» вырвавшиеся из колыда и дорвавшиеся до съестного. Навхватились, перегрузились почем зря, теперь маемся.

Дело гораздо сквернее, нежели было бы при простой инсценировке. Дело в том, что иначе и быть не могло — при старательно сохранившихся старых структурах телевидения, при «допущении» в эти структуры явлений качественно новых и насыщении их людьми, удобно непрофессиональными. Самораздирающееся тело нашего телевидения лишь повторило, воплотило все, чем маялся общество. И — добавило новый недуг, телефрению, лишь ускоряющую расщепление сознания. Добавка оказалась **выгодной**, потому что при таком недуге и человек, и общество либо теряют критику — и тогда можно начать любое насильственное лечение, либо взывают о помощи, не в силах сами овладеть с обостренным чувством критики. А ее можно обзавести и самооплевыванием, и самоочернительством, и перебором в разоблачительстве, и даже неспособностью субъекта к самостоятельным действиям и ответственности за них. Ранжированная телере-

альность прежних лет навредила немало, но тоска по ней — дело еще более нешуточное. А тут — свалили все в один мешок, беспорядочно, неумело, и сказали: это — плюрализм.

Синдром мешка поначалу показался не признаком болезни, а свободной игрой свободного человека. Но бег в мешке оказался опасным. В этом мешке не просто потонули явления, события, факты. Да и не тонут они так вот, запросто и без последствий. Природа у них не та. И громадная вина телевидения, стратегически ориентированная и умно утилизированная беда его — в том, что, нагнетая страсти, приковывая всеобщее внимание к чему-то, а затем отряхивая это «что-то» со стоп своих, телевидение посеяло в обществе комплекс неуверенности, ощущение нестабильности.

Разумеется, я далек от того, чтобы один лишь телеэкран винить в формировании такого комплекса. Но и тут приходится говорить о тотальном непрофессионализме перед лицом новой реальности, которую у нас дискредитировали, «объявили», потом стали хаять, а теперь всеми силами пытаются «отменить» или «направить в нужное русло». Она, естественно, сопротивляется. Люди, барахтаясь в недрах ее, в хорошо организованном хаосе «мешка», по неизбежной привычке своей жаждут объявить социальный и психологический дискомфорт плодом чьей-то злой воли, плодом преступной связи кого-то с кем-то.

Воля, однако, кристаллизовалась по мере того, как телефрения прогрессировала. Скажу больше: чем определеннее обнаруживало себя действительное, и действительно активизирующее воздействие телеэкрана, тем решительнее и казуистичнее вступала в дело «воля». Хрестоматийно происшествие по ходу становления нашей парламентской системы. Сначала люди были поистине увлечены трансляцией первого Съезда народных депутатов СССР, не отлипали от телеэкранов и радиоприемников. Тут же нашлись умные единицы, сообразили: именно на этот синдром пробуждения удобнее всего списать производственные недостатки, развал работы по всем фронтам.

Списали. Заодно ввели ограничения на трансляцию. Вернее, утвердили не просто принцип подконтрольного монтажа, но — **чье-то право** и даже **обязанность** монтировать, сиречь манипулировать общественным сознанием. Научились ловко сопоставлять эту, профессионально оглушенную, реальность неуклюжей нашей демократии с реальностью непричесанной, где и впрямь неуклюжести более чем достаточно, болтовни — сверх меры. Но на этом и взошли на ТВ люди, подобные Решетову — парадоксальному в той же мере, сколь и закономерному персонажу перестроечных времен. Суловский тип **профессионала**, внедряющегося во все, на все влияющего, неприметного на первый взгляд и призванного существовать до последнего нарциссического «Взгляда». Профессионализм — в том, чтобы **одновременно** способствовать и методической кристаллизации рыбасовской литдрамы, и эйфорическому самораспаду «Взгляда», у которого в вышеупомянутом мешке глаза набекрень, а в душе — пугливые воспоминания о «добром» Кравченко, отце-основателе.

Так что не станем тешиться иллюзией, будто вся перестроечно-телефреническая фантазмагория безлика, существует вне чьей-то персональной воли и ответственности. Но не будем преувеличивать и роль личности в истории: за чьей-то профессиональной манипуляторской виртуозностью, равно как и за подсовываемой нам же в качестве красной тряпки чьей-то **формальной** некомпетентностью, обнаруживаются вещи куда более серьезные.

Фото Ю. Штукина

«Мы, чумазики, рабочие тоже мыслим...»

Публикуемый документ, письмо рабочего Мытищинского завода Д. Кузнецова писателю А. Н. Толстому, говорит само за себя.

Сегодня много и справедливо пишется о трагедии крестьянства и интеллигенции, понесших невосполнимый урон за семьдесят три года существования советской власти. Но не менее трагичными представляются мне роль и судьба «станового хребта», главной опоры большевистской власти в России — рабочего класса. Двусмысленность социальной роли класса промышленных рабочих заявила о себе практически сразу с приходом новой власти. Рабочий безоговорочно ставился над всеми прочими социальными слоями. Он был носителем высшей мудрости, высшей нравственности, мери-

лом всего и вся в многообразном незапрограммированном течении жизни. Рабочий стал зримым воплощением казавшегося вначале весьма абстрактным так называемого «классового подхода» к реальности. Класс пролетариев (во многом помимо его воли) превратили в дубинку, которой велено было лупить все несоответствующее классовому сознанию. Русский мастеровой по фамилии Кузнецов (а Кузнецовых в России почти столько же, сколько Ивановых) от имени своего народа высказывает мнение о сути происходящего на его родине в те страшные годы.

Е. ЛИТВИН,
ученый секретарь, хранитель
отдела рукописей ИМЛИ

Сегодня 30 марта 1933 года.

Т. А. Н. Толстой! Вас будут сегодня чествовать многие ученые люди, писатели, революционеры. Но я, рабочий Мытищинского завода Д. Кузнецов, пишу вам в день вашей 25-летней литературной деятельности следующее: за что вас всех писателей чествуют, за что о вас аршинные афиши расклеены, А. Н. Толстой, за что? Я вас всех, русских писателей, сравниваю с Папой римским; тот благославляет фашизм, капитализм с его кошмаром и нечеловеческой жизнью. Вы, русские писатели — и Толстой, и М. Горький, и Панферов, и Маяковский, и Безыменский, и Д. Бедный, и все другие, все вы — слепцы. Вы продались за карьеру, за историю, за похаалу, за ордена (за жестяночку)... Вы лишены гуманизма, вы немые, слепы и не самостоятельны.

Вы — трусы, и особенно (ты) или вы, А. Н.! Вспомните, как в свое время жил и бичевал правительство, царя ваш одноклассник Л. Н. Толстой! А вы? Разве вы не видите, что правительство СССР, которое устроило вам в Политехническом музее вечер нежности, это правительство залило страну кровью, завалило несчастьями. Диктатура Сталина и глупого Калинина наводнила всю страну горем нечеловеческим и невыносимой жизнью. А вы, т. Толстой, — ни слова, вы равнодушно, спокойно живете и вообще вы, писатели, благословляете и лижете кровавые носки сапог Сталина. Вы пишете односторонне, или вы не знаете, что и как хулиганничает советская власть. Вот теперь выдают паспорта, сколько несчастий, сколько жертв самоубийств из-за этого. Сколько детей остаются сиротами, беспризорными, несчастливými. Паспорта не дают — люди лезут в петлю, стреляются или бросаются под поезд, остаются дети, сироты. Вообще

вам картина ясна, но почему вы, писатели, и вы, А. Н., молчите! Где ваш писательский гуманизм? Да, я знаю, иди-ка напиши, он те Сталин напишет, и тебе за это паспорта не дадут. Надо молчать. Эх, вы, липовые писатели!

А возьмите закон от 7 августа, разве тут не о чем возвысить голос? Можно и нужно. По этому варварскому закону будут не только винные, но и невинные люди гибнуть как мухи. Например, был человек (и не думайте, что классовый враг) всю жизнь честный, никогда и не думал быть подсыдимым, никогда не думал сидеть в тюрьме, и вдруг как-нибудь он или соблазнил, взял, украл 1 кило хлеба или вроде этого. Или его подозрели, или оклеветали, и он не доказал или не опытен доказать (но все-таки он не классовый враг), и вот его присуждают по этому зверскому декрету от 7 августа на 10 лет! Остаются дети, иногда 2, 3, 4 и более человек, остаются беспризорными, безнадзорными, остаются без ласки отца. Отец будет 10 лет мучиться страдать, дети будут мучиться расти...

Да разве 10 лет кто вынесет в Карелии или в Сибири? Осуждение на 10 лет это равносильно тому, что расстрел. Только эта замена — это хитрый маневр власти. Власть еще не написала достаточно крови... Вы вот умные люди, ученые, писатели, и не думайте, что мы не мыслим. Мы, чумазики, рабочие тоже мыслим. Да еще как!

А вы, А. Н. Толстой, сидите 30 марта в зале Политехнического музея и спокойно слушаете похаалу, почести. В то время, когда люди стонут от арма сталинщины, когда окраины кишат сосланными, тюрьмы в СССР хоть еще строй, все переполнены. А вы молчите, вы гимнами прославляете кроважидную сталинщину. Не слышать вашего голоса!

Неужто в СССР так уж все хорошо? Правда, строительство развернуто огромно. Но все это принудительным трудом, все это возводится насильно, застраиванием, террором, угрозами. Вспомните наших предшественников — Л. Н. Толстого, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других. Разве те писатели молчали о безобразиях тогдашних правительств? Они не как вы, сидите и дожидаетесь чествования, они кричали, они писали, кидали упреки, наносили звонкие увесистые пощечины. А вы? Вы видите кошмар и молчите. Если б на этот раз встали б Гоголь, Толстой Л. Н., Некрасов, Пушкин и другие, они б вас, современных писателей, задушили б собственными руками. Что вы молчите, тов. Толстой? А посмотрите, что делается в деревнях? Насильственно, а не добровольно, под разными хитрыми большевистскими соусами сгоняются крестьяне в колхозы. Сколько так называемых раскулаченных согнано в злосчастный Казахстан, сколько их там умерло? Сколько детей умерло невинных по дороге? Эх вы, гуманность!

Я пишу один вот на основе подслушанных на заводе разговоров, и меня просили рабочие тебе это написать. Я вот и пишу.

Извините, что малограмотно написал. Мне уже 61 год, и я учиться опоздал, а страх как хочется учиться. Учиться для того, чтоб вам всем, липовым гуманистам, залепить оспрым пером огромную пощечину.

Д. КУЗНЕЦОВ,
Мытищинский завод, ул. 2-я Мытищинская,
д. 4, кв. 7.

Письмо публикуется с сокращениями.

МЫ ПО
НЕ Т
ПУТЕ

Фото Александра Назарова

ОШЛИ
ЕМ
ЕМ

Михаил ПОЗДНЯЕВ

«Я ПОВЕДУ ТЕБЯ В МУЗЕЙ...»

А зачем?

Право, зачем ходить в музей? Чего мы там не видали?

Вопросы — дичайшие; и, однако, именно так они сегодня стоят. Мы и не ходим.

Пусто в наших музеях. Я вот недавно зашел в Музей Ленина — тридцать лет спустя после того, как принимали меня в нем в пионеры, — и ужас объял: порывался спросить милых старушек-смотрительниц, может, у них санитарный день...

Погодите, погодите... что-то я не то сказал... нет, не про ужас — а чуть раньше... вот-вот! про пионеры! Про прием в пионеры — в музее...

Разве музеи существуют — для этого?!

А если — да, то разве это музей?!

Музеи, скажут мне знающие люди, разные бывают. Конечно, в картинной галерее или в зоологическом в пионеры принимать неловко, но вот Ленина музей или там Революции — дело другое.

Другое, согласен. Чем на картинку красивую смотреть. Или на чучело. В пионеры, понимать надо, один раз принимают.

Дались, скажут, тебе пионеры! А вот и дались; просто я сейчас прикидываю, грубо так, на глазок: если у нас сегодня столько пионеров (а их все-таки еще довольно много) — то сколько же у нас музеев?

Знающие люди сказали: вот тебе телефон, это большой начальник по нашим музеям, может быть, даже самый большой. Ты его должен помнить — он в те самые времена в Музее Революции работал.

Я его, конечно, помню. Потому что в те времена и сам в этом музее работал. Представьте себе.

Всякое было. И жизнь, и слезы. И любовь...

Звоню:

— Сколько у нас музеев, в которых прилично принимать в пионеры? — ну не совсем так спросил, немножко другими словами мысль выразил, но мысль-то эта самая. И еще спрашиваю: — Какая это примерно часть от общего числа наших музеев? И чего все это стоит?

Он мне не сказал. То есть сказал, что, даже если назовет мне все эти цифры, они мне ничего не скажут. Это будет «взгляд сверху» (так он выразился, а я так понял, что «верхоглядство»). А нужно основательно, глубоко погрузиться в материал. Вот он, к примеру, по музеям диссертацию защитил, а я хочу по-журналистски, наскоком... он с этим приемом знаком: сам журналистикой занимался... короче, тема очень сложная, и не следует мне так вот, не благословясь, в нее лезть...

Я на него не обиделся: тема действительно деликатная. Это вам не чучело какое-нибудь. Просто, думаю, он меня не вспомнил. Не вспомнил, мяфа эдакая, как и мы с ним встречали в музее высокого гостя — президента тогдашнего еще

Фото В. Суворова

Афганистана Нур Мухаммеда Тараки. Музей оцепили, в залы вместо старушек поставили крепьшей в штатском, а нас, научных сотрудников, — на гардероб: пальто-шапки-собольи манто принимать. А что? И справились! Кто-то даже на чай получил.

Редкий был случай: обычно гости все в Оружейную палату да в Загорск... Неужто он, мой бывший сослуживец, этого не помнит?

И то: сколько времени уткло. Амин убил Нур Мухаммеда, Бабрак Кармаль убил Амина, Наджибулла убрал Бабрак Кармала. Всего не упомнишь...

А еще было. Принимается новая Конституция. Брежневская. И новая редакция Гимна СССР. И право первого, вообразите, публичного исполнения — нам! То есть — в стенах нашего музея. Где каждый камень... где все дышит... Привезли фонограмму, согнали в главный зал (где полтора года назад не в пионеры, а в масоны принимали) всех, кто был в наличии: научных сотрудников, технический персонал, ну и посетителей; сколько было, раздали листки с текстом... И ведь спели! Есть же о чем сегодня вспомнить! А он — не помнит. Или вид делает?

Ладно. Говорю же: не обиделся. Сами как-нибудь обойдемся. Вот — 4-е издание «Советского энциклопедического словаря» (1988). На 1984 год, сообщают нам, в СССР был 1871 музей. Это, поясню я, опричь всевозможных ведомственных и «народных» — заводских, колхозных, школьных и армейских. Из них художественных и естественнонаучных (где картинки и чучела) — соответственно 285 и 34. 393 — мемориальных, 355 — историко-революционных, 753 — краеведческих.

Тут надо пояснить: краеведческие музеи у нас все на один манер устроены, по указке опять же сверху. Три раздела: природа, история до 1917 года и история после него. Таким образом, являясь отчасти естественными и отчасти сугубо историческими, наши краеведческие музеи все-таки по преимуществу идеологические учреждения. Ну а уж если касаться того, что у нас называется «мемориальным музеем», то, как известно, конспиративные квартиры большевиков имели странную тенденцию гораздо лучше сохраняться, нежели дворцы и усадьбы... Последние — всё горели, горели...

Так, грубо прикидывая, для приема в пионеры и иных мероприятий общественно-политического значения из 1871 годятся никак не меньше 1300—1400 музеев.

Цифра примерная — но пропорция отражена абсолютно точно. 180 новых, после 1984 г. открытых, музеев дела не меняют. Тем более, что никто из людей знающих не смог мне ответить на вопрос: а сколько музеев за годы перестройки закрылось? На ремонт, на смену экспозиции, по иным причинам.

Об этих иных и веду речь.

Помните, вероятно, как после пожара ВТО столичные актеры заявили о своих претензиях на «Английский клуб» — здание Музея Революции? Позже актеров «бортанули» с этой идеей московские дворяне — ибо где, как не в особняке на Тверской, размещать их почтенному Собранию?

Нечто подобное сегодня происходит с Центральным музеем Ленина. Не успели сотрудники главного музея страны — Государственного Исторического, который разрушается на виду у всех не где-то, а на Красной площади, — напомнить о том, что еще в 1914 г. Николай II принял решение о передаче музею здания Думы... глядь: предисполкома Моссовета Лужков подписал дарственную части помещений Ленинского музея Союзу арендаторов.

И не преувеличу, когда скажу: в обоих домах на всякий случай пакуют чемоданы.

Только те, кто имеет глаза завидующие, вкупе с политическими шансами на вселение в тот или другой дворец, вряд ли

представляют, сколь непосильную тягбу затевают. Нету такой силы, которая вот так бы взяла — и закрыла Музей Ленина или Музей Революции.

Ах, как потрясла меня в студенческие годы экспозиция в бывшем доме Матильды Кшесинской в Ленинграде. Все было точь-в-точь, как у Михалкова: «Коса, и грабли, и топор, и старое весло... Шинель и шлем. Он принял их как первый комиссар... Перо. Его он в руки брал подписывать декрет. Часы. По ним он узнавал... та-та-та... обед». Но я же совершенно точно помнил, что все, о чем написал Михалков, — в Москве! И только вплотную приблизив глаза к этикетке на стеклянном шкафу, в котором, как в аквариуме, плавали-парили башмаки, кепка и пальто, пробитое пулями злодейки Каплан, я прочитал в нижнем уголку меленьким таким шрифтом помеченное: «Муляж».

Если опять-таки вспомнить, что все подлинные вещи Ленина — в Москве, что вещей этих не так уж и много, — не лишен смысла вопрос: «А что хранится в 13 филиалах Центрального музея Ленина, находящихся на обеспечении ЦК КПСС, и в 10 Ленинских музеях, числящихся по ведомству культуры?» (в скобках укажем: в подчинении Министерства культуры СССР — еще и 11 музеев членов семьи Ульяновых)...

Рассказывая о пальто-муляже, с невесть каким способом проделанными в нем дырками от пуль, обо всем диковинном музее-фантоме, сплошь из муляжей и факсимильных копий сооруженном, и еще задумываясь: «А что тогда в Ульяновске? А в Казани? А в Баку, Ташкенте, Фрунзе — где Ильич и не бывал отродясь?!» — все-то я силится понять, с чем все это схоже. И — всплыло-таки: с «Ленинскими комнатами» в нашей армии. Подумать: какой-нибудь капитан в Главпуре вычертит схему, указав, где чей портрет, какой высоты какая буква, из пенопласта выпиленная, — и разом, в тысячах «Ленинских комнат», все в точности, до миллиметра, будет исполнено!

А главное — даже не в этом бездумном и впридачу весьма разорительном идеологическом порыве, марш-броске. Ленинскую комнату можно показать генерал-инспектору из Москвы (а музей-муляж — залетному президенту). Но жить в «Ленинской комнате» нельзя. Как и в подобном ей музее.

А в музеи — вернусь к самому началу — по идее люди должны ходить для того, чтобы в них жить.

Вот мнение профессионалов-музейщиков М. Грозовского и М. Коники, высказанное со страниц отнюдь не узкопрофессионального журнала «Советский музей»:

«Монополия научно-просветительного подхода в деле интерпретации культурного наследия оборачивается сегодня догматизмом, тематической, драматургической и проблемной бедностью экспозиций. Музей, исповедующий узкодидактическую доктрину, рождает безадресные экспозиции, ибо ни ребенок, ни взрослый не нуждаются уже ни в общеобразовательных банальностях, ни даже в информации как таковой. Что нужно сегодня человеку, так это картина мира, ощущение сопричастности культуре, прямого соучастия жизни. Настало, по-видимому, время, когда доминантным должно стать в музеях отношение к посетителю не как к недоросло-второгоднику, а как к собеседнику и партнеру».

Добавлю от себя: добро бы еще, когда уму-разуму учит учитель по призванию, а если самозванец?

Естественно, что, когда вскрывается обман, школярам трудно сдержать гнев.

В годы после 1985-го прекратили один за другим свое существование музеи: Калинина — в Москве, Жданова — в Мелитополе, Ворошилова — в Луганске; музей Революции Грузии в Батуми, целый ряд историко-революционных музеев в Прибалтике (Вильнюсский, впрочем, пока что функционирует); общественно-политические и культурные центры

открыты в бывших музеях Ленина в Киеве, Алма-Ате, Тбилиси, Львове...

Обрываю перечень — все равно ко дню выхода журнала он заметно увеличится. Ясно, что это не цепочка случайностей — но драматический и во многом непредсказуемый процесс.

Не хочу каркать, но за осквернением памятников Ленину могут последовать поджоги Ленинских музеев.

Меж тем Министерство культуры СССР, так красиво раздирающее ветхое свое рубище, считающее каждую копейку, когда речь идет о Всесоюзном музее частных коллекций на Волхонке или о том же Историческом на Красной площади, похоже что надеется, будто вопрос с «идеологическими» (или «ИДОЛОгическими») музеями отпадет сам собой, — как в том анекдоте про врача: «Зачем ампутация? Встаньте на стул. Спрыгните. Вот видите — само отпало...»

Не получится. Не выйдет. Нужно решаться на операцию.

Это — не то шило, которое можно держать в мешке, объясняя, что мешок — н а ш. Призрак коммунизма, насосавшись нашей крови, натворил бед, вернувшись в Европу, выйдя за ее пределы. И плодородное семя «музеев-муляжей», выведенное нашими селекционерами, увы, пало и на чужую почву.

Ну а как они там сегодня прощаются с нашим «проклятым прошлым»?

В Праге, например, в день Прав Человека памятник Ленину и Сталину укутали облаком разноцветных воздушных шариков, а на постаменте укрепили плакат: «Улетайте». На другое утро постамент был пуст: за ночь разобрали монумент и по частям увезли на переплавку. Так же тихо закрываются в бывших «сателлитах» и музеи «большевистского профиля»: денег на их содержание у потерявших власть партий нет.

Есть другой вариант. Создавать принципиально новую экспозицию на основе старой, меняя ракурс. В Финляндии, к примеру, Ленинский музей сегодня пользуется бешеным успехом: Ленин в нем предстает как главный персонаж «соц-арта», герой советского «китча».

Наконец, третий путь. Подчеркнуть своеволие Истории, столь болезненно переживаемое нами. Предоставить посетителю право самому определяться в точке пересечения разных взглядов на одни и те же события. И, скажем, в зале Музея Революции 1905 года «встык» повесить сатирическую агитку

Валентина Серова «Солдатушки» и его же портрет Николая II со стихотворным комментарием Марины Цветаевой вместо ярлыка с дежурной цитатой из Ильича. Диалог с посетителем, о котором мечтают музейщики, будет возбуждаться уже этими резкими эмоциональными «стыками»...

К каждому варианту у нас пока присматриваются. Робко. В подавляющем большинстве — ждут команды из Москвы.

А Москва и сама не знает, какую команду давать (поневоле вспоминаешь Галича: «То ли гений он, а то ли нет еще...»).

Так — в Министерстве культуры. В ЦК, однако, смею предполагать, времени не теряют (хотя работники Музея Ленина пожимают плечами: «Бог их знает, курирует там нас еще кто или нет»). Курируют, курируют. И все их разговоры и директивы о бережном отношении к историческому наследию — не от большой любви к культуре (или к музеям персонально), а все из тех же шкурных интересов. Не мытьем — так катаньем. Не в дверь — так в окно. И когда бюджет КПСС затрещит по швам, они еще очень постараются сохранить за наш счет анфиладу своих «Ленинских комнат», где в каждой комнате — смотрительница, дежурный научный консультант и стрелок ВОХРа и повсюду — датчики сигнализации, как будто есть здесь на что глаз положить.

Не стоит дожидаться того часа, когда грянет «последний и решительный». Бедственное положение музеев в стране требует скорой помощи. Скорой и неординарной. Вот почему нужно сегодня перестать обольщаться или врать себе и другим, будто «культурное наследие» и «политическаясообразность» — одно и то же. Десятки музеев Ленина и Революции, мертворожденные музеи Дружбы народов — следы произвола правившей 70 лет партии. И этой партии, а не Министерству культуры страны решать: существовать всем этим музеям дальше или нет. Мы гордимся, что с 1917 года число музеев в стране увеличилось в 10 раз. Но мы не задумываемся над тем, почему их так мало — на фоне цивилизованных стран. Не потому ли, что все соки из питающей их почвы высосали музеи-сорняки, музеи-паразиты? Не оттого ли так скучны наши музеи, что поневоле вынуждены приравниваться к резвому строевому шагу «правого фланга»? Не потому ли пусто и холодно в музеях, что незачем нам там сегодня бывать?

В пионеры-то нас почти всех уже приняли...

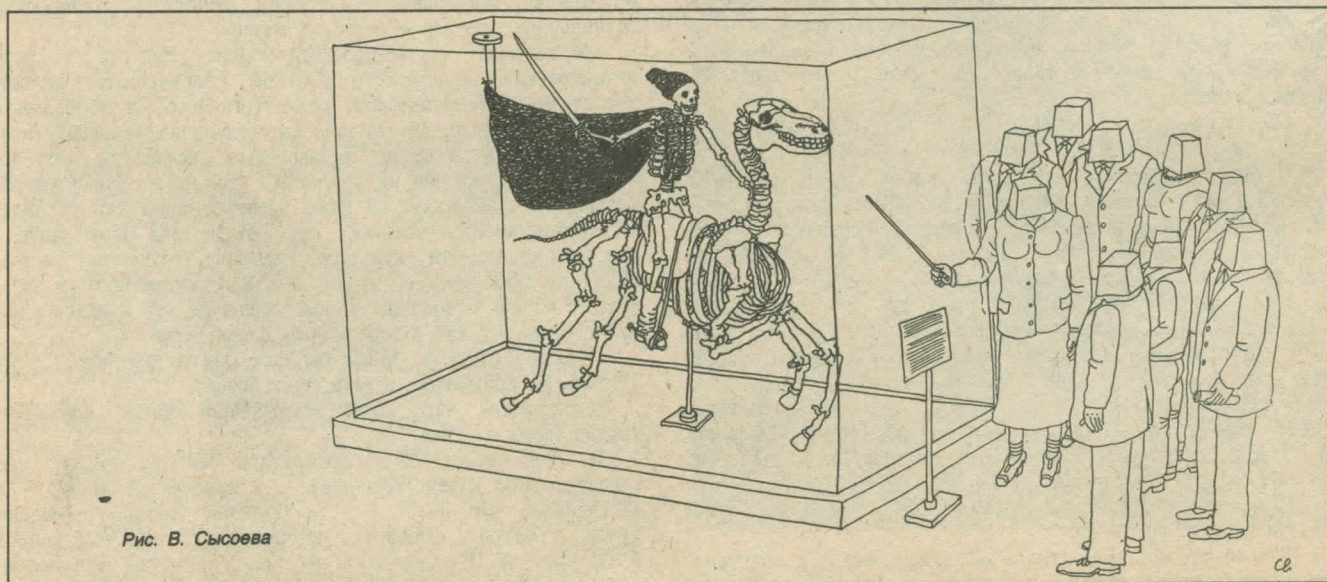

Рис. В. Сысоева

ВЛАСТЬ ТОЛПЫ

ПРИГОВОР ВЫНОСИТ МИТИНГ

фото Ю. Шлукина

Судили Кореновского громко — в переполненном зале и у входа на улице крик стоял.

Суд был в райцентре. К десяти утра в Першотравневое автобусом и на попутках съезжались люди из Урзуфа. Входили, переговариваясь, в дверь с прибитой на ней надписью «Зрительный зал», удобно рассаживались, толпились в проходах... Стариков и старух, вечных спутников нашей Фемиды, было негусто, среди публики уверенно преобладали сорокалетние, большей частью женщины, взволнованные, принаряженные, как на праздник. И вот над партером сгустились сумерки, а оснащенная микрофонами сцена, наоборот, плавно высвечивалась, конвой выводил подсудимого, следом из-за кулис на подмостки выступали судьи, прокурор, адвокаты... Зал замирал в предвкушении зрелища. Что-то нестерпимо театральное было во всем этом.

«18 марта 1989 года в нашем селе произошло событие, потрясшее буквально всех. Несовершеннолетняя Липовая Ирина Валентиновна с разрешения родителей пошла в Дом культуры на молодежный вечер и не вернулась. В течение двух недель милиция и односельчане вели поиск Ирины, и лишь 1 апреля ее труп был найден в лесополосе. Экспертиза установила, что девушка была задушена на собственном шарфике... Ирину все мы хорошо знали, она выросла на наших глазах. Спокойная, приветливая, выдержанная, уважительная к старшим...»

Подозреваемым в убийстве оказался житель нашего села, ранее судимый Кореновский Станислав Иванович. Он сознался, и это доказано следственными органами, что обманным путем похитил Ирину с целью изнасилования, однако она оказала ему сопротивление и он ее задушил.

Был проведен следственный эксперимент, который подтвердил вину Кореновского С. И. Мы были уверены, что преступление раскрыто и убийца будет наказан по всей строгости наших советских законов. Справедливость требует того, чтобы наказание было самым суровым. Однако нас очень волнует, что следствие по делу Кореновского С. И. затягивается, передается по одному следователю, то другому. Причем создается впечатление, что дело умышленно затягивается, тормозится.

Мы, ветераны войны и труда и все жители села Урзуф, просим, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы суд был именно выездной и состоялся именно в нашем селе.

Убедительно просим согласиться с нашим мнением и оказать нам в этом помощь.

Жители села Урзуф».

...В течение месяца, пока длился процесс, подсудимый сидел к залу спиной, вздрагивающей, когда чей-либо голос сурово заводил:

— Ты рожу свою поганую не ховай, а погляди людям в глаза!

И кто-нибудь тотчас в тон подхватывал:

— Такую девочку, красавицу, умницу... Да как же ты посмел?! Скот ты безрогий! Ирод окаянный!

Кореновский (не повернув головы):

— Прошу суд оградить меня от оскорблений.

На эту законную, в сущности, просьбу зал реагировал ревом: «Расстрелять! Повесить, как собаку!» Кто-то уже рвался на сцену — приводить приговор в исполнение. Тогда поднимались с мест крепкие рослые ребята в серой форме «спецназа», с дубинками на поясе и короткоствольными автоматами через плечо... Было их пятнадцать человек — отряд милиции особого назначения (ОМОН).

В соседней Волновахе, сообщил мне судья П. Карпечкин, в эти дни тоже открыто слушается дело об убийстве. И тоже — ругань, крик, вакханалия... Правда, стало уже потише: вызвали «спецназ». «Я пятнадцать лет на процессах, — сказал Петр Теофанович, — навиделся всякого, но

чтобы вооруженный отряд поддерживал порядок в зале, такого не припомню».

В первый же день процесса у здания суда сама собой образовалась грозная толпа. Шли толки, мусолились факты и домыслы, публика взвинчивалась, заводила себя, настраивалась. Подъехал «автозак» с дверным зарешеченным окном, и его тут же взяли в осаду. «Выводи! — закричали конвою. — Будем разбираться...»

Дело слушалось под улюлюканье зала. В один из перерывов некий доброжелатель подкараулил Карпечкина и строго проинструктировал: «Давай «вышку», не то... Ты меня понял?» Какие-то «правоборцы» разнесли камнями вдребезги стекло в доме подсудимого. Затем был жестоко избит его отец.

«Члену Донецкого областного суда тов. Карпечкину РАПОРТ

Довожу до вашего сведения, что с 23 мая 1990 г. по настоящее время на всем протяжении слушания дела на подсудимого были попытки нападения. 23 мая по прибытии в судебное учреждение мою спецмашину начали блокировать, не давали тронуться с места, подъехать к двери, куда я должен заводить подсудимого. Милиционеры с трудом сдерживали натиск. На процессе в зале суда люди были с транспарантами «Смерть Кореновскому!». Во время перерывов граждане снова выкрикивали угрозы в адрес подсудимого, плевали ему в лицо, бросали в него деревянные портреты погибшей.

7 июня при выводе подсудимого в машину толпа просто кинулась на него. Солдаты моего караула блокировали приближение к подсудимому. Одного из солдат ударили по голове, сбив головной убор.

Заявляю ходатайство о перенесении процесса в Донецк.

Нач. караула Горохов».

Публику проинформировали: слушание будет продолжено в областном суде, в закрытом заседании.

Урзуф объявил забастовку.

— Народ требует, приходится уступать, а куда денешься? — говорил мне второй секретарь Першотравневого райкома партии А. Дегтярь. — Нехорошо, конечно, идти на поводу у несознательной части населения, но я вам прямо скажу: если Кореновского не подведут под расстрел, люди не поймут.

Как же опасно он прав!

Толпа не терпит середины, ни золотой, ни какой там еще. Ее излюбленное место — край.

Судья оглашает приговор: столько-то лет лишения свободы. «Мало!» — взрывается зал. И так почти всегда. Сколь суровым бы ни был отмеренный срок (пять, восемь, двенадцать лет) — «Мало! Мало!». И тут не только жестокосердие. Тут во всю глотку заявляет о себе первобытная, дремучая тяга к самосуду. Толпа всегда безошибочно знает, за что, кому и сколько полагается.

В Урзуфе столкнулись право и политика. Право в лице независимого суда — и политика гласности, открытых дверей, моментальной реакции на всякое массовое выступление. Проблема для нас новая, в одночасье она не разрешится, наоборот, с дальнейшим развитием демократии, полагаю, будет лишь обостряться.

Люди все чаще выходят на площади. И все чаще чего-то требуют — мяса, отставки правительства, чистого неба над головой... Не прислушиваться к подобным требованиям, звучащим все резче и угрожающе, становится делом не только непопулярным, но и весьма рискованным. Забастовки и столкновения мало-помалу приучают представителей власти к диалогу с народом, уступкам и компромиссам, доселе совершенно немислмым. Эта податливость наступающей массе, что называется, вошла в эксплуатацию. Уже и приго-

вор выносит митинг. В Новороссийске разъяренная толпа, угрожая забастовкой, в течение нескольких часов добила освобождения из-под стражи только что осужденного водителя троллейбуса. Утром на него надели наручники — к вечеру забастовавшие коллеги с чувством глубокого удовлетворения завели двигатели: «А говорите — нельзя... Все можно!» в Балаклее رهущая масса взбунтовалась против судебного решения и тоже добила своего. Этот рёв трибунал, похоже, распространяет свое влияние все шире и шире. Неужто скоро суды так и будут судить — «идя навстречу пожеланиям трудящихся?» Если так, то и «телефонное право», не успев уйти в небытие, мигом возродится. Чего стоит хозяину большого кабинета звякнуть по-свойски судье: «Ты там не либеральничай, давай на полную катушку! Народ, понимаешь, требует».

Тем, кто настолько уже «демократизировался», что готов всякую резолюцию митинга немедленно обращать в судебный приговор, хочу напомнить высказывание видного русского криминалиста прошлого века, профессора Александра Федоровича Кистяковского: «С воззрениями народными необходимо во многих случаях считаться; это не мешало бы твердо помнить и некоторым защитникам смертной казни; но считаться с ними без разбору, только потому, что они народные, — значило бы иногда обречь все успехи цивилизации на совершенную гибель».

Понятие «народный судья» иные толкуют весьма просто: коли народный, то и суди, как народ того требует. Но именем народа выносились и неправосудные приговоры на политических процессах 30-х годов: «Расстрелять! Уничтожить, как бешеных собак!» — эхом этого «энтузиазма масс» до сих пор кое-где пропитан воздух. Да и выбирал ли кто прежде всерьез народных судей? Бросали в урну бюллетень с одним-единственным именем чужого, незнакомого человека — и по домам.

Долголетнее отлучение от правосудия мстит нам сегодня опасной, вдруг пробудившейся потребностью казнить и милловать «своими руками». Из одной крайности — в другую.

Да, все чаще толпа норовит пробраться в храм Фемиды со служебного входа. Но вот что совсем непостижимо: наметилося встречное движение! Следователи позируют перед телекамерами, охотно делятся с экраном своими версиями, строят догадки, апеллируют к митингу... Вся страна участвует в прениях по делу. Инженеры, парикмахеры, офицеры, музыканты, бомжи, домохозяйки, и стар и млад — все становятся членами этого невиданного и невозможного прежде клуба «знатоков». Чего ж мы удивляемся попыткам восшествия на судейское кресло всяческих «лжедмитриев»? Исчезла былая дистанция. Не зря же судья облачался в мантию (традиция эта жива и поныне в некоторых странах), чтобы тем самым как бы отрешиться от суеты сует, возвыситься над публикой, подверженной страстям, подать знак, что он независим и подчиняется только закону.

У нас же всюду практикуется еще и депутатское вмешательство в судебный процесс. По делу об убийстве Ирины Липовой перед судьей П. Карпечкиным хлопотал депутат облсовета В. Шаповалов. В той же Донецкой области, узнаю из интервью министра юстиции СССР В. Яковлева, председатель постоянной комиссии по созаконности областного Совета И. Беломесов вызвал к себе председателя райнарсуда с двумя еще не рассмотренными делами. Потребовав объяснения, предложил по одному из них провести повторную психиатрическую экспертизу...

Если в судебный процесс бесцеремонно вмешивается «слуга народа», то почему не может вмешаться и сам народ?

Массовое отчуждение от правосудия, чем страдали мы долгие годы, не приносит блага. Но массовое приобщение, как видим, ничем не лучше.

Демократия демократией, но чем шире гласность, тем строже пусть охраняется тайна следствия и совещательной комнаты. Чем зависимее от масс представители исполнительной власти, тем зорче следует оберегать независимость суда. И чем более открытым становится наше общество, тем надежнее должна быть прибита на двери правосудия золотая табличка с надписью: «Посторонний вход воспрещен».

В ПЛЕНУ САМООБМАНА

Из рабочих курилок и раздевалок, из интеллигентских кухонь, как из эмиграции, в нашу жизнь возвращается политика. Перестройка началась «сверху». Массовые политические выступления — мощное движение «снизу». В этом его сила. Но в этом и слабость: не являясь очередным одобренным «почином», оно одних смущает, других просто отпугивает. Пора привыкать! Привыкать к живому народу и, одолев соблазн самообмана, прекращать ориентироваться на «духотворенную великими идеями» массу, излучающую казенный оптимизм.

Образ народа до сих пор окружен у нас особым вниманием, подчас напоминаям почетный караул. Но, вознесенный сталинской пропагандой на общественный пьедестал, этот народ на деле имел лишь одну привилегию — быть «винтиком» в железном механизме Системы. Его именем ему же снижали расценки и повышали нормы, «по просьбе трудящихся» поднимали цены на мясо, выходной день объявляли рабочим... С 1940 по 1956 год советский пролетарий с его исторической миссией — освободить трудящихся всех стран — мог уволиться с завода только по разрешению начальства...

Тем не менее лишь теперь, после долгих лет самообольщения, мы с горьким удивлением и болью открываем сами себя, и является скорбное понимание, что, прожив несколько десятилетий «под собою не чужа страны», мы были, в сущности, толпой, покорной и бесправной. Колхозы, тюрьмы, лагеря, бараки, общаги, детские интернаты, коммуналки, очереди — что это, как не формы толпы? Массовые торжества, физкультурные и военные парады, овалции вождям, всенародные одобрения — что это, как не проявление стадного оптимизма? «Все как один», «кто не с нами, тот против нас», «будь готов — всегда готов!» — что это, как не команда на построение в шеренги и колонны, где уже ничего твоего, все казенное, где, по гордому ощущению поэта, «общие даже слезы из глаз»? Дружное, вопреки вопиющей очевидности, почитание «рабской неволи за подлинную свободу, нищенского существования — за богатство и процветание, темноты и невежества — за великую просвещенность «самого читающего в мире» — что это, как не род коллективных галлюцинаций, свойственных толпе?

После всего, что с нами случилось, надо ли спрашивать, откуда в нынешней, наспех политизированной массе эти агрессия и нетерпимость, жестокость и слепая ненависть, податливость низким соблазнам и тяга к разрушению. Так ведет себя толпа, выпущенная на волю.

Только давайте опять без наивностей. Толпа — это не обязательно собрание взвинченных и распаленных людей. Толпа во всеобщем ее масштабе — это 180 рублей в месяц, неуспынный догляд за работником, бессмысленные инструкции и наставления, безумная тяга к отчетности. Это равенство в нищете, завистливый взгляд в карман соседа, стремление растоптать, извести все, что лучше, чем у тебя. Это массовое, поточное воспитание люмпенов, способных халтурить, химичить, воровать, но не работать. Пока хозяин и работник не одно лицо, пока эти понятия разделены пропастью, имя которой — экономика, не будет мира и согласия ни в Средней Азии, ни в Закавказье, нигде. Граждан-

ский беспредел вызывается не ведерком клубники. Страсти воспаляются несамостоятельностью, приниженностью человека, невозможностью осуществить себя иным, созидательным образом.

Наша драма, однако, и в том, что новые идеи (свободный рынок, приватизация собственности, частное предпринимательство и т. п.) часто отзываются в толпе негодующим гулом. Консервативная по своей социальной природе, толпа питает священное и бессознательное почтение к заветам и традициям, о чем можно судить, например, по работе нашего парламента. Согласно классике социальной психологии, «в парламентских собраниях мы встречаем черты, общие всякой толпе: односторонность идей, раздражительность, восприимчивость к внушению, преувеличение чувств, преобладающее влияние вожаков». В этих характеристиках Верховный Совет СССР весь как в зеркале. Сколько раз радикализм парламентской оппозиции разбивался о гранитную волю подавляющего большинства. Очевидное свойство радикальных идей: они с трудом овладевают массами. Поэтому реформаторы, если они не утописты, бывают вынуждены считаться с верованиями толпы и даже с ее предрассудками. Увы, массовое умонастроение чаще тормозит, нежели ускоряет принятие прогрессивных законов. При этом в полном соответствии с поведением парламентской толпы депутаты «хором» принимают такие решения, какие нередко сами же после хулят в «сольном исполнении» по телевизору или в газете.

* * *

Завершая этот очерк политических нравов, хочу напоследок вместе с читателем пережить и осмыслить тревогу, которую сам ощутил. Она явилась еще тогда, когда произошла потрясшая нас трагедия в Тбилиси. Потом были Фергана, Новый Узень, страшное противостояние в Закавказье, кровавый кошмар Оша...

Я понял, что преступления толпы, чудовищные и сами по себе, наделены еще одним опасным свойством: они пробуждают тоску по Хозяину. По твердой руке, волшебным (железным) мановением которой будет установлен порядок. Раз и навсегда.

Эта ностальгия все настойчивее заявляет о себе. «Вот

она, ваша перестройка! Вы этого хотите?» — звучит, звучит, не будем делать вид, что мы не слышим. Пишут и звонят люди, искренне и твердо убежденные, что причина наших нынешних драм и трагедий — в забвении сталинских методов. Это добросовестное заблуждение относительно возможности навести порядок силой и принуждением мы, казалось, уже избыли. Выходит, не до конца, если тень искусного эксплуататора иллюзий и предрассудков воскресла и снова легла на умы.

Соблазн вернуться к тугой узде сегодня нет-нет да и покажет себя. То вздохом: «Эх, нет на вас управы». То вспышкой раздражения: «Да раньше бы за такое...» Все это почти неосознанная дань той мифологии, на которой воспиталось и пережило драму разочарования, увы, не одно поколение. И все-таки многие вновь готовы поверить. Что ж, легенды и мифы обманывают только тех, кто хочет обмануться.

Есть и другое, немалочисленное и куда более активное сообщество, состоящее из «не могущих поступаться принципами». «Борцы за идеалы», они еще не вышли с хоругвями, на которых начертано: «Сталин с нами!» — но караулят свой час, ждут и надеются. Их вера деятельна и агрессивна. Это «давить и давить» — по отношению к кооперации. Это «сажать и сажать» — по отношению к инакомыслящим. Это «все поделить» — по отношению к благам бытия. И то, и другое, и третье мы уже проходили.

С мифом о сталинском «порядке» расстанемся — никак не расстанемся — с 1956-го. Были моменты, когда казалось: все, кончено! Но проходило какое-то время, и мы снова оказывались втянуты в эту вязкую паутину.

Мы дорого заплатили за суеверия, так неужели позволим себе еще раз обмануться?

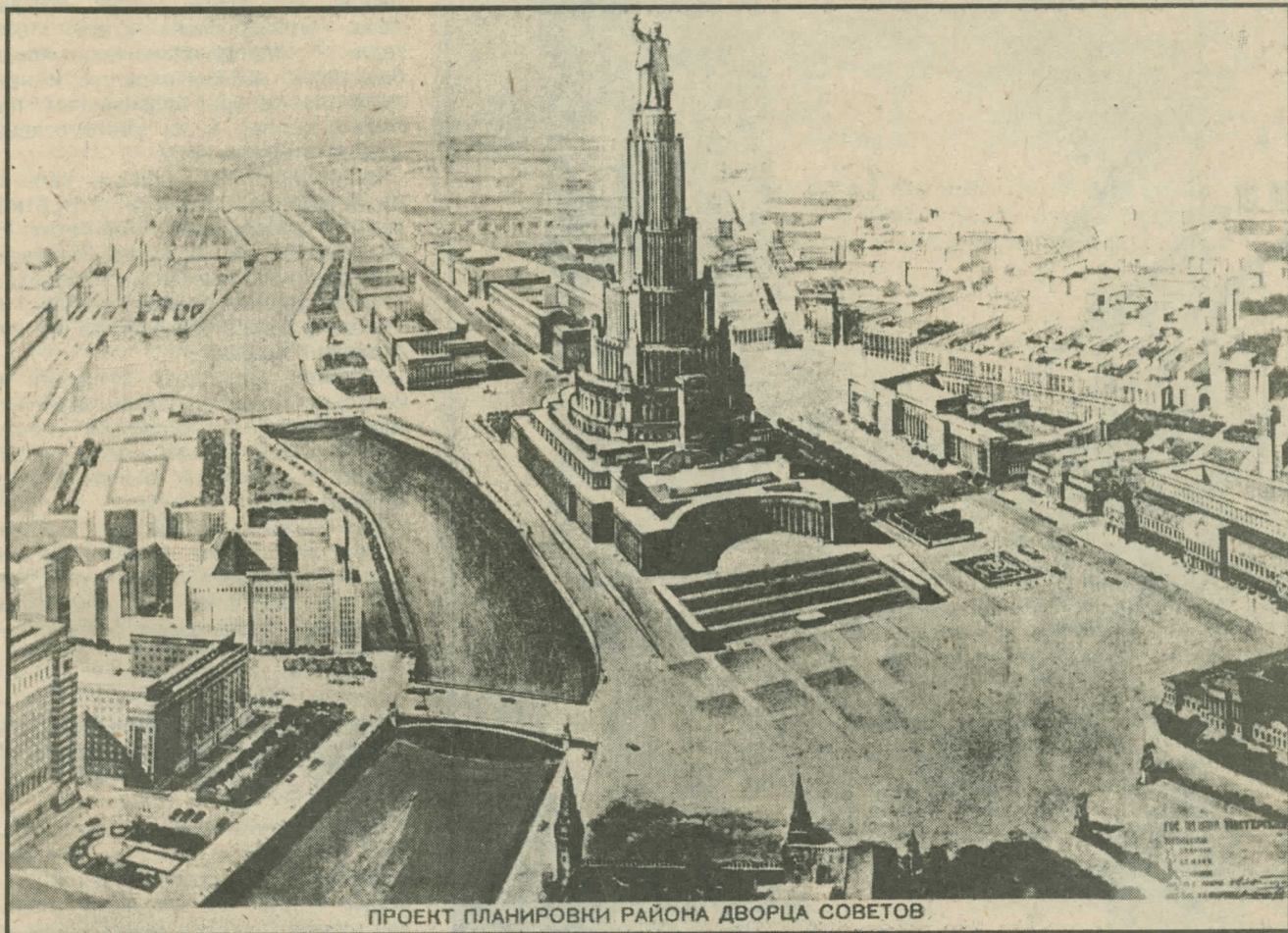
Сегодня мы знаем много больше, чем знали вчера. Мы знаем правду. И добытое знание, прирастая день ото дня, велит проститься с верой в созидательную способность хозяйского кнута, погоняющего толпу невольников. Достало бы только умственных и душевных сил выбраться из тупиков самообмана, чтобы завершить наконец это трудное, затянувшееся прощание и ощутить себя свободными людьми. Не толпой, а великим народом.

Фото Л. Ковалева

Николай МАЛИНИН

Москва из-под стола

ПРОЕКТ ПЛАНИРОВКИ РАЙОНА ДВОРЦА СОВЕТОВ

Фотографии из коллекции Владимира Дрибинского

История города в легендах,
анекдотах и опечатках

**«Москва — это не город,
Москва — это принцип!»**

Михаил Катков

Москва не сразу строилась, но когда построилась, то и тогда не все устроилось. Особенно суров оказался XX век.

Ну, например, проезжал как-то Организатор Всех наших Побед мимо старейшей московской церкви — собора Спаса на Бору в Кремле. Рядом с храмом навалены в

беспорядке — дрова. Глянул Сталин в окно и поморщился:

— Безобразие. Убрать.

Переспрашивать было не принято, пришлось и дрова убрать, и церковь — снести...

XX век — два крестика, как усмешка — «Хи-Хи!»

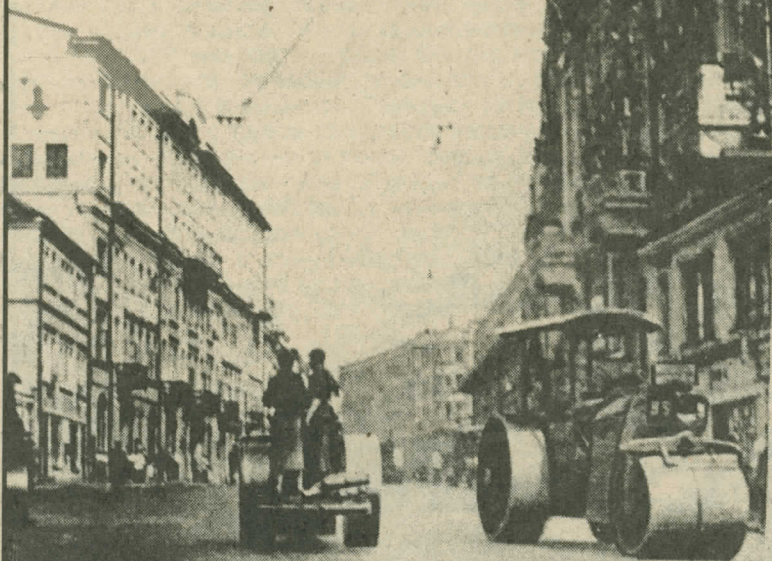
Век-насмешник превратил мой город в жалкое подобие Питера: разровнял бульдозерами семь знаменитых холмов, одел в гранитный прикид набережные, забил торчащие гвозди колоколен, дворики превратил в площади, переулки — в проспекты; улицы, кривые, как складной метр, стальными ручища-

ми распрямил — с лязгом; бульвары — переименовал.

Символом же московской красоты всегда считали «сорок сороков». 770 лет строила Москва свои храмы — в 73 годика половину порубили. По отношению власти к храмам замечательно вычленяются пять периодов истории столицы.

Первый — условно назовем его «Камни не пахнут». Хиленькая пока Советская власть не гнушается пользоваться материальной базой прошлого — подобно мальчишке, малюющему на заборах свои «заборности», — расписывает стены храмов своими физкультур-приветами.

**ЗАМОСТИТЬ В ТЕЧЕНИЕ
10 ЛЕТ 10 МЛН. КВ. МЕТРОВ
УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ
ГОРОДА МОСКВЫ
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫМИ
МОСТОВЫМИ...**

АСФАЛЬТИРОВАНИЕ УЛИЦЫ ИМ. КИРОВА

АСФАЛЬТИРОВАНИЕ ПЛОЩАДКИ ПЛОЩАДИ

Второй будет у нас проходить под девизом «Производство кирпича по рецепту Ильича». Наш пацан вырос и из папиных книжек крутит папироски — Моссовет разбирает церкви, а из добытого кирпича строит свои храмы!

Лозунг третьего этапа длинен, но достоверен — «Вместо крепости церковного мракобесия — рабочий дворец культуры!» — так называлась «огоньковская» статья 1930 года. Материально-техническая база есть, мышцы окрепли, и наш приятель теперь подсиживает пожилых коллег — на месте старых храмов строит новые.

И вот он уже в возрасте, капитала не скопил, здоровье растратил, красота раздражает — и летят на пол дедушкины сервизы! Наречем эти годы исторически — «Борьба с архитектурными излишествами». А что есть самые излишества из излишеств? Храмы.

Наконец, наш друг помирает и, используя старые блаты, забывает себе местечко на кладбище. О том, как взрывали церкви в подарок заезжим президентам, мы расскажем в главе «Холм Никсона».

Вот такой смешной век. Расстанемся же с ним хохоча, бросив иронический взгляд из-под столика, за компанию с человеком, звавшим «консервами огня» — спички...

Итак:

Глава I. МЫ ВЫКРАСИМ НЕБО В МАЛИНОВЫЙ ЦВЕТ!

Часы империализма — свое отбили 2 (15) ноября 1917 года. Именно второго дня командор Туляков хватался супруге за вечерними щами, что «влепил сегодня шесть дюймчиков в самые часы прошлого», то бишь — в куранты Спасской башни. Игравшие 66 лет «Коль славен» Бортнянского, часы поперхнулись — снарядом. И остановились. Время повернуло вспять.

Уместно будет напомнить, что еще пару веков назад часовщики-германцы вздумали подшутить над русофилами-москвичами и куранты заиграли «Ах, мой милый Августин!». Теперь же их зарядили на «Интернационал». Снова шутка.

Выбором мелодии руководил лично Ленин. Он же отдал персональный приказ отремонтировать Никольскую башню: правда, чего-то спутал и обозвал ее «Владимирскими воротами». Ну да вечному эми-

гранту прощительно.

Но не только приказы умел отдавать Ильич — умел он и руками потрудиться. В Кремле, там, где террорист по фамилии Каляев шваркнул бомбу под великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора и дядю Николая II, стоял невинно убиенному памятник. Крест. Так вот, в Первой восьмнадцатого года Ленин — своей рукой! — накиннул на шею Распятому петлю и, запрягши в веревки Свердлова, Аванесова и Смидовича, скомандовал:

— Долой его, на свалку истории!

(Эту историю с восторгом воспроизвел в своих воспоминаниях бывший комендант Кремля Мальков. — см. «Столица», № 3, стр. 56 за 1990 г.)

В этот же день рабочие «Гужона» по собственной инициативе распилили памятник герою русско-турецкой войны генералу М. Д. Скобелеву, что на Тверской.

Из скобелевской бронзы отлили потом плиты для памятника Свободе, появившегося на месте генерала через 33 года после своей нью-йоркской тезки («Почему Свобода против Моссовета? — Потому что Моссовет против свободы!»).

Слова большевистские пополнили, как зараза, по всему городу. На университетской Татьяниной церкви вместо «Свет Христов просвещает всех» начертали — «Науку — трудящимся!» На обелиске в Александровском саду (300 лет дому Романовых) попросту затерли одни имена и написали другие — Маркс, Плеханов, Прудон, Уинстлей, Михайловский...

Культурный слой нарастал поразному. На торце «Метрополя» вытянуто было затейливой вязью нищевское — «Опять старая история, когда выстроишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему». Поверх подобных глупостей высекли — «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала. — В. И. Ленин».

Но не только камни надо было переделывать. В том же Александровском саду выкрашили в оранжевый и фиолетовый — траву! Футуристы резвились. А Ленин расстроился, обозвал «варварами» — не разглядел, близорукий, за проделкой собственных же начинаний!

Черту под этим периодом всеобщей линьки и смущенного краснения подвел патриарх Тихон. В 1925 году в мавзолее прорвало канализа-

СТАРАЯ МОСКВА

СТИХИЙНО РАЗВИВАВШАЯСЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ВЕКОВ МОСКВА ОТРАЖАЛА ДАЖЕ В ЛУЧШИЕ ГОДЫ СВОЕГО РАЗВИТИЯ ХАРАКТЕР ВАРВАРСКОГО РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

цию — святилище затопили нечистоты. Народ возмутился, а Тихон, когда узнал, лишь качнул головой и, пряча улыбку в бороду, молвил: — По мощам и елей!

Глава II. КАК КРАСОТА МИР СПАСЛА

Второй этап превращения Москвы в столицу «первого в мире» отличался жестоким утилитаризмом. Красота пошла на дрова — разбирали целые особняки (Житовой на Остоженке, Полякова на Покровке), иконы рубили в щепки — пока «свет Христов» не сменили «лампочки Ильича». Монументов воздвигали меньше, храмов домали больше. Первой сломали Моисеевскую часовню, выстроенную, как гласит ле-

генда, охотнорядцами в память чудесного избавления от крушения царского поезда у станции Борки — «для упорядочения трамвайного движения», — в 1922 году.

В газетах обосновывали — трезвенники! — по-пролетарски; в 23-м «Известия» известили: «Постановлением Моссовета опечатана церковь Пимена в Пименовском переулке. На колокольне церкви обнаружен самогонный аппарат, с закваской бочонок и пустая четверть с запахом самогонки. Церковный сторож Ф. М. Евдокимов сознал, что завод организован им. Отдел управления расторгает договор с группой верующих на ц. Пимена за несоблюдение верующими договора. Церковь будет приспособлена для

культурных целей!» (Для культурных целей ее сперва обратили в комсионку, а затем и вовсе снесли.)

Свой вклад в сокрушение мракобесия внесли и поэты. Как-то глухой ночью — извозчик спит у перекрестка — из кафе «Стоило Пега-са» на Арбате выбралась компания имажинистов во главе с Есениным. Добравшись до Страстной площади, литераторы обнажили кисти и в миг располосовали стены монастыря (Страстного, соответственно) разными скабрзностями типа:

*Вот они, жирные ляжки
Этой проклятой стены,
Здесь по ночам монашки
Снимали с Христа штаны!*

Наутро компания собралась вновь и с восторгом наблюдала, как несчастные женщины пытаются соскрести сие кощунство.

Впрочем, тому же Сергею Александровичу не чужды были и самые сентиментальные чувства. Пронюсая как-то вечером на санях мимо Большого Вознесения, Айседора Дункан услышала от извозчика, что в этой церкви венчался Пушкин.

— Есенин, — капризно подскочила на сиденье танцовщица, — пусть нас обвенчают здесь!

Но церковь оказалась заперта, а потом (пожизная плоды, поэт!) и вовсе превращена в велосипедную фабрику.

В первых рядах атаки была — как и подобает в тяжелых боях армия — доблестная эркака. Она посуворовски занимала дом за домом (заяв к нашим дням порядка 50 памятников архитектуры и истории), между делом выселив из привычных стен институт милосердия. В Воспитательный дом въехала артиллерийская академия (чтобы расстрелять здесь позже Берию, полагает в «Бумажном пейзаже» Василий Аksenov), в Александрo-Мариинском приюте заскрыпели перьями цензоры военные, в Институте благородных девиц зачавкал эклерами ЦДСА, а в усадьбу знаменитого московского мецената и благотворителя Солдатенкова переселился со временем (и с удовольствием) сам министр.

Комбриги, понятно, не стесняют себя в быту. Новые обитатели дома Гагариных на Новинском — офицеры автополка «вбивают, — как повествует архивный листок, — гвозди в скульптурные украшения, привязывают к выдающимся частям веревки для сушки белья».

Помимо причин оборонительного

порядка, социалистический меркантилизм двадцатых цвел на бурно растекшемся болоте чиновничества. Если «до» в полуторамиллионном городе было всего 170 тысяч «бойцов скрепки», то к 26-у их уже 400 тысяч на 2 миллиона населения!

Селились чиновники согласно традиции: изнемогающая ныне под бременем мемориальных досок улица Грановского прошла в точности по территории Опричного двора Ивана Грозного!

А НКВД врезал тем временем замки в бывший дом страхового общества «Россия» — на том самом месте, где 300 лет назад пытали Емельяна Пугачева. (Останавливает приезжий еврея на Лубянской площади и спрашивает: «Любезнейший, не подскажете ли, где находится Госстрах? — Госстрах не знаю, а Госужас — вот!»)

Чтобы лучше видеть, что творится в ЦК, в 1934-м НКВД сносит Китайгородскую стену. Как заключенного перед казнь бреют, умывают и одевают в чистое, так и стену тщательно отреставрировали в конце двадцатых. Тут уж здоровый прагматизм уступает капризам могущественного ведомства.

Впрочем, экономика часто пасовала перед идеологией. Ни нужды, ни выгоды — сносить Казанский собор. Однако сносят, чтобы поставить сначала что-то такое про III Интернационал, затем — беседку и, наконец, вырыть туалет...

Про НКВД закончим тем, что тюрьму свою комиссариат устроил — опять будто сообразуясь с историей! Впрочем, вряд ли кто из энкавэдэшников слышал про крепостницу-садистку Салтычиху, когда-то заточенную в Ивановском монастыре и тыркавшую клюкой в редких прохожих...

Другие монастыри разобрали — кто под что. В Никитском монашки шили обмундирование для Красной Армии, в Петровском мастерили шляпки для новой советской знати, в трапезной Симонова крутили кино, а в Рождественском засело отделение милиции.

Монастыри агонизировали до 1930-го, когда был закрыт последний — Данилов. (Тогда же в городе запретили колокольный звон: колокола свозили на электролитный завод в Котлах, где переливали их для нужд социализма.) Новодевичий монастырь стал «Музеем раскрепощения женщины»), Страстной — Атеистическим музеем, в Новоспасском разместили вытрезвитель, в Андреевском — общежитие Гозна-

ка, в Чудовом — лудильную мастерскую. Впрочем, Чудов, как и прочие кремлевские монастыри, взорвали к 50-летию Верного Марксиста, но это уже новая глава.

Глава III. АМПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

5 декабря 1931 года Лазарь Каганович крутанул ручку взрывного устройства, сказав знаменитое — «Задерем подол матушке-Руси!». Храм Христа Спасителя вздрогнул, судорожно потянулся, тяжело вздохнув, осел — звон прошел по Москве, в доме Пастернака вылетели стекла.

Индустриализация паровым молотом бухала по истории — уже можно было отказаться от «того» кирпича, но «трофейное зодчество» приобрело статус политического символизма: мрамором поверженного храма облицевали гостиницу «Москва», крошкой перемолотых плит с именами героев 12-го года посыпали дорожки в Сокольниках, колонны с престола поставили в новом МГУ; а позже и немца к родному попу приравняли — гитлеровский гранит, что предназначался под памятник фюреру-освободителю, использовали в цоколе домов 9 и 11 на Тверской...

Повыше, пошире, мрамору поболее — в народе говорили «ампир во время чумы». Галич, впрочем, точнее определил сталинский стиль — «А сортир у нас в дому — восемь на десять!». Чего стоит одна станция метро «Измайловский парк культуры и отдыха имени товарища Сталина»!

«Молодая гвардия», тогда еще не сильно русолобствующая, хвасталась:

«У нас в Москве снесли старую купеческую копилку — собор Христа Спасителя, снесли Красные ворота, Сухареву башню, эту знаменитую московскую «мясорубку», которая мешала движению своей громадиной. ... Уверенность в могучей силе нашей истории, гордость делами ее, сознание, что каждый честный сын своей страны участвует в ее строительстве, уничтожает рабство перед прошлым!»

Одним из таких честных сынов был инженер Григорий Жевалкин, руководитель взрывных работ на храме Христа. Типичная биография: родился в семье крестьянина Рязанской губернии. Работал на шахте, после революции послан на курсы шахтеров, затем — рабфак в Ленинградском горном. В 30-м оказался в Москве. Незнакомая работа эконо-

миста не нравилась, но со службы не отпускали. Случайно встретил на улице знакомого, которого знал по рабфаку. Тот уговорил перейти к нему, в «Союзвзрывпром», где знакомый был главным инженером. А через полгода уже начались работы на храме. Два старых инженера отказались взрывать, и вместо них поставили Жевалкина... После храма Христа взрывал соборы в Кремле (названий не помнит) и собор в Шуе, по его словам, очень красивый...

Проспект имени Дворца Советов должен был простереться от одноименного здания до гостиницы «Москва». С последней связана еще пара любопытных историй.

Когда проект гостиницы был готов, его принесли Вождю Мирового и Прогрессивного Человечества. Вождь внимательно изучил и на правой стороне фасада поправил карандашиком форму окон — он с детства не любил овал... Проект вернулся в мастерскую и поверг авторов в священный трепет: что имел в виду Отец и Учитель? Исправить все окна на квадратные? Или только те, что справа? Пришлось строить в точном соответствии с руководящей линией карандашика: одну сторону с овальными окнами, другую — с квадратными...

Когда же первая очередь отеля была выстроена, Знаменосец Коммунизма спросил авторов, Савельева и Стапрана:

— Лучше построить можете?

— Можем, Иосиф Виссарионович!

И, подобно ослепленным Барме и Постнику, зодчие сгнули в лагерях. А гостиницу достраивал Шусев.

Впрочем, Классик Марксизма уважал профессионалов. По поводу сноса храма Христа даже позвонил Грабарю, проконсультироваться. Грабарь перепугался вусмерть, стал что-то мямлить, мол, Вы, Иосиф Виссарионович, лучше меня разбираетесь... Сталин буркнул «Спасибо» и бросил трубку.

Зато П. Д. Барановский, когда его вызвали обмерять храм Василия Блаженного, заявил:

— Взрывайте. Вместе со мной.

Храм пощадил, но Петр Дмитриевич отправился в ссылку. На редких свиданиях архитектор бросался к жене:

— Ну что, стоит?

— Стоит, Петя, не сносят.

И только после этого Барановский принимался за домашние харчи.

Есть, впрочем, и иная версия «чуда». Принес якобы Каганович Сталину макет Красной площади и начал доказывать, как мешает собор первомайскому разливу.

— А вот если мы его — р-раз! — убирал храм Каганович.

Сталин посмотрел, подумал и сказал:

— Лазарь, поставь на место.

Не вышло с Красной площадью, отыгрался на Покровке — Моисеич. Дивная церковь Успения ужасно раздражала красного наркома, проезжавшего по Покровке в ЦК. Наконец в 36-м Каганович начертал проект решения: «Церковь Успения снести, как выходящую за красную линию улицы!» Моссовету оставалось только подчиниться.

(Странную, однако ж, трансформацию претерпели тираны, если верить легендам. Говорят, когда в пылающей Москве Наполеон увидел эту самую церковь Успения, он вышел из кареты и приказал:

— Пожары потушить. Город, в котором существует подобное чудо, не должен погибнуть.)

Мимходом решали международные проблемы. Когда в 33-м собрались ломать Николаевский монастырь на Никольской, слухи просочились в румынское посольство. И оно попросило прах молдавского господаря, в монастыре похороненного, Дмитрия Кантемира — ибо Молдавия была тогда территорией Румынии. Останки были проданы и перенесены в Яссы. Сына же — писателя и дипломата Антиоха Кантемира, как «переметнувшего» на русскую сторону, румыны сочли предателем и об его останках вопроса не поднимали. Те благополучно пропали стараниями соотечественников.

1937 год отмечен парой забавных событий. Во-первых, пал последний оплот монархизма — орлов на кремлевских башнях заменили на звезды. Чем бедняги питались 20 лет в коммунистическом окружении?

Во-вторых, справляли пушкинские сто лет и под это дело на памятнике вместо подразумевавшихся державинских «что прелестью живой стихов я был полезен» начертали — что вы думаете в 37-м можно было начертать? — «что в мой жестокий век восславил я свободу!»

По Москве ходили шутки — конкурс проектов на памятник Пушкину:

Третья премия: Пушкин читает сочинения Сталина.

Вторая премия: Сталин читает сочинения Пушкина.

Первая премия: Сталин читает сочинения Сталина.

Вообще памятники — самая веселая статья. Минин и Пожарский, например, загоразивали стоящему на мавзолее Сталину свой собственный портрет на ГУМе. Сдвинули Федоров — черт знает, чем ему мешал, но тоже попросили. Пушкина после войны лицом к солнцу развернули, чтоб головы поднять не мог.

А Гоголь, тот вообще бесил Творца Сталинской Конституции. И последний приказал первого переплавить. В ночь перед снятием на Арбатской площади появился старенький грузовик. И Николай Васильевич исчез. Обнаружился он лишь через добрый десяток лет закопанным на кладбище Донского монастыря. Вместе с реабилитированными Бабелем и Пильняком вернулся домой, да место оказалось занято — Фомой Опискиным. И уселся Гоголь во дворе своего дома.

«Зачем остричь, когда и так все весело?» — любопытствовал Мандельштам.

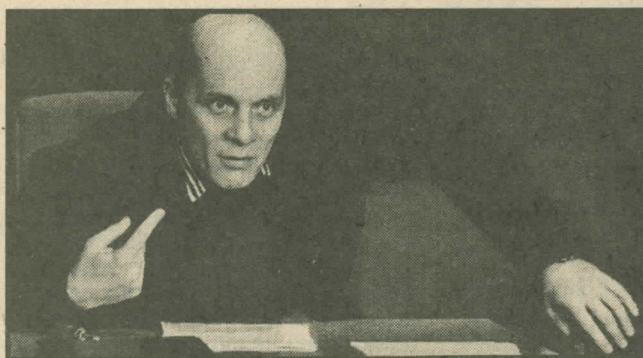
Кончалась предвоенная пора неудачно. Когда взрывали храм Христа Спасителя, с ним вместе взорвали 13-метровую подушку — место-то мокрое — и котлован Дворца Советов стала заливать вода. Тогда сюда начали свозить надгробия с московских и подмосковных кладбищ и забивать ими нишу. Две недели плыл по реке баржи, груженные ангелами, плакальщицами, голгофами — из мрамора, лабрадорита, белого камня...

И кончалась эпоха триумфов суевой прозой: осенью 41-го из каркасов Дворца делали противотанковые ежи и надолбы.

Р. С. Анекдоты суть творения коллективного сознания, однако некоторым моим коллегам удалось напечатать часть московского фольклора впервые — честь им за это и хвала! Посему признаюсь, что в первой части «Истории...» использованы материалы и устные рассказы писателей Петра Паламарчука, Юрия Борева, Владимира Никольского, Владимира Осипова, историков Михаила Богоявленского, Сергея Бурина и Владимира Козлова, журналистов Лидии Польской и Алексея Кокорева, московеда Алексея Лактионова — простите, если назвал в одном ряду закоренелых противников!

(Окончание следует)

фото М. Гутермана

ПИВО — ИХ, ТАНКИ — НАШИ

...Афиша на заборе гласила: «В театре-студии у Никитских ворот Александр Филиппенко читает пьесы Вацлава Гавела «Аудитория» и «Вернисаж». В перерыве — их пиво — танки наши».

Про танки мы всё помним хорошо. Про чешское пиво — забыли совершенно.

Добавлю по секрету, что после перерыва зрителям поднесут рюмочку «Бехеровки».

Неудивительно, что к финалу по телу разольется ощущение «теплой товарищеской обстановки», ностальгическое ощущение — ведь сейчас мы редко зовем гостей и нечасто куда-нибудь выбираемся — нечем угостить и страшно возвращаться в темноте.

А. Филиппенко рискнул. К нему пришли, и радушный хозяин приготовил не только угощение, но и занимательную беседу. Поначалу сбивчивую — о том, о сём. Немного о себе. О себе в 68-м. О себе и «бархатной революции». О себе и Президенте.

Нет, это не я иронизирую, это Филиппенко именно так, привычно для нас, преодолевает стыд воспоминаний и запрятывает пафос, который был бы неуместен на дружеских посиделках.

Почему Филиппенко читает именно эти два сочинения В. Гавела, а не что-то другое из его диссидентского наследия, — не имеет значения. В любом случае слова, мысли,

чувства были бы те же. Сам драматург уверен, что его тема «традиционна для драматического искусства: оно в итоге всегда о том, кто кем кажется и кто есть кто на самом деле».

Актер мастерски разыгрывает конкретные сюжеты — диссидент и его стукач, диссидент и его друзья-конформисты, но «послевкусие» от спектакля, та светлая печаль, с которой выходишь на бульвар, — не от слов, а от интонации, неуловимо выразившей основной мотив — кто есть кто на самом деле.

Спеша домой к телевизору, я почему-то думала о себе и... Сахарове, о том, что не он — мой Президент...

Вот что значит распить с хорошим артистом одну бутылку «Бехеровки» на 57 человек.

Мария СЕДЫХ

НЕ ПОНИМАЮ

«CINEPOLIS» — ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «МЕГАПОЛИС», «НУЛЕВОЙ» НОМЕР, гл. редактор К. Исааков

Шикарный журнал. Международный. Бумага — блеск. Полиграфия — люкс. Выходит на русском, немецком, английском, французском.

Содержание: Тарковский, Соловьев, кто-то и что-то из Голливуда, анекдоты про Антониони в сумасшедшем

гигантскую массовку на Трубной площади. Свое согласие на участие в великом замысле дала Ванесса Редгрейв. Брошенные потомкам слова: «Я дважды хоронил Сталина», «Миссия»,

«Прозрение» мешались со взволнованным рассказом о пуговицах, которые московские дворники подметали сотнями поутру 10 марта 1953 года, о чем «дважды хоронивший» Сталина режиссер не знал. Сообщалось также, что неизвестный молодой актер сыграет в фильме Женю Евтушенко в пору его тревожной юности, но и Он Сам выступит в неожиданной для поклонников роли.

Что планировал Евг. Евтушенко — Режиссер и Гражданин, — выполнил. Трубную взяли штурмом, как Зимний. «Красными колоколами» повеяло в сцене массового безумия добровольцев, после съемок которой Москва отходила так же долго, как

Дворцовая площадь в Ленинграде после нашествия Бондарчука. Ванесса Редгрейв естественно передала восторг иностранки от зрелища голодных людей образца 1990 года, рванувших вниз по Бульварному кольцу, как на захват телефона и телеграфа. Блестящие, новехонькие пуговицы были натурально разбросаны по тротуару. И юноша бежал по улицам, на ходу слагая стихи Евтушенко. Слагал легко и влюблялся пылко, как Женя в 53-м.

Но не было бы фильма, если бы в кадр, как на сцену, не ступил сам Евгений Александрович. В

доме и Де Сику — в публичном, кризис культуры (нашей), заявки на киношоу (совместные), реклама «Мальборо» (не наша), масса голых девочек.

Да, чуть не забыл. Интервью с «крестным папой» — главным редактором «Мегаполиса» Е. Быстровым. Бывший первый зампред исполкома Моссовета. Ответственный работник аппарата Президентского совета. Довольное, улыбающееся лицо. Никаких проблем. Вчера — чиновник, сегодня — главный редактор. Наверное, талант или удача. А может, завидую? Но не судья.

Не понимаю другого. Вот этого: «Наш спонсор — внедренческое объединение «Прогресс» Госстроя Армении». Там что, уже все дома построили? И почему мне так стыдно? Как будто я перед кем-то виноват...

А журнал действительно шикарный.

Петр СМЕРНОВ

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ...

«ПОХОРОНЫ СТАЛИНА» «МОСФИЛЬМ», студия «СЛОВО», реж. Е. Евтушенко

Во время съемок этого фильма Евгений Евтушенко давал обильные интервью. Патриоты и энтузиасты приглашались образовать

мастерской скульптора, ваявшего бюсты вождей, он в роли этого скульптора мстил Андрею Александровичу за Ахматову, щелкал по носу Лазаря Моисеевича, брезгливо дергал глиняную бородку Михаила Ивановича. А кроме того, и в роли оставаясь Поэтом, вещал, пророчил, предостерегал, и уже помимо его воли слова отливались в бронзу, из которой когда-нибудь некий неведомый еще скульптор смог бы изваять ему памятник. Но лучшим памятником Евгению Евтушенко станет его фильм. Он самый живой, нерукотворный.

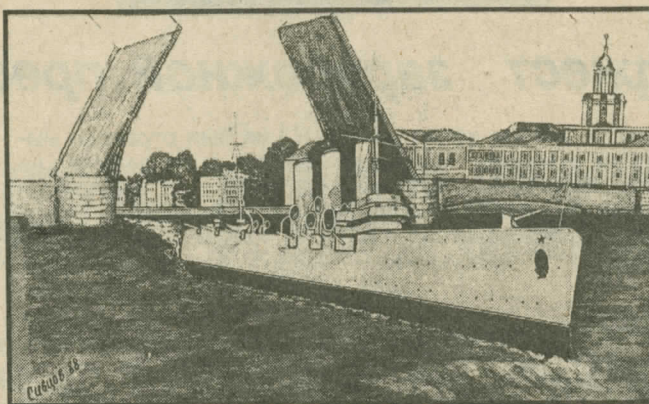
Наталья РТИЩЕВА

ДРУГАЯ ЖИВОПИСЬ

ВЫСТАВКА
«ОТ НАИВНОГО ИСКУССТВА
ДО КИЧА», МОСКВА, ВДНХ

Признаться, я был настроен иронически, идя на эту выставку. И вдруг попал в совершенно удивительный, ни на что не похожий мир, не засоренный ни «чернухой», ни истерически-надрынным «соц-артом», ни прямолинейным концептуализмом (спору нет, все направления достойные, но не довольно ли?!). Мир чистого, «космического», платоновского какого-то сознания, мир внеиндивидуальный, мир, где человек слит со всем живым. Где он просто человек природный, почти очищенный от истории. Мир этот — вокруг него (горизонта зачастую нет) — леса, реки, звери и... любимые народные мифические герои. Представьте — рядом Пушкин, Есенин и Ленин...

В сущности, это — мир детства. Закономерен и набор цветов — красного, синего, зеленого, желтого — самых ярких. Бытие еще кажется раем, жизнь лишена сложности и проблемности — все в ней

нам подвластно. Взгляд обращен в прошлое, точнее, в то лучшее в прошлом, что хочется вспомнить. Это — сон о жизни, которой нет.

Имеется, впрочем, и откровенный кич — кошки-копилки, целующиеся голубки, поделки, копирующие знаменитые картины. Но и в подобной тяге к прекрасному, со все

тем же отказом от себя — еще одна грань наивного искусства.

...На снежно-грязных московских улицах — зябко, уныние, мрак. Всё ноем. Наивное искусство находит красоту и во мраке, очищает ее от этого мрака и бескорыстно дарит нам.

Александр ШПАГИН

КОГДА ПУСТЫ НЕБЕСА

«ТРИ СЕСТРЫ» МОЛОДЕЖНОГО
ТЕАТРА-СТУДИИ НА КРАСНОЙ
ПРЕСНЕ, РЕЖ. Ю. ПОГРЕБНИЧКО

«Три сестры» А. П. Чехова здесь играют, как романс. Можно сказать, что романс заменил трагедию. Но можно сказать и то, что от трагедии осталось послевкусие романа. Этот спектакль — городской рекем по белым и красным, которые пели песни с разными словами, но нередко на одну и ту же музыку. И потому «По долинам и по взгорьям», которая звучит в финале, вызывает не ужас от того,

что мир сестер Прозоровых сорвался в бездну, но чувство почти сентиментальное. Кто возразит мне, если скажу, что наши идеалистки могли оказаться в тех самых партизанских отрядах? И с кем были Соленый или Родэ? Если бы знать... Ю. Погребничко и не пытается разгадать эту загадку. Он ставит спектакль о нас, потомках красных и белых, которым выпало жить в пору, когда опустели небеса. Когда романс похож на молитву.

Михаил ШВЫДКОЙ

Фото В. Баженова

Представляет
Андрей ГАВРИЛОВ

МУДРОСТЬ НАШЕГО СОВМИНА

«ДАРУЮЩИЙ БЕССМЕРТИЕ»

США, реж. Дж. Бендер

Если вы смотрели «Мясо» (в нашем прокате — «Мотель «Медовый месяц») или «Кому», можете смело пропускать «Дарующего». Если же нет — то посмотрите. Увидите зверства капиталистической системы и частного предпринимательства и еще раз восхититесь мудростью нашего Совмина, запретившего медицинским кооперативам проводить хирургические операции.

ИЗ РОССИИ ЭМИГРИРУЮТ ДАЖЕ МЫШИ

«АМЕРИКАНСКАЯ СКАЗКА»

США, реж. Д. Блут

Мультфильм, продюсером которого стал Стивен Спилберг, рассказывает о путешествии в Америку семьи мышей из России, спасающихся в конце прошлого века от котов-казачков и котов-антисемитов. Семейство Мышкевичей преодолевает кучу препятствий, переживает уйм приключений, прежде чем наступает неизбежный хэппи-энд. Да, кстати, в России Мышкевичи живут в Шостке. Теперь понятно, кто увез хорошую киноплёнку!

ОСКОРБЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

«ТЕРРОР В БЕВЕРЛИ-ХИЛЛЗ»

США, реж. Дж. Майерс

В своем роде выдающееся явление видеорынка. Посвященный борьбе американских спецслужб с арабскими террористами, этот фильм — оскорбление и американских спецслужб, и арабских террористов, а также интеллекта и вкуса зрителя. Чудовищно.

Дайджест зарубежной прессы

доски». «Я бы хотел жениться на ней», — твердил Майкл, которого не смущает даже 14-летняя разница в возрасте.

«Нэшнл инкуайер», США

ВОТ ТАКИ!

ДЕТИ ПО КАТАЛОГУ

В Италии раскрыта организация торговцев детьми. За цену от 6 до 20 миллионов лир можно было выбрать нужный «товар» по «образцам» из фотокаталога.

Организация получала «товар» из Южной Америки, в основном из Бразилии. Дети поступали к бывшему священнику Луке Ди Ниццо. Именно с ним вели переговоры супружеские пары, желающие взять на воспитание ребенка, не подвергаясь допросу в суде и не сталкиваясь с бюрократическими проволочками. Плата тут же, наличными.

Высказывается ужасное подозрение, что, возможно, не все эти бедные создания попадали в семьи и что кое-кто из них отправлялся в Италию в качестве «сырья» для хирургических трансплантаций. Как предполагается, в торговле детьми замешаны видные бразильские деятели, а также судьи и адвокаты.

«Джорно», Италия

ВЕРСИИ

НАПОЛЕОН: МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

Врач-эндокринолог из США Роберт Гринблат утверждает, что Наполе-

он I не был отравлен мышьяком и скончался не от рака, а от гормонального заболевания, которое постепенно превращало его в женщину. Различные симптомы, появившиеся за 12 лет до смерти императора, указывают на то, что он был подвержен «болезни Золлингера - Эллисона», вызвавшей дисфункцию гормональной системы и постепенно изменившей его пол.

Летаргическое состояние императора и трудности, которые он испытывал с мочеиспусканием во время осады Москвы, его распухшие ноги перед Бородинским сражением, сильнейшие боли в желудке в Дрездене, его усталость и невралгия в Лейпциге, его безынициативность и апатия в Ватерлоо — все эти признаки, утверждает Гринблат, говорят о том, что император просто-напросто менял свой пол. Американский врач отмечает, что Наполеон постоянно полнел, его фигура малопомалу принимала женские очертания и после 40-летнего возраста начали атрофироваться половые органы. Как сообщает английская газета «Гардиан», во время вскрытия тела Наполеона у него обнаружили не только обширную язву желудка и камни в мочевом пузыре. Было также констатировано — болезнь, правда, тогда не смогли назвать — нарушение функции желез. Тело императора было покрыто толстым слоем жировой ткани, у него были толстые ляжки, белая и нежная кожа, крошечные руки и ноги и полностью атрофированные половые органы.

Доктор Гринблат признает, что Наполеон показал себя пылким любов-

ником, особенно после женитьбы на Жозефине. Однако, утверждает врач, после женитьбы императора на Марии-Луизе он начал страдать импотенцией, чего, кстати, не скрывал. После всего сказанного, пишет в заключение «Гардиан», знаменитая фраза «Не сегодня вечером, Жозефина» приобретает несколько иной смысл.

СПРИНТ

Суд Дюссельдорфа присудил штраф в 3000 франков рыбаку, ловившему на удочку. Вина подсудимого — в причинении страданий рыбам, которых он оставил задыхаться в закрытом ведре. Суд постановил, что рыбаки должны немедленно убивать свою добычу, потому что оставлять рыб умирать медленной смертью есть акт жестокости. Общество защиты животных было этим приговором удовлетворено.

«Суар», Бельгия

Английские пожарные спасли из горящего дома всю семью, включая ручного тарантула. Этот огромный мохнатый паук размером в ладонь убежал из своего вивария и укрылся за креслом. Вся семья, включая тарантула, пострадала от отравления дымом.

Эти пауки, вывозимые из тропических районов Африки, стали очень распространены «домашними животными» в Великобритании.

«Суар», Бельгия

ЗВЕЗДЫ

МАЙКЛ, ДВОЙНИК ДАЙАНЫ

Майкл Джексон явно стремится походить на Дайану Росс. «Майкл просто боготворит меня, — заявила Дайана, — он хочет во всем быть похожим на меня, даже в манере исполнения». Как рассказывает один из друзей семьи Джексонов, в глазах Майкла Дайана — само совершенство. Он даже как-то попросил своего шофера обратиться к нему не «мистер Джексон», а «мисс Дайана».

Увидев Майкла после очередной пластической операции, Дайана спросила у приятелей, что он сделал со своим лицом. «Он хочет быть похожим на тебя», — был ответ. «Неужели я так выгляжу?» — ужаснулась она.

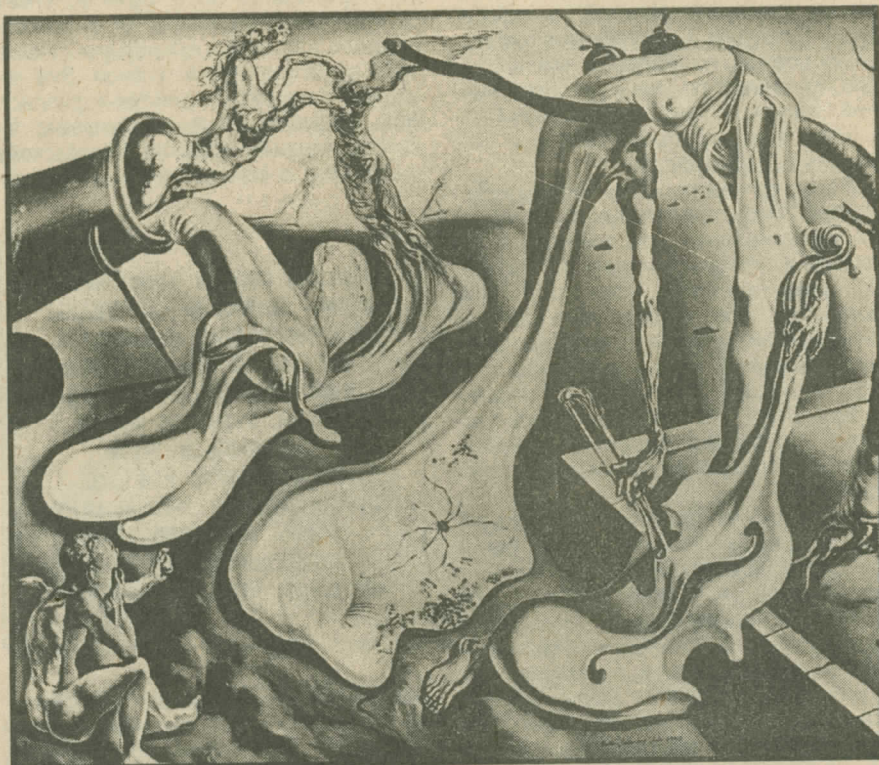
Хотя Майкл и стремится стать двойником Дайаны (он даже накладывает такой же макияж), его главная цель, как он сам признается близким друзьям, не быть похожим на своего отца Джозефа Джексона. Даже мысль, что он может стать таким же, как Джо, приводит его в ужас.

В день своей свадьбы Дайана попросила Майкла оставить ее в покое, на что огорченный певец ответил, что, «хотя сердце его разбито, она останется его единственной любовью до гробовой

Валерий КИЧИН

Кончай жить, стране нужна валюта!

В цепи нашей странной жизни на краю пропасти все жестко взаимосвязано. Благой, но непродуманный порыв в экономической сфере способен повлечь непредсказуемые последствия для науки, культуры, общества.

С. Дали
«Вечерние
долгоножки...
Упоят!»

Все-таки мы заколдованная страна. Чего бы ни задумали созидательного и полезного — все сводится к новым разрушениям и злу.

Радовались: пришли, наконец, в Моссовет люди интеллектуальные, образованные. Знающие цену культуре. Вот ведь как серьезно обсуждали они проблему, быть ли депутатам при галстукке или можно так. Вот ведь как много внимания уделяют парламентскому тону. Говорю без малейшей иронии, меня все это действительно радовало, после неприкрытой развращенности и дремучего невежества былых властей.

И была, среди прочих, брошена крылатая, тоже весьма разумная фраза: Москве нужна валюта. Как, действительно, поднять без нее хозяйство, как накормить людей, как прорвать осточертевшую изолированность нашу от всего цивилизованного мира! Нужна валюта Москве, стране, всем нам!

И начали валюту зарабатывать. Только, как в страшной сказке, никак не идет нам та валюта впрок. Слишком разъединены в официальном сознании интересы страны и человека. Совершенно как при старых властях. Такая традиция — не хотим поступиться принципами. И валюта нужна нам вовсе не для того, чтобы тебе, мне, ему, ей стало лучше. Нужна для того, чтобы выгодно было — все той же мифической «стране», мифическому «государству». Слово страна и государство — это не ты, я, он, она, вместе дружная семья...

Вот невинный и, казалось бы, нас напрямую не касающийся факт: пусть отныне все иностранцы платят в наших гостиницах только валютой. Резонно. Слушали — постановили. И никому не пришло в голову просчитать вероятные последствия такого решения. А в экономике, как в той экологии, все связано, и вот уже разумный порыв Моссовета

наносит всей нашей жизни такой сокрушительный удар, до какого не додумались ни власти времен культа, ни власти времен застоя. Никто еще на Земле не додумался так эффективно изолировать родную державу от окружающего мира. Отсечь разом все живые связи и в науке, и в культуре. И не каким-то там вульгарным идеологическим нажимом — нет, очень современными, на уровне «нового мышления», чисто экономическими методами.

Рухнула, например, постоянно действовавшая связь с внешним миром: так называемые безвалютные обменные поездки, когда ни мы не тратили валюту на служебные командировки, ни «они»: обе стороны платили друг за друга, дело шло вперед, и никто не оставался внакладе. Теперь, чтоб принять английского ученого, приехавшего с ответным визитом, нужна валюта, а взять ее, как известно, нигде. Так что

конференциям и симпозиумам теперь придет каюк.

Под угрозой гастроль в нашей стране знаменитых театров, оркестров, танцевальных групп: хороший артист там, а Западе, и без того «дорого стоит», а теперь нужно еще и нашим отелям за их ненавязчивый сервис платить самые несуразные суммы. Представляете, во что обходится теперь размещение в Москве симфонического оркестра или, не дай Бог, «Ла Скала»? Причем платить нужно, повторяю, валютой, а соберут наши культурно ответственные организации родные, но никому не нужные рубли. Не правда ли, гениально придуманный стимул к тому, чтобы любые гастроли, а заодно любую культуру уколоть раз и навсегда?

В растерянности Союз кинематографистов, Союз театральных деятелей — их международная деятельность парализована. Рвущиеся к валюте гостиницы даже рублевые свои цены так взвинтили, что традиционные творческие семинары, да и просто гастрольные поездки по стране стали недоступной роскошью. Так что в культурной сфере Союз наш нерушимый уже распался на мелкие натуральные хозяйства без средств для каких-либо передвижений.

Более 30 лет существует Московский международный кинофестиваль. Он и расцветал, и в кризис впадал, и критике подвергался, и перестраивался, все вынес — и волюнтаризм Хрущева, и центропулизм Брежнева, и бюрократическое руководство, и партийную диктовку, кому какой приз давать. Но все равно раз в два года открывал всем нам форточку в большое кино. И многие знаменитые мастера благодаря ему находили общий язык с обитателями самой закрытой державы мира. Теперь, вероятно, открывать форточку уже не будет. Не сможет. Того, что не удалось сделать Хрущеву, Брежневу, Суслову и Гришину, почти уже достигли, из самых лучших побуждений, наши интеллектуальные, при парламентском тоне и галстуках, депутаты. Потому что никакое Госкино не сможет теперь оплатить пребывание в Москве целой оравы кинематографистов, имеющих странную привычку приезжать на фестиваль. А без них фестиваля не будет.

Я спросил генерального директора фестиваля Валерия Николаевича Рябинского: неужели так-таки и не будет? Валерий Николаевич, первый зампред Госкино, по должности обязан быть оптимистом — он сказал, что верит в разум и добрую волю нового Моссовета. Что умоляющие письма уже написаны, что ждут высочайшего ответа и что, может быть, пока заметки эти выйдут в

свет, фестиваль уже будет реанимирован.

Журналист обязан быть скептиком, и я подумал: дорогого стоит уже сам факт, что до клинической смерти фестиваль доведен в ходе нашей созидательной перестройки людьми, на которых мы надеемся и в которых верим...

А Валерий Николаевич тем временем рассказывал, как все мэры мира считают за честь не только патронировать свои фестивали, но и быть во главе оргкомитетов, открывать их и приветствовать важную культурную акцию добрым напутственным словом. Эка невидаль, подумал скептик-журналист. Ведь и Хрущев, и Брежнев исправно посылали мудрые указания Московскому фестивалю, я сам, помню, выполнял по-

Москва сейчас напоминает руины былой цивилизации. Воспоминания о славных театрах. О заслуженной репутации музыкальной Мекки. Рушатся музеи, библиотеки. Чтоб восстановить все это, нужна валюта. Но неужели, чтобы ее заработать, придется порушить то немногое, что еще осталось?

четное задание и пробовал за Брежнева поприветствовать фестиваль, какой факт, утверждали после газеты, стал главным событием кинопрезидента. Кроме того, нельзя не учитывать, что ни в Канаде, ни в Италии нет особых проблем с яйцами, молоком и мылом и руководство, нежась от безделья, может уделить внимание культуре. Поэтому не жду, что демократический мэр Москвы бросит жизненно важные дела и займется кино, — одного лишь жду, чтоб не уничтожал уже существующее, до него построенное. Погибнет фестиваль — возродить будет куда труднее.

Да ведь и не один он погибнет.

Москва сейчас все больше напоминает руины былой цивилизации. Остовы некогда живых и прекрасных зданий. Воспоминания о некогда славных театрах. О заслуженной репутации музыкальной Мекки. Рушатся музеи, библиотеки. Чтоб восстановить все это, нужна — это понятно — валюта. Но неужели, чтобы ее заработать, придется порушить то немногое, что еще осталось?

И еще одно. Допустим, валюту зара-

ботали. Неужто и впрямь тут же примемся спасать национальную библиотеку или создавать человеческие условия населению? Нет, судя по газетным интервью, нас ждут иные сияющие перспективы. Тот же гостиничный сервис — он ведь вовсе не о Марье Иванне из Тамбова печется, когда зарабатывает валюту. Он обещает построить еще более замечательные многозвездные отели с бассейнами и кегельбанами. И пусть мы с вами к этим отелям и подойти из любопытства не сможем, зато богатый заграничный джентльмен, прибыв в нашу нищую страну, будет думать, что прибыл в страну богатую, где все как у людей.

И заводы наши, заработав валюту, пустят новые современные линии, где начнут собирать такие невиданные, мировых кондиций телевизоры, холодильники и рыбные консервы, которые смогут достойно украсить любой западный супермаркет. Что позволит заработать новую валюту, на которую построит новые линии, на которых... см. этот абзац с начала и до бесконечности.

Круг замкнется. Супермаркеты в лондонах станут еще богаче и обильнее. И только мы с вами по-прежнему роковым образом останемся в стороне от этого круговорота консервов и холодильников, в вечном ожидании неопределенно светлого будущего. Не будет у нас телевизоров и «Лад» последних моделей. Не будет концертов Ростроповича и спектаклей «Ла Скала». Наши «Виртуозы Москвы» зарабатывают валюту в Испании. Наша несравненная Образцова поет в Милане и Севилье. Наш Хворостовский блистает в Нью-Йорке. Мы, безвалютные, по-прежнему без хлеба и зрелищ. Наше национальное достоинство — наша легендарная духовность — с пением «Варяга» исчезает в пенных волнах парламентских дебатов. Не будет для нас парижских бульваров и лазурных гротов Капри. И даже надежд прочитать «Вашингтон пост» в оригинале — не будет. Потому что ни на гастроли, ни на туризм, ни на обмен периодикой валюты у нас теперь тоже нет. Валюту теперь, как никогда, экономят. Валюту теперь, как никогда, зарабатывают. Вот уже радио «Маяк» как очередное проявление заботы партии и правительства о народе, как беспрецедентный акт доброй воли подает тот невероятный факт, что московский франко-советский кинотеатр «Мир» продает билеты исключительно за рубли. Ценю акт доброй воли. Но боюсь, это временная мера. Трудно поверить, что кинотеатру с пальмами на фасаде не нужны доллары.

Кончай жить, ребята, стране нужна валюта!

Вера КОЛОСОВА

«ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ» РАЗРУШЕНИЯ

Последние события на культурном фронте свидетельствуют:
НАШИ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОД УГРОЗОЙ ПОЛНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ.

Мы долго кормились мифами, даже не предполагая, как глубоко они в нас засели. Одно из расхожих клише, прочно впечатавшихся в массовое сознание, — представление о процветающей музыкальной культуре.

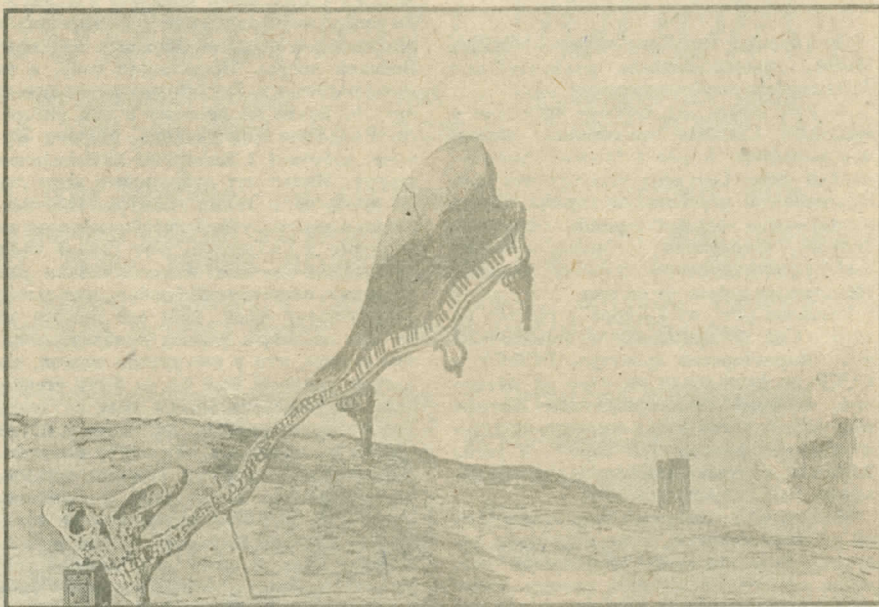
Как только речь заходила о музыке, возникал парадный образ Большого театра с его увенчанными званиемми дородными солистами, хрупкими балеринами, белыми пачками «лебедей». Затем, как водится, — Большой зал консерватории. Здесь самый престижный в мире (по нашим представлениям) конкурс имени Чайковского, где самая большая команда участников, конечно же, из СССР, получала рекордное число медалей.

Парадный фасад поражает воображение и сегодня. Но он, как и все вокруг, обветшал. Осыпается не только лепнина. Коррозия коснулась несущих конструкций, самого фундамента.

Проидем по сегодняшней Москве — музыкальной столице мира, как еще недавно называли ее в газетных репортажах.

Первое, что бросится в глаза, — количество уезжающих за рубеж музыкантов. Утечка талантов стала уже расхожей темой. Мотивы массового бегства из страны чаще всего творческие, их корни в порочной системе организации концертной жизни. Музыкальным искусством по-прежнему монополично владеют государственные концертные организации, взаимоотношения с которыми напоминают отношения помещиков с крепостными. Музыкант-исполнитель — всего лишь оброкотель валюты, его права и творческие интересы не защищены пока никем и ничем.

...Унылый зал имени Чайковского. Некогда он был построен для театра Мейерхольда и передан Московской филармонии — это единственный ее собственный зал. Провинциальное фойе, убогие репетиционные помещения. А ведь здесь рас-

Фрагмент картины С. Дали «Челюсти с лирическим отрогком...»

полагаются Государственный хор СССР, оркестр филармонии, оркестр имени Осипова, ансамбль народного танца Моисеева, камерные оркестры, квартеты, солисты... Но скоро не будет и этого пристанища. Через год-полтора зал закрывается на капитальный ремонт, первый за свою историю.

Улица Герцена, бывшая Большая Никитская. Здесь расположен комплекс консерваторских залов. Разрутая на протяжении вот уже полтора лет, она вписывается в печальную картину всеобщего разрушения и обветшания. Перепрыгивая через канавы и трубы, шлепая по грязной земле пока еще тянется в Большой зал — одно из самых примечательных мест Москвы. Жизнь любителя музыки, кажется, невозможна, без этих колонн, светлого старомодного фойе, бархатных банкетов, старушек-билетерш... Но музыка и здесь скоро умолкнет. Построенный в начале века и ни разу не подвергавшийся капитальному ремонту, через

сезон-полтора зал закрывается. В очереди на ремонт и Большой театр, так и не обретший пока своего филиала. Полтора года назад Большой зал консерватории уже закрывали на несколько месяцев. Закрыли, не имея ни проекта, ни сметы, ни плана реставрации. Потом открыли, ничего не сделав. Впрочем, нет проекта и сейчас...

Сколько продлится этот одновременный ремонт сразу всей музыкальной Москвы? И чем он обернется? Не окажемся ли мы перед руинами нашей культуры к тому далекому времени, когда строительные леса, наконец, снимут с обновленных, но уже никому не нужных фасадов?

Благое начинание, чаще всего имеет у нас последствия отрицательные, а порой и уродливые. Сколько бы благородна ни была идея. На волне празднования 1000-летия крещения Руси и повального интереса к ранее запретной православной певческой традиции стали образы-

ваться новые хоры, которые поют русскую духовную музыку. Среди них есть интересные, чья творческая программа благородна. Но есть и такие, которые поют эту музыку ради моды, только потому, что есть спрос. И делают это плохо, дискредитируя саму идею. Болезнь роста? Но коммерческая эта горячка грозит уничтожить многие творческие коллективы с давними и славными традициями. Люди уходят туда, где больше платят. Вновь строим новое, всё разрушая «до основания»?

Из беседы с Владимиром МИНИНЫМ, художественным руководителем Московского камерного хора:

— Уже много лет хоровое искусство в кризисе. Сегодня положение просто чрезвычайное. Хоров в Москве много — певцов мало. Ситуация усугубляется конкуренцией с церковными хорами. Люди уходят из государственных. Зарплата больше, требования — ниже. Количество репетиционного времени меньше. Поездки за рубеж — те же.

Решение уйти из Госхора я принял не вдруг. Сил на продолжение борьбы уже нет. Министерства культуры РСФСР и СССР не выполнили ни одно из обещаний, которые были даны мне четыре года назад, когда я дал согласие на художественное руководство хором. Я устал бороться с организациями, которые, казалось бы, должны помогать.

Московский камерный хор существует во многом вопреки, а не благодаря системе. Репетиционных помещений нет, негде просто приклонить голову. Работать было трудно и раньше, а сегодня ощущение, что под флагом перестройки уничтожается последнее.

Сходные процессы происходят и в прославленных московских оркестрах, еще недавно казавшихся незыблемыми, защищенными стабильными зарубежными гастролями и суточными в конвертируемой валюте. Сегодня же часть музыкантов уезжает по зарубежным контрактам (благо, оркестранты нужны во всем мире — поистине, профессия оказалась универсальной), часть уходит во вновь созданный оркестр, которым руководит Михаил Плетнев.

Предынфарктные процессы развиваются в самом сердце музыкальной Москвы — консерватории. Большинство ведущих профессоров уезжает преподавать за рубеж. Зловещий симптом: стали уезжать студенты и ученики. Коррозия коснулась не только архитектурных сооружений; душит не только система, но и сама нынешняя атмосфера взаимоотношений в профессиональной среде. Отношения между педагогами переносятся на их отношение к ученикам, развращая или обделяя их. Конечно, постепенно, не вдруг ис-

чезла та особая атмосфера Московской консерватории, ее духовная суть, которая и породила гений Рахманинова и Скрябина, Нейгауза и Софроницкого, Рихтера и Ойстраха. Здание могут восстановить по проектам потомки. Но как восстановить душу?

Из разговора с профессором Московской консерватории Ириной МАСЛЕННИКОВОЙ и режиссером Борисом ПОКРОВСКИМ:

И. М. — У меня есть ученица, Татьяна Коровина, на втором курсе она победила на сложнейшем конкурсе «Моцарт». Ей сразу же предложили дебютировать в «Волшебной флейте» Моцарта на сцене Венской оперы. Представьте себе, а на конкурсе имени Глинка она не получила ничего, никто не проявил к ней интереса. Еще одна моя ученица, Марина Жукова, работает в Камерном музыкальном театре. Много лет отборочные комиссии не пропускали ее на конкурс. Наконец, поехала и... получила первую премию на конкурсе в Голландии. Вот такова наша конкурсная система. Наши ученики уже не верят нам: хорошо поешь или плохо — результат один. Ибо всё решает не то, как поешь, а у кого учишься. А потом сетуем, что у нас утечка мозгов, талантов, голосов! Как же не быть утечке, если талантливым людям ходу не дают. Даже после победы на конкурсах их судьбы не меняются. Их никто не знает. Устроиться на работу безумно тяжело. Ведь плюс ко всему еще и прописка нужна. В Большой театр нельзя взять людей! Татьяна Коровина — она ведь из Курска. Куда ей идти? А в Венской опере у нее прописку не спрашивали. Обычно так и получается: у нас признание приходит только тогда, когда признает «заграница».

Б. П. — Это у нас традиция такая. Шаляпин был всего только хорош. Поехал в Милан — там сказали, что он — великий. И мы тогда сказали — великий. У нас никогда не было недостатка в талантах. Вот и сейчас поднимается новое поколение талантливых людей. Заканчивают консерваторию — и никуда их не берут...

Впрочем, духовный свет Московской консерватории еще не угас. Он — в ее давних и недавних выпускниках, разбросанных по всему свету. Вот ведь бегут музыканты из страны, исчезают с афиш любимые имена, в почти безнадежной ситуации всеобщей разрухи стране, кажется, вообще не до музыки и музыкантов. Но находятся люди, которые всеми силами стараются противостоять сползанию в пропасть тьмы и бескультурия. Поразительно, но иногда это удается. Вот лишь один из недавних примеров.

Четвертый год подряд проходит фестиваль «Дни старинной музыки в Москве». Идея его принадлежит замечательному виолончелисту Ивану Монигетти. В четвертый раз вопре-

ки мнению об «элитарности» фестиваля, вопреки бюрократическим препонам он собирает в Москве музыкантов мирового класса, играющих на оригинальных старинных инструментах, поющих музыку средневековья, Ренессанса, барокко. Художественный результат его поразителен: полные залы на той самой «элитарной» музыке, которую многие уже списали в архив, непрерывающийся четырехлетний внутренний диалог со слушателем, атмосфера духовного общения, крепнущего с каждым новым фестивалем.

Однако и эта, с таким трудом утвердившаяся традиция оказывается под угрозой. Причины, как всегда, прозаичны и до привычного абсурдных. Постановление Моссовета (нового, не старого), предписывающее взимать с иностранцев оплату гостиницы исключительно в валюте, воздвигает взамен рухнувшего железного занавеса новый — валютный. Мы вновь перед угрозой изоляции от мировых интеллектуальных, культурных процессов. Этого наша культура еще раз не переживет.

...Наше невеселое путешествие по музыкальной Москве мог бы дополнить визит в магазины фирмы «Мелодия», где полки отделов классики практически пусты. Можно зайти в Московский Камерный музыкальный театр, вот уже почти двадцать лет прозябающий в подвале на «Соколе» под постоянной угрозой выселения пожарными. Неужели классическая музыка у нас становится вымирающим видом искусства? И это при все еще немалом количестве музыкантов, которые могли бы сделать честь любой державе, но оказываются у нас ненужными, невостребованными. Как при старой власти, так и при новых порядках. Можно было бы, наверное, списать это все на «родимые пятна» 73-летней истории, на царящий в стране хаос — и в этом, конечно, есть свои резоны. Но почему же в этом хаосе четко прослеживается железная логика, продолжающая разрушать и уничтожать? Согласно новой системе налогов, деятель культуры у нас приравнен к кооператору. И если раньше у него забирали практически весь заработок в валюте, то сегодня забирают уже в рублях. Разве эти новые акты не характеризуют истинного отношения общества к своей культуре?

И неужели эта инерция разрушения уже обрела у нас качества вечного двигателя?

НЕ ЛЮБЛЮ ЛЮБОПЫТНЫХ, ЛЮБЛЮ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ...

На одном из домов старинной московской улицы Петровка — мемориальная доска: «В этом доме родился и жил с 1941 по 1965 год народный артист РСФСР Андрей Александрович Миронов».

Сегодня здесь — редакция журнала «Столица». В комнате, где рос будущий артист, — один из отделов журнала. И, конечно, первой актрисой, к которой обратилась редакция новорожденного еженедельника, была Мария Владимировна МИРОНОВА, легендарная звезда нашей эстрады, мать всеми любимого актера. Умный, острый, ироничный, резкий в оценках человек, из редкой породы людей «с обнаженными нервами».

С актрисой встретила
и беседовала
корреспондент
«Столицы»
Белла Барская.

Фото Ю. Штукина.

— Много лет прожито в этом доме на Петровке, Мария Владимировна. Вы бываете здесь? Вам хочется приходить сюда?

— Хочется, не хочется... Это наш дом, здесь жила семья дружная и по возможности счастливая. Да, я часто прихожу сюда, постою, посмотрю, вспомню. Никогда не захожу в бывшую квартиру номер четыре, окна во двор. Кто-то из журнала в Андриюшиной комнате. Из отпущенных ему 46 лет — 24 прожиты здесь.

— Уклад жизни не по-современному прочный очень чувствуется и в этой вашей квартире на улице Танеевых. Так было и там, на Петровке?

— Я всегда старалась, чтобы у нас была не квартира, а дом, и чтобы жизнь в этом доме строилась по тем же законам, по которым жили

мой родители, мои деды... В семье было полное и безоговорочное уважение друг к другу, мы трое были ответственны друг перед другом, а значит, и перед людьми. Честное слово, правда, искренность и, повторяю, ответственность были для нас не пустыми понятиями. Строго соблюдали все праздники, на Пасху и Рождество старались, чтобы на столе было то, что заведено обычаями предков. Когда есть было нечего — шли в ход очистки от картошки. Но праздники соблюдали.

Я верующая всю жизнь. И Андрей был верующим. Для этого совсем не обязательно часто ходить в церковь. Что с того, что сейчас священников, как кинозвезд, по телевизору показывают! Этим к духовности не приучишь. У нас все привыкли спускаться «сверху», вот сейчас духовность насаждают, как шприцами. Не одноразовыми, правда. То попадают не туда, то инфекцию вносят. Можно ли всерьез о духовности, если так же часто, как богослужения, показывают по телевизору, извините, голые задницы юных девиц...

Наверное, Андрей не был бы счастлив, увидев свою дочь на экране в таком виде, а он никогда не был ханжой, и себя я к ним не причисляю.

— Истинная вера — это способ жить...

...а не заклинание. Так вот о нашей семье: мы все любили друг друга. Александр Семенович Менакер, когда мы познакомились, был уже известный артист, а я — никто. И если б не он, может быть, меня так никогда бы и не узнали. Он ведь похоронил себя ради меня, сознательно ушел на второй план на эстраде. Все думали, что я первая и главная, а все на нем держалось — и репертуар, и режиссура, и сложности нашего бытия. Всегда брал огонь на себя, а огня было много. Счастливые были семейные годы. Мы часто вспоминали уже в этой, тоже, мягко говоря, не очень просторной, квартире свою пятиметровую кухню, где каким-то образом умещалось очень много народу. Приходили Масс, Червинский, Ласкин, Эрдман, Абдулов, Михоэлс, Лобанов, Петкер... Пили чай, разговаривали. И знаете, было о чем. Особой породы были люди: образованные, духовно развитые, честные, добрые.

Жизнь в те годы была очень непростая: чемоданчик всегда наготове, к шагам по лестнице, к лифту прислушивались постоянно. Но, как

в «Днях Турбиных», отгороженная кремовыми шторами, шла в квартире своя жизнь.

Андрей видел все, жил в этой атмосфере и, наверное, не мог вырваться другим. Я никогда не спрашивала его: куда ты? с кем ты? Я все знала. И так до последних дней. Вот уже три года, как нет его, а отношения между мной и его друзьями такие же.

Стою возле дома, смотрю на окна и вспоминаю, что вот ходил он по этим лестницам, совсем маленький. Во время войны, когда мы с Менакером выступали на фронте, по распоряжению председателя исполкома Андрея с няней провожал в бомбоубежище милиционер. И когда мы вернулись, сын отчужденно посмотрел на меня и нежно — на милиционера:

— Прочла у известного писателя: «родиться, жить и умереть в одном доме»... Увы, не про нас это.

— Уклад, традиции — это эстафета веков. Мои родители жили

так, как их родители. А их родители — как их родители. И так далее.

Повторяю, я всегда старалась, чтобы у нас был дом, а не жилище, и как-то этого добивалась. Уже, правда, с ничтожными средствами.

— Вы коренная москвичка?

— Папа говорил, что наш род старинный, он зародился в эпоху Ивана Грозного. А помню я себя с четырех лет. Мы с мамой ходили к заутрене в храм Христа Спасителя, все сорок сороков звонили, купола сверкали на солнце, на душе благодать — для человека, родившегося в Москве, не было города красивее.

А какая чистая была Москва! За каждый дом отвечал дворник, очень уважаемый человек, его все любили. На праздники он ходил по квартирам, собирал рубли и стопочки к обоюдному удовольствию... Нашего дворника звали Наполеон Иванович. У него было 18 или 19 детей, по праздникам он выходил с семьей посидеть на лавочке во дворе (чистейшем! А ведь топили дровами!), дети играли, а он, умиленно глядя на них, тоже чистых и ухоженных, спрашивал супругу: «Марья Андреевна, а цыя это там девотька с кошкьтками?» — «Да это же наша Катенька!» — «Ой, дай я тебя поцелую...»

Сейчас в городе нашем не улыбаются. На улице, в метро, в магазине лица серьезные и нахмуренные. И президент наш улыбается, только когда за рубежом. А ведь была Москва улыбочивая, вежливая, гостеприимная. Для каждого праздника — свой стол: гусь с яблоками — Рождество, запеченный окорок — Пасха...

Я вообще-то из бедной дворянской семьи. Моя мама и две теткы закончили Московский университет и пошли в сельские учительницы. А папа был служащим, специалистом по текстилю; ему привозили образцы тканей со всего мира, и он на ощупь, не глядя, определял, сколько в них шерсти, сколько примеси, сколько бумаги. Нам повезло: после 1917 года с ним ничего не сделали, даже ценили.

А какие мастера были в Москве! В Столешниковом я покупала туфли у Шмелева, свертывала их, вот так, и клала в сумку; дома вынимала, они мгновенно распрямлялись и принимали первоначальную форму.

— Как это вы так делаете? — спросила я Шмелева. — Да очень просто. Это подошва спиртовая. —

Фото из семейного архива

??? — Я год вымачиваю кожу в спирту...

«Саламандра», за которой мы теперь гоняемся, — это дешевый ширпотреб, это базарная обувь по сравнению с тем, что делали наши умельцы.

Брала старуха горсть земли, прикладывала к щеке и ставила диагноз: сеять рано. А крестьянин российский садился на землю, посидит минут десять: «смерзнет зерно-то...»

До 1922 года я слышала в Москве хорошую русскую речь на улице, в доме, в магазине. Сейчас это большая редкость, в Красную книгу можно заносить. Кстати, чисто, по-русски говорит Александр Николаевич Яковлев, и его не просто приятно слушать — то, о чем он говорит и как говорит, будит мысль. У меня, по крайней мере.

Плохим русским языком особенно отличаются телевидение и радио. Многие говорят не на русском, а на сессионном. Ну да, которым изъясняются на сессиях и съездах.

О Москве как о столице сейчас говорить трудно, потому что она только по статусу столица (правительство здесь живет), а так в ней ничего столичного больше нет. Не может нормально жить город, на центральной площади которого кладбище. Такого нет нигде в мире. О тех, кто там лежит, мы говорим пусть усеченную, но правду, а они все лежат там — и Мехлис, и Вышинский, и Сулов... И «запешь, и заверуешь» при таких-то принципах...

Не может нормально жить город, до такой степени грязный. Понастроили аквариумов из стекла и бетона, чтобы не хуже, чем у других, а стекла всегда грязные. Если что-то подобное строят в Нью-Йорке или Мехико, то рассчитывают на профессиональных мойщиков, которым несложно промыть все 150 этажей. В цивилизованном мире у каждого дома должен быть хозяин. Зимой мы ломаем ноги, на бедные наши головы обрушиваются сосульки, иногда они убивают. Сосульками можно много народу перегробить, и войска в случае чего обязательно вводить. Мы вообще-то ко всему готовы, не готовы постоянно только к осени, весне, зиме, лету... А вообще, ко всему.

— Сейчас много попыток возродить традиции прошлой жизни, но большинство по дороге деформируется, и через короткое время от благородной идеи мало что остается...

— Все это больше похоже на ра-

зовые «мероприятия»: «дни», «декады», «марафоны», шумно, криливо. Часто абсурдно. И почти всегда бесплодно.

В Сокольниках во время русско-германской войны на гулянье императрица и великие княжны ходили с кружками Красного Креста. Был День белой ромашки. Вы опускали денежку и получали искусственную ромашку. По-сегодняшнему, как бы открывали счет. И все это не девало неясно куда, а шло именно туда, чему было предназначено.

...Как-то я везла на такси очень крупного нейрохирурга к Александру Семеновичу Менакеру. Мы проехали мимо института Склифосовского, он тронул меня за плечо: «Вот, барышня, здесь я начинал санитаром. Здесь монахини из Симона монастыря ухаживали за бедными, одинокими больными. Знаете, какое здесь было белье!»

Сегодня шума много, а белья в больницах нет. Вообще, когда я думаю о нынешней Москве, то бесконечно жалею милых моему сердцу

Попова, Станкевича, Ельцина. Помилуйте, что за наследство им досталось! И в каком виде! Представьте себе, что вам дают огромную кучу, в которой все перемешано, и нужно сделать из нее что-то похожее на мебель. То есть сначала нужно отобрать отдельные части — ножки, ручки, стенки, дверцы, а уж потом постепенно пригонять, скреплять и так далее. Адская работа. Москву жаль, ее, как живого человека, хочется умыть, почистить ей зубы, чуть отутюжить, а уж потом открывать совместные предприятия. И лидеров наших тоже очень жалею, тяжело им. А ведь они из немногих, кто думает о деле.

Попову очень трудно будет что-то сделать с Москвой еще и потому, что коренных москвичей совсем мало. Я и, наверное, Василий Блаженный, Минин с Пожарским.

Болею за Бориса Николаевича Ельцина. Я за него голосовала, это мой депутат. Понимаете? Все борются за власть, но мне кажется, что Борис Николаевич еще и народ немножко любит. Он дорожит собственным народом — это бывает у нас очень редко. И люди ему доверяют.

Сегодня нужны огромные нравственные усилия многих людей, общественных каких-то образований. Если есть у них истинная любовь к народу. Чтобы хоть как-то разгрести ложь, фальшь, абсурд, полуправду, которыми мы окружены. Не может быть столько правд: московская, комсомольская, пионерская, «Правда Ильича»... Правда может быть одна.

К нам с трибун обращаются не иначе, как «дорогие», «уважаемые». Кому дорогие? Кем так сильно уважаемые? Сколько пустых слов!

— Сколько уж лет тому назад вы показывали с эстрады наглых, необразованных, напористых своих героинь. А ведь они живы!

— Как актриса, я могу быть довольна. Значит, попадали в цель. А по-человечески — это все в системе. Они, мои «дамы», очень видоизменились — одеты шикарно, причесаны по высшему классу, хорошо пристроены. И крепко стоят на ногах, крепче, чем я.

— Положение у вас разное, да и взгляды не совпадают. Помните с вами знакомство шесть лет тому назад? Расскажу для читателей. Вот в этой же комнате мы мирно обсуждали будущую телевизионную передачу. Странный, но для вас привычный шум означал, что очередной раз в туалете прорвало

трубу, все хлынуло в квартиру, и мы с вами переключились на другую работу. Отчаянные телефонные звонки в организации, которые обязаны этим заниматься, ни к чему не привели. И я посоветовала вам позвонить в Моссовет, представиться и попросить помощи. Помню вашу реакцию: «Значит, я Миронова и поэтому мне нужно помочь. А если я просто обыкновенная советская гражданка?» Не уверена, что на вашем месте я поступила бы так же. Может, и воспользовалась бы фамилией, как это делают тысячи «заметных» людей.

— Знаете, за всю жизнь я ни разу не зашла в магазин с черного хода. Не знаю, хорошо это или плохо, но мне так живется. Хотя добрым человеком я себя не считаю, да и легким тоже. Сын был добрым, самоотверженным, преданным. И друзья, близкие и не очень близкие люди любили его не только за актерский талант. Помните, три года назад, в день смерти Андрея в Литве, в Шяуляе, должен был состояться его концерт. После трагического известия ни один человек не сдал билет. А в июле этого года меня пригласили в Шяуляй. Там есть уникальная гора Крестов — там литовцы ставят кресты людям, которых особенно почитают. Шяуляйский театр, городские власти решили 16 августа, в день смерти Андрея, поставить ему крест. Он — первый русский в этом святом месте. Я приехала тогда в Шяуляй с друзьями Андрея и съемочной группой Центрального телевидения. Когда выйдет фильм, посмотрите, пожалуйста, как все это происходило. Как было торжественно и тихо. Как существуют, общаются люди, для которых память о прошлом, об истории — свята.

А вечером в театре для тех, у кого были билеты на тот несостоявшийся концерт, друзья Андрея дали концерт его памяти. Гриша Горин сказал: «Три года тому назад на этой сцене должен был выступать Андрей Миронов. Мы приехали, чтобы отдать вам его долг. Мы сделаем все, что можем».

Они сделали все, что могли, — Марк Захаров, Лариса Голубкина, Гриша Горин, Игорь Кваша, Шура Ширвиндт, Миша Державин... В финале на сцену вышли все участники концерта, и девушки вынесли поднос, на котором стоял бокал с вином. Включили фонограмму: «Я пью за здоровье немногих, немногих, но верных друзей», — пел Андрей. Зал встал. Потом молча разошлись. Знаете, было много вечеров памяти Андрея, но этот — особенный.

Мне было хорошо в Литве — гостеприимно, дружелюбно, тепло. «Теперь у вас две родины, — сказали мне хозяева, — одна в России, другая в Литве». Перед самым прощанием я снова поехала на гору, подошла к кресту Андрея, на нем уже было много маленьких крестиков: значит, люди приходили, молились. И трава была ухожена, и все было так, как будто не вчера поставили крест, а очень давно.

В Шяуляе я не могла не вспомнить Ваганьковское кладбище, где грязно, где валят кресты, где бегают, как ошалелые, кооператоры с экскурсантами, которых набирают на вокзалах и быстро говорят им ерунду про Есенина, Высоцкого, Миронова. Разные есть кооператоры: есть Тарасов, а есть и такие. Люди не чтят прошлое. А без прошлого человек немой, без прошлого нет будущего, оно хреновое.

Там, в Шяуляе, я думала и о том, что была Литва раньше другим го-

сударством и должна быть другим. У нас несовместимость понятий об очень многом. Мне жаль их, если придется вернуться к нам.

Когда ехали на гору, я обратила внимание на мальчика: он шел по улице и ел мороженое, но подул ветер и унес обертку. Мальчик побежал за ней, догнал и положил в урну. Когда у нас будет таких мальчиков большинство, мы, может быть, приблизимся к цивилизации.

...Мы с Марией Владимировной заходим в комнату Александра Семеновича Менакера: там почти все, как было при жизни хозяина. Та же мебель, много фотографий. Теперь прибавились фотографии Андрея, его портреты в ролях и в жизни — улыбающийся, ироничный, живой. В углу гримировальный столик с набором грима, увезенный Марией Владимировной из Театра Сатиры. Рядом, на вешалке, — костюм Фигаро, в этом костюме он умер на сцене...

— ...Умер на сцене. Он и родился на сцене. Мы пригласили на спектакль, где я играла, Ливанова, Тарасову, Хмелева, известную в Москве маникюру. Они пришли, а у меня на сцене начались роды. Увезли сразу в родильный дом, и на свет появился Андрюша.

При жизни Андрея я думала, что очень хорошо знаю сына, после смерти его — поняла, что многого не знала. Приходил он ко мне часто, на этом диване отдыхал перед спектаклем. Вот так отдыхал он однажды, а вечером «Горе от ума». Когда он встал, мне не понравились его печальные глаза, усталое лицо. «Понимаешь, мама, ему всего 22 года, Чацкому, а мне 40». Я стала доказывать ему, что никто не играет Чацкого раньше сорока, что так заведено в театре, что он выглядит на сцене молодо... И только после

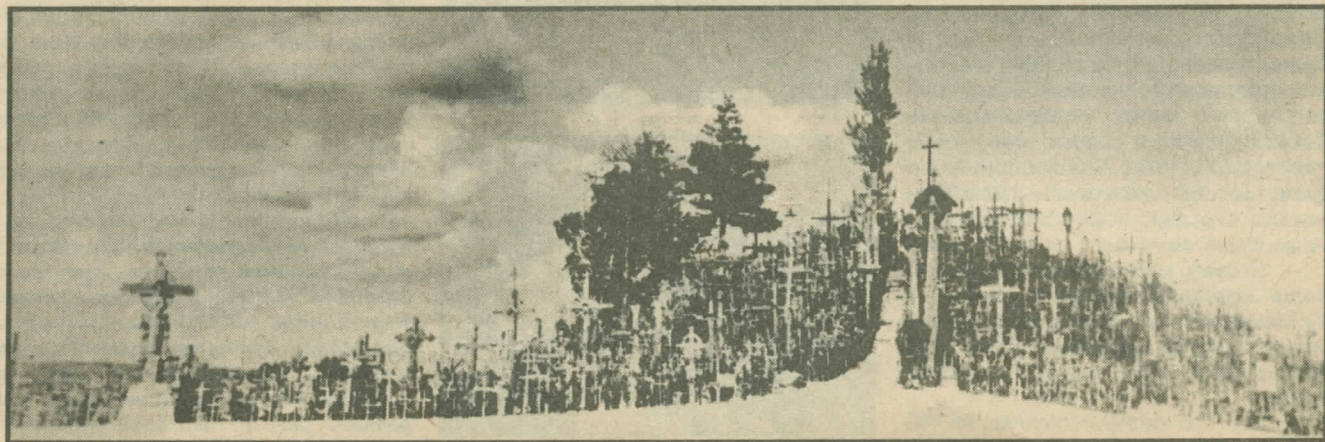

Фото Ю. Штукина

смерти его я поняла то, чего не почувствовала при жизни: он боялся старости, боялся немощности, тления. И торопился жить, а жил по-настоящему только на сцене. Хотел играть, играть, играть... Вы можете себе представить Андрея старым?

Не будем больше об этом, мысль, наверное, грешная... Посмотрите на лицо Андрея там, на мемориальной доске в доме на Петровке, — грустное, трагичное, обреченное. Юрий Орехов, скульптор, не знал Андрея при жизни, а почувствовал то, чего не увидела я. И я часто думаю: Андрей вернулся в дом, где ему было хорошо. И мне становится спокойней.

Я не хотела, чтобы на могиле Андрея была его фотография, его лицо. Мне тогда было бы страшно оставлять Андрея на кладбище одного, такого одинокого.

— Что дает силы человеку, Мария Владимировна? Силы жить, выжить?

— Я не сильный человек, это только кажется так. Но я знаю, людям горе неинтересно, людям горе любопытно. А я не хочу удовлетворять любопытство.

Не люблю любопытных. Люблю любознательных. Их у нас намного меньше.

Утром смотрю в зеркало без удовольствия, потом наливаю себя в халат, затвердеваю и начинаю действовать. Я думаю: неужели мне было когда-то 16 лет! И это, я когда-то пришла в Художественный театр, а Сушкевич подозвал меня: «Девочка, сколько вам лет?» И я, не моргнув глазом, с ясным взором: восемнадцать. — А честно? — Шестнадцать! — Мы вас возьмем, девочка, только приходите через год.

Неужели были эти забываемые вечера с Качаловым, Лобановым, Михоэлсом?.. Споры, розыгрыши, веселье, любовь к своему делу до неистовства, надежды на лучшее будущее...

— Наверное, если не обольщаться, то выживать сегодня легче, если хватает мужества создать свой микромир?

— Знаете, я сейчас стараюсь больше жить на даче. Каждый день ко мне приходят восемь белочек, я их кормлю орехами с руки. Удивительно деликатные зверьки. Не выпуская когтей, нежно, осторожно берут орешки лапками. Чтобы мне не было больно...

Этой публикацией мы поздравляем замечательную актрису с ее юбилеем, имеющим быть 7 января.

НА КАКОМ ШОССЕ ЖИВУТ ЭНТУЗИАСТЫ

С карты Москвы, исчезают имена Жданова, Калинин, Свердлов.

Но по-прежнему остается площадь Ле Зуана, улицы Вильгельма Пика, Клемента Готвальда. Не хотим никого обидеть? Но сейчас деятельность этих людей критически оценивается и в их собственных странах. Мы же, как и раньше, бережно храним эти имена.

Неплохо бы подумать о названиях не только старых, но и новых улиц. Для шоссе Энтузиастов, например, явно подойдет более реалистическое название.

В. КОНЬКИН
Москва,
Энергетическая ул.

КОМАНДОВАТЬ ПАРАДОМ... А КОГДА?

Считаю, что наряду с другими псевдопрофессиональными праздниками следует отменить и 23 февраля — мифический день Красной (Советской) Армии. Как известно, уже к началу марта 1918 года Псков и Нарва были сданы германским войскам. Результатом политики «ни мира, ни войны» явился разгром наших деморализованных войск. После австро-германского ультиматума и был подписан Брестский мир — 3 марта 1918 года. Чем здесь гордиться, что праздновать?

Военные парады, я считаю, уместны лишь 9 мая. Но еще лучше с учетом колоссальных жертв из-за бездарного и преступного нашего руководства проводить парад в первое воскресенье сентября в знак светлой памяти героев Куликова поля и Бородина.

Москва **К. ТАРАСОВ**

ДВАЖДЫ ПОСТРАДАВШИЕ

Около двух лет назад профсоюзная организация выделила мне мебельный гарнитур. Я зарегистрировала очередь, но до сих пор открытки нет. Создается впечатление, что продажа искусственно сдерживается в связи с переходом к рынку. Но тогда встает вопрос о защите прав покупателей, которые годами стоят в наших бесконечных очередях. Неужели им придется покупать товар по новым ценам?

М. Назарова
Москва

Да, придется. Мы связались с Министерством торговли СССР и Государственным комитетом по ценам. Ответ и там, и там был однозначным. Товары будут продаваться по ценам существующим, когда очередь пошла к концу, а не тогда, когда в нее встали. Покупатели, оказавшиеся на стыке плановой и рыночной экономики, проигрывают дважды — и в очереди постоять успели, и заплатить придется намного больше.

Е. Гончаренко

РАЗГОВОР С ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

СТАЛИНЫМ

ОБ ИЗРАИЛЬСКОЙ АРМИИ

Будем надеяться, что эпоха «холодной войны» миновала навсегда. Мы учимся жить в мире без образа врага. Наш сегодняшний рассказ о буднях израильской армии — очередное свидетельство нового политического мышления, лишённого запрограммированных идеологических шор.

Не сомневаемся, что этот материал вызовет бурю негодования среди определенной части нашего населения. Дескать, как можно рассказывать в таких радужно-светлых тонах об армии, которая известна своей агрессивностью и жестокостью? Мы сочувствуем этим убежденным жертвам многолетней коммунистической пропаганды. История Государства Израиль значительно сложнее наших искаженных представлений о ней. Лишь после бандитского налета Саддама Хусейна на Кувейт для многих из нас стала понятна вынужденная воинственность этого крохотного инверсического государства в арабском мире.

Естественно, мы никоим образом не поддерживаем агрессию Израиля против народа Палестины. Однако мы далеки от прошлого примитивного понимания причин этой агрессии.

Мы уверены также, что эти наблюдения об израильской армии будут представлять практический интерес не только для тех, кто собирается связать свою судьбу с Израилем и кому служить в этой армии. Немало полезного найдут в публикуемых заметках и наши военные.

И еще. Разговор о том, как при максимальной демократии обеспечить необходимую дисциплину, мы считаем сегодня исключительно актуальным для нашего общества.

ОТДЕЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Кибуц «Лохамед ха-геттаот» (борцов гетто), где проходит международный семинар памяти великого педагога Януша Корчака, — в 12 километрах от ливанской границы. Но такое ощущение, будто мы на чудесном острове в океане. Олеандры, пальмы, кактусы, розы. Буйство цветов — желтых, оранжевых, сиреневых... На границе спокойно. Пляж, кафе, телефон-автомат. Время от времени из зоны безопасности, установленной между Израилем и Южным Ливаном, выскакивает военный грузовик — подразделение войск ООН катит в ближайший израильский пивбар. И трудно представить, что в двадцати километрах отсюда идет страшная бойня, в южноливанской деревне Джарджиа пятый день лежат на жаре трупы...

А у нас в кибуце встреча с израильским генералом.

— Я Сталин, — представился главнокомандующий северным округом генерал Пелед, пояснив, что корень его фамилии «пель» означает на иврите сталь. Генерал молод и ироничен. По иронии судьбы его к тому же зовут Йосеф. Йосеф Сталин. Родом из Бельгии. Во вторую мировую ребенком попал в гетто. Спасла и усыновила христианская семья. Мать жены — из России. «Только не спрашивайте, что он об этом думает», — говорит переводчик.

Мы задали генералу несколько аполитичных вопросов.

— Генерал, как к вам в армии обращаются рядовые?

— Йося. В израильской армии независимо от звания обращаются

друг к другу по имени.

— Йося, зачем вам в армии нужны девушки?

— Жалко использовать в канцелярии ребят.

— Есть ли у вас дедовщина?

Генерал не понимает. Я поясняю: как в солдатской столовой делят масло?

— А, — говорит генерал, — но у нас все стремятся к диете.

— Есть ли у командования привилегии?

— Хорошо бы... — вздыхает генерал Йося, осматривая свои солдатские ботинки.

Устройство израильской армии не является военной тайной. Думаю, его прекрасно знают в наших генеральных штабах и академиях. Но для рядового советского читателя эта информация почему-то засекречена. Хотя, по-моему, весьма интересна и наводит на размышления, особенно в преддверии отечественной военной реформы.

Воинская служба в Израиле обязательна (юноши служат три года, девушки — два). Наряду с ними основу армии составляют добровольцы и резервисты, которые проходят ежегодные месячные сборы («милиум»). Кадровых военных всего 15 процентов, они находятся на контракте сроком от одного до пяти лет. Обычно даже генералы уходят в запас в 45—50 лет.

Формы службы разнообразны, но каждый в армии получает гражданскую профессию. Причем то, на что в наших ПТУ уходит три года, здесь осваивают от трех дней до трех месяцев. Учатся не только на разнообразных курсах и в профессиональных школах, но и в крупнейших научных центрах, университетах. В галилейских горах, в уни-

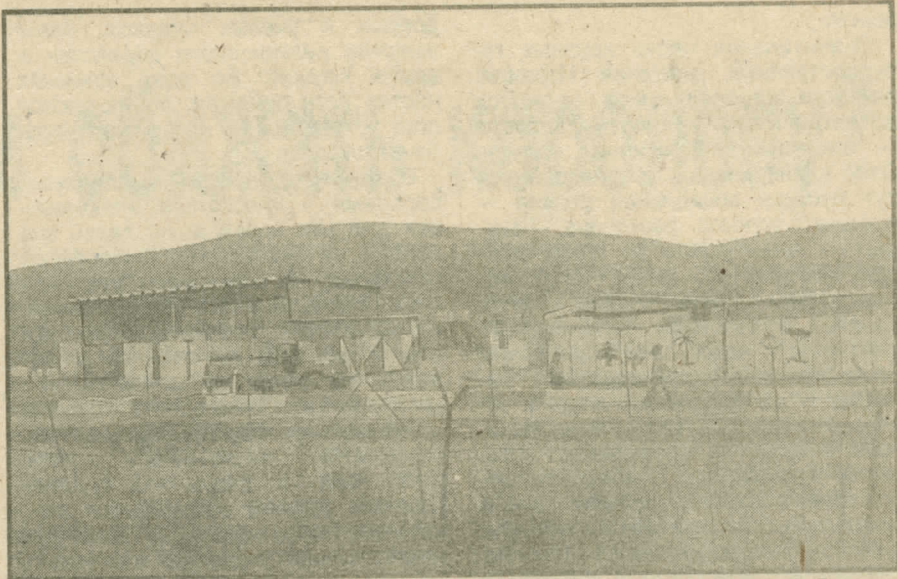
кальном технополисе Ма'алот я видел, например, как солдаты обучаются дизайну, маркетингу, менеджменту, и невольно вспомнил наши армейские десанты на уборке «горящего» урожая...

В Израиле — единственная в мире бесказарменная армия. Тому, что солдаты живут в палатках, естественно, способствует здешний климат. По территории Израиль гораздо меньше Московской области. Но, думаю, не только поэтому большинство солдат ночуют дома, а девушки — в гостиницах. И это, как заметил один ироничный офицер, имеет и свой минус: после субботних бабушкиных обедов не все влезают в люк танка.

Обычная картина: ребята и девушки в зеленой форме, напоминающей нашу «стройотрядовскую», голосуют на шоссе, добираясь автостопом до дома. Многие не только с сумками, но и с автоматами через плечо. Это может показаться диким — разгуливающие по стране, заглядывающие в закусочную у бензоколонки молодые люди с оружием. Но за все годы тут, кажется, не было ни одного ЧП. Одна из загадок здешнего общественного сознания.

Хотя мы нигде не обнаружили транспарантов «Народ и партия едины», воинская служба тут имеет большой престиж, пользуется огромным уважением. Думаю, потому, что армия не отгорожена от общества заборами и «военными тайнами». Прямо напротив кибуца, где проходил наш учительский семинар, располагалась на лужайке войсковая часть. При желании я мог бы пересчитать количество танков и пушек.

Устройство армии более чем демократично. Начиная с того, что вооруженные силы Израиля подчинены министерству обороны, в котором нет ни одного человека с погонами, и кончая одинаковыми

В двух шагах от границы с Ливаном

нормами питания и обмундирования рядового и генерала (когда в здешней военной академии рассказывают о наших солдатских ушанках и генеральских каракулях, они смеются, полагая, что это рождественская сказка).

В Израиле нет отдельных офицерских клубов, военных госпиталей, санаториев. К услугам военнослужащих тот же сервис, что и для штатских: голубые бассейны, изумрудные лужайки, яркие супермаркеты... Местный «воениздат» имеет свои многочисленные военные, медицинские, исторические журналы, общества, союзы. Скажем, «Русские ветераны войны», «Партизаны второй мировой», «Бывшие узники концлагерей». Причем инвалиды нашей Великой Отечественной имеют значительную пенсию и права инвалидов армии обороны Израиля.

Далек от мысли представлять израильскую армию как высший образец. По мне любые вооруженные силы — не самая привлека-

тельная и гуманная сфера человеческой деятельности. Но согласитесь, что в современном мире армия все же остается зеркалом общества, и далеко не самым второстепенным. По тому, что в ней отражается, можно многое сказать об обществе.

Конечно, то, что рядовой обращается к генералу «Йося», причем на «ты» (в языке иврит нет формы «вы»), само по себе еще ничего не значит. Кроме того, даже генерал не имеет права лишать рядового свободы и вообще применять в мирное время без суда какое-либо дисциплинарное наказание. Человек в армии чувствует себя прежде всего членом правового общества, а потом уже солдатом... У него есть личный выбор. Призывник, например, вправе выбрать род войск. Причем в этом выборе участвует и семья. Перед мобилизацией в округах устраиваются выставки, куда призывники приходят с папами и мамами, а нередко и с дедушками и бабушками, которые внимательно осматривают танки и самолеты и дают советы.

Вопрос генералу Йосе:

— Каков твой ежемесячный доход?

— Не знаю, я член кибуца...

— Когда ты живешь в кибуце, какие функции обычно выполняешь?

— Дежурю по кухне.

— Твой подчиненный в армии может быть твоим шефом в гражданской жизни?

— Сколько угодно. Бывший главнокомандующий морских сил работает на фабрике у своего сер-

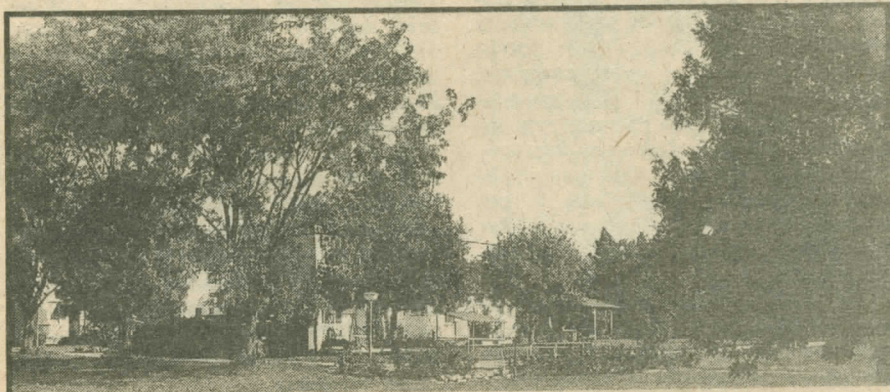

Фото В. Желтовой

В окрестностях кибуца Кфар-Блюм

жанта...

Значительная часть крупных государственных деятелей Израиля, включая военачальников, являются воспитанниками и членами кибуцев — сельскохозяйственных коммун. Эта удивительная, реализованная тут русская социальная утопия — предмет особого разговора. Генерал — член одной из таких коммун, поэтому его доход такой же, как у всех других членов кибуца, занятых в основном сельскохозяйственным и небольшим наукоемким промышленным производством. Генерал — не профессия. Уйдя в отставку, кадровый военный не начинает с нуля, не просиживает штаны в гражданских «спецотделах» (которых в Израиле, кстати, нет), а продолжает заниматься своим профессиональным делом, в том же кибуце. Да и во время службы у него есть обязательные дежурные дни, около двух недель в году, когда генерал снимает погоны и становится, скажем... за посудомоечную машину.

Такое сочетание гражданских и военных обязанностей характерно не только для кибуцников. На ежегодных сборах резервистов встречаются люди из самых разных слоев израильского общества. Один знакомый рассказывал мне, что их батальоном командует мойщик бензозаправки. А во взводе находится миллионер, владелец крупнейших в Тель-Авиве магазинов. Каждую неделю он проезжается по ним и притаскивает во взвод кучу всякой еды. «Ну а что потом, — поинтересовался я, — когда они встречаются на улице — мойщик и миллионер?» — «А ничего, — ответили мне, — похлопают друг друга по плечу, спросят, как жизнь, и разойдутся по своим делам».

У каждого, понятно, своя жизнь, но, согласитесь, этот постоянный обмен ролями, через ту же армию — чего-то стоит?

Их армия отражает их жизнь, так же как наша — нашу. У них она учитывает свободу совести, вероисповедания. Около 160 тысяч крайне религиозных граждан Израиля (для 4,5-миллионной страны это немало) не несут военную службу. Часть не только не признает армию, но вообще Государство Израиль, считая, что оно должно быть создано богом, а не Бен-Гурионом. Эти ортодоксы в черных лапсердаках и широченных шляпах — особое государство в государстве, у них свой парламент и совет министров. Но, не считая этих очень

добрых и ученых чудаков, большинство религиозного еврейства в армии служит. Во всех воинских частях есть синагоги, соблюдаются пост и «шабат» — священная нерабочая суббота.

Военные с пейсами и длинными бородами — несколько непривычная для нас картина, но здесь она никого не удивляет. Существуют проблемы, но они как-то улаживаются. Несколько лет назад объявили забастовку религиозные ортодоксы — военные летчики: на вооружение поступили новые самолеты с кислородными масками, в которые не умещались бороды. Высшее командование настаивало сбрить. Спор был разрешен на уровне главного раввина вооруженных сил, который, обратившись к талмуду, нашел в нем указание, что жизнь дороже. Длинные бороды были укорочены.

У каждого военнослужащего в нагрудном кармане имеется карточка военнопленного (по соглашению Израиль с рядом государств военнослужащий обязан в случае безвыходной ситуации не совершать бессмысленных жертв, сдаваться в плен). Это может показаться развалом воинской дисциплины. Но может и наоборот, это как раз одно из условий, при которых внешняя дисциплина переходит во внутреннюю?

По израильскому телевидению я наблюдал смешную картинку: как идет строй солдат. Они же не умеют шагать в ногу! Но в то же время, думаю я, это не помешало завершить одну войну в 6 дней, а другую в восемнадцать... Не помешало подготовить лучших сегодня в мире военных летчиков, создать современную военную технологию... В немалой мере этому способствовало и наше головоуятие.

По словам преподавателя военной академии Израиля, участника Великой Отечественной войны и бывшего полковника Советской Армии Аркадия Тимора, несколько десятилетий на вооружении армии Израиля имелось немало советских трофейных танков самых различных образцов. Они имели существенные изъяны, были усовершенствованы и позднее, уже как израильские трофеи, изучались в советских военных академиях. Вот так, через «третьи руки», шел обмен опытом.

Повторю — все, что касается вооруженных сил, не вызывает у меня особых восторгов. Супы-концентраты, которыми, кстати, снаб-

жает сегодня Израиль несколько наших воинских округов, мне значительно больше по душе любого «военного котла». Но когда на заседании партийного съезда слышишь речь нашего генерала о том, что мощь армии подрывают демократы, пресса, невольно задумываешься, что же это за мощь? И способны ли подобные партийные генералы, оперирующие категориями любовой атаки, развивать современную армию? Кстати, в Израиле, как и в большинстве цивилизованных стран мира, в армии не допускается никакая партийная деятельность. Так что генералы на съезде, которых тут смотрят по московской программе, вызывают по меньшей мере недоумение.

Когда мы находились в Израиле, начались события в Персидском заливе. Совсем рядом. В 24 часа армия была приведена в состояние боеготовности. Но что поразило: на улицах никакой нервозности, страха. Полное спокойствие. Как будто не на Ближнем Востоке, а где-то в Швейцарии. Такая атмосфера тоже, видимо, зависит от надежности армии.

Не берусь давать никаких политических оценок. Думаю, что «стереотип Ближнего Востока» скоро изменит само время. Узел здешних проблем туг и неоднозначен. Но можно ли было еще вчера вообразить себе такое: что мы будем фотографироваться на Голанских высотах с израильскими солдатами и вместе петь популярные тут песни — «Синий платочек», «Бьетса в тесной печурке огонь...», «Прощай, любимый город»?.. Да, наши песни той войны, переведенные на иврит.

Их знают тут гораздо больше людей, чем мы думаем. Бывшая фронтовая медсестра Нина Шмулевич, просившая меня разыскать в тульской деревне девушку Таню, Татьяну Васильевну Выборнову, — в ту войну она спасла Нине жизнь, выдав ее за свою сестру. Песни эти хорошо помнят член кибуца «борцов гетто» Моше Брав, прошедший сталинские лагеря, Эстер Рамбам (бывшая Ставиная), разыскивающая в России брата...

Генерал Йося, возможно, этих песен не помнит, он из другого поколения. Дав короткое интервью, ироничный генерал в солдатских ботинках отмахнулся от репортеров, вскочил в военный вертолет и улетел. Пожалуй, в нем было что-то американизированное, может быть, дух Рузвельта. Но уж точно — не Сталина...

Можно ли обижать королеву?

В одной из передач «Вокруг смеха» рассказывали анекдоты про Брежнева. Все, конечно же, смеялись и радовались, что вот наконец-то — дождались. Однако я был разочарован. И не потому, что анекдоты были старые, «кухонные», и не потому даже, что о мертвых как-то не принято... Разочарован я был тем, что сразу же после этого передача кончилась — и никакого вам «продолжение следует». Я, собственно, не о том, который все еще «живее всех живых», а о нормальных людях, и прежде всего об одном человеке. Но имени его, как ни просите, не назову. И не потому, что я такой вредный. Просто боюсь. Неужели опять боюсь? Странно как-то. Но, увы, если я это сделаю, то есть предложу рассказать о Нем анекдоты, мои действия можно квалифицировать как призыв к нарушению Закона о защите Его чести и достоинства.

Об этом Законе много в свое время говорили и писали. В основном поддерживали. Дескать, Его защищать надо от всяких разных нападок как слева, так и справа, чтобы вел Он нас по столбовой дороге перестройки все к новым и новым демократическим высотам. «Шаг назад и ни шагу вперед» — так это, кажется, называется. Впрочем, я до пятерки по «Истории КПСС» так в свое время и не дотянул, а потому не могу ручаться за точность цитаты. Ну, ничего — еще парочка таких законов, и можно возвращаться к любимому предмету.

Во всяком случае, факты, кажется, подтверждают точность цитирования. Вот уже и Новодворская опять в психушке побывала, и все по Закону, вот уже слышно, что есть заявления в суд, и опять по Закону.

«А что же делать? — говорят. — Раз хотите стать правовым обществом, придется терпеть и этот Закон, а без него — никак». Меня лично такие объяснения вполне убедили, но я решил изучить вопрос еще глубже. Для этого по новой традиции оглянулся на Запад. Взгляд мой упал на Великобританию. Как-никак колыбель демократии.

Увы, то, что открылось моему взору, сразу же меня разочаровало, ибо не укладывалось в общепринятые у нас в стране демократические рамки. Оказывается, будь я подданным Короны, то мог бы критиковать ее обладательницу и в хвост и в гриву, а она, бедняжка, даже внимания не обращала бы. Однако еще Левша в свое время смеялся, что все у них там «на аглицкий манер», заранее продумано. Выяснилось, что, если Ее Величества Королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии все-таки сочтет себя оскорбленной, она должна будет сама обратиться в суд. Точно так же, как это сделает в подобной ситуации миссис Браун — домохозяйка с Парк-стрит. И никакой тебе дискриминации.

Сколько я ни искал, так и не нашел у них закона, запрещающего критиковать главу государства или других политических деятелей. Существует лишь закон о государственной измене, который распространяется только на попытки покушения на главу государства или разглашение государственных тайн. Я чуть было не подумал: «Какой же нормальный британец способен на это?» — но вспомнил про предателя капиталистической родины Кима Филби и его соратников по борьбе. Вспомнил также, что, когда он жил в Союзе и пребывал в состоянии глубокой депрессии, раз и навсегда

потрясенный увиденным здесь, его звали на родину и обещали все простить. Однако вернемся к теме.

Еще я узнал, что помимо серьезных газет вроде «Таймс» есть у них и несерьезные, или бульварные, такие, как «Сан» и «Дейли мэррор». Так вот эти самые бульварные, пользуясь буржуазной вседозволенностью, вместо того, чтобы бояться публиковать фотографии членов августейшей семьи в далеко не самых удобных ситуациях, наоборот, сознательно завоевывают на этом дешевую репутацию, делают бизнес. Доходит и до скандалов. Вот один из свежих примеров.

Одна из этих газет дошла до того, что поместила фотографию наследника престола принца Чарльза, успокаивающего женщину, с подписью, что это, дескать, его бывшая подружка. Однако, как выяснилось, эта версия не соответствовала действительности: принц был запечатлен во время посещения госпиталя, а плачущая женщина была смертельно больна. Конечно же, среди простых обывателей эта выходка вызвала волну протестов, но сам принц не только не подал в суд

Лондон: вторгшиеся войска США захватывают неизвестную Мэгги Тэтчер, которая на протяжении многих лет разрешала англичанам незаконно ездить не по той стороне улицы.

Рисунок и подпись «Гардиан», Лондон

ВОРОНА, МЕДВЕЖОНОК И ...ФРАНСУА МИТТЕРАН

(О том, как французские журналисты относятся к своим политикам)

Гм... гм... задница, растиражированная полумиллионом экземпляров.

Между тем во Франции политические деятели часто лицезрят себя если и не в столь экстравагантном виде, то уж, во всяком случае, не только в пиджаках и при галстуках на встречах с руководителями иностранных государств.

Каждый день читатели самой серьезной и уважаемой газеты «Монд» видят на первой полосе сатирические изображения руководителей Франции и других государств, выполненные одним из остроумнейших французских карикатуристов, Плантю. Такие рисунки регулярно появляются практически во всех крупных газетах страны. Не говоря уже о «Канар аншене», которая специализируется на политической сатире.

Шутки над «большими людьми» имеют во Франции давнюю традицию. В годы Великой французской революции (конец XVIII века), например, велась настоящая война карикатур. Журналисты Антуан Ривароль и Жан-Габриэль Пелетье в газете «Деяния Апостолов» издевались над пышными речами и образом жизни вожаков демократии, в свою очередь Марат в «Друге народа» и Демулен в «Революциях...» не скупилась на отборные эпитеты и шаржи в адрес короля. В 30-е годы прошлого века (Июльская монархия) огромной популярностью у народа пользовались издания Шарля Филиппона «Шаривари» и «Карикатур» (с последней активно сотрудничал Бальзак). Правда, довольно скоро им пришлось закрыться (не могла же, в самом деле, понравиться

за оскорбление, но даже не вызвал к себе нашкодивших журналистов, чтобы втолковать им, как подобает писать о принцах. Из этого я сделал еще один важный вывод: плохо все-таки у них там с идеологическим воспитанием.

Один из знакомых английских журналистов пытался объяснить мне, что «политики у нас выпадов и критики в свой адрес почти не замечают: средства массовой информации для того и существуют, чтобы критиковать и указывать политикам на их недостатки». Я слушал его, вежливо кивал головой и думал: «Неужели несколько столетий демократии так и не научили их тому, что если тебя критикуют — значит, «рвутся к власти», «стоят на страже интересов дельцов теневой экономики», «пытаются затормозить» и просто «подбрасывают». Может, они, бедные, и слов таких не знают?»

Взять хотя бы их недавнего и многолетнего премьера Маргарет Тэтчер. Говорят, даже британские

чувством ответственности за судьбу страны: «Раз большинство владельцев газет поддерживают курс Тэтчер, а оппозиция сейчас недостаточно сильна, чтобы ему противостоять, неподконтрольное правительству телевидение берет на себя роль своеобразной оппозиции».

Я лично ничего так и не понял: если телевидение столь резко критикует консерваторов, что они даже создали специальную комиссию по контролю за его объективностью (по отношению к ним), почему бы им все же не нажать на все рычаги имеющейся у них власти и не разогнать этот рассадник инакомыслия? И что значит «телевидение неподконтрольное правительству»?

Справедливости ради признаюсь, что мне все-таки удалось найти один пример идеологическо-воспитательной работы британского правительства с зарвавшимися журналистами. Эти самые журналисты повдигались как-то брать интервью у членов Ирландской революционной армии (ИРА) — организации, избравшей террористические методы борьбы «за освобождение Северной Ирландии». Консерваторы не решились запретить интервью совсем и пошли на постыдный буржуазный компромисс. Они провели через парламент закон, гласящий, что члены ИРА могут делать свои заявления только через посредство сотрудника телевидения, который должен произносить сказанные ими слова, то есть играть их роль. Это якобы означает, что террористы не могут быть полноценными политическими партнерами. Хотел было напомнить, что подобная практика была освоена советским телевидением еще в семидесятые, когда дикторы зачитывали целые речи за руководителя Коммунистической партии и Советского государства, но вовремя одумался: несолидно как-то сравнивать лидера многомиллионной КПСС с членами маленькой террористической организации. И вообще, нашей стране чужда половинчатость. У нас все гораздо проще: интервью с теми, чьи взгляды не полностью совпадают со взглядами подавляющего большинства за Кремлевской стеной, либо запрещают, либо «откладывают».

Нет, подумал я, нам у них позавидовать нечего. И демократизм там сугубо показной. И королева их не ровня тому, чью честь и достоинство защищает специальный закон. Жаль только анекдотов о Нем не рассказываешь. Ну, разве что шепотом?

— Я принял решение.

(Девиз Тэтчер гласит: «Советники советуют, министры решают». На тумбах написано: «министерство внутренних дел», «министерство иностранных дел», «министерство финансов».)

Рис. «Гардиан», Лондон.

старожилы не припомнят, чтобы хоть один политик подвергался таким нападкам. С кем ее только и свои, и чужие журналисты ни сравнивали: с Гитлером, со Сталиным, с Железной леди... А она, вместо того чтобы давать отповедь, делала вид, будто шквал критики при такой радикальной политике — вполне нормальное явление и лучше, если эмоции будут выливаться на страницы газет и журналов, на экраны телевизоров, чем на улицы и площади британских населенных пунктов.

Больше всех усердствовало в критике правительства именно телевидение, и прежде всего Би-би-си. Сами журналисты объясняли такой настрой телевидения повышенным

Таким увидел объединение Германии один из лучших французских карикатуристов Плянту.

ся Луи Филиппу карикатура, демонстрирующая превращение его головы в грушу). Затем в разные периоды истории Франции выходили «Эклипс», «Фру-фру», «Суир», «Асьет о бёр» и, наконец, «Канар аншене», целиком посвятившие свои страницы политической пародии.

А сегодня этот жанр проник и на телевидение.

... В один из дней предвыборной борьбы за пост президента республики за несколько минут до вечерней хроники новостей компании ТФ-1 на экране появились три претендента на руководство государством: ворона, медвежонок и лягушка. Едва успев возникнуть в прямом эфире, животные принялись рассуждать о серьезных политических делах, и зрители без труда узнали в вороне по имени Блэк Джек Жака Ширака, медвежонке Барзи — Раймона Барра и лягушке Кермите — Франсуа Миттерана. Тем более, что в куклах были отражены особенности внешности каждого из деятелей. Авторы «Бэбэт шоу» — именно так называлась эта передача — художники-мультипликаторы Жан Рука, Стефан Колларо и Жан Амаду. Созданная десять лет назад в период предвыборной борьбы 1981 года, она стала семь лет спустя своеобразной пародией на передачу «Эр де вэрите» («Час правды»), в которой

выступали сами кандидаты в президенты. Но если «Эр де вэрите» собирала у экранов 3—4 миллиона телезрителей, то ее сатирическое отражение смотрели 19 миллионов французов. Никто из политиков, «прошедших» через «Бэбэт шоу», ни разу на нее не пожаловался. Еще бы, ведь благодаря передаче их популярность выросла как на дрожжах. А бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен даже попросил, чтоб его тоже «приняли» в передачу. Он даже сам придумал для себя подходящий образ — лабрадор.

После выборов 1988 года передача перестала выходить регулярно, но еще неоднократно возвращалась к телезрителям. В сентябре 1990 года она должна была выйти в очередной раз с новой куклой — Саддамом Хусейном — и быть посвященной событиям в Персидском заливе. Но из-за проблемы заложников ее выход был задержан руководством ТФ-1. Такое, оказывается, возможно и во Франции.

Тут возникает вопрос: значит, все-таки есть границы гласности и для французских средств информации? Безусловно. Пресса несет ответственность за действия, противоречащие «Закону о свободе печати», принятому в 1881 году и дей-

ствующему до сих пор, который считается самым либеральным в мире, последующим законам о прессе, а также общим правовым актам. Нельзя, например, играть фактами из личной жизни, публиковать непроверенные, а также достоверные сведения, затрагивающие честь и достоинство людей, если они, конечно, не разоблачают незаконные операции. Особая статья предусматривает наказание за оскорбление президента республики. Причем иск против издания возбуждает не сам президент, а прокуратура, тогда как в остальных случаях обвинение может быть предъявлено только самим пострадавшим. Наказываются материалы (в том числе и художественные), растлевающие нравственность (порнография и т. п.), содержащие клевету, разглашающие государственную тайну, оскорбляющие глав и послов иностранных государств, расовые и религиозные группы. Добрая же ирония, напротив, широко поощряется. Иногда, правда, для определения степени «доброты» иронии необходимо вмешательство суда.

Кстати, история с Жан-Мари Ле Пенем имеет продолжение. Он подал в суд на «Канар аншене», но уже через несколько дней пожалел об этом: некоторые издания перепечатали «опальный» снимок с подписью «За эту фотографию Ле Пен подал в суд на газету «Канар аншене». В результате еженедельник был оштрафован, но благодаря журналистской солидарности всего... на один франк.

Тут настало время оторваться от сладкой сказки Запада и вернуться к нашим, отечественным, баранам. До каких пор мы, журналисты, будем относиться к своим политикам не как к людям, а как к мумиям: серьезно цитировать, серьезно изучать, даже критиковать и ругать — и то либо серьезно, либо со злостью? Неужели нельзя остроумно, не затрагивая чести и достоинства, посмеяться, скажем, над речами некоторых наших руководителей? Ведь если перед нами нормальный, умный человек, он обязательно улыбнется, увидев себя в газетных и телевизионных шаржах, и постарается учесть подмеченные журналистами нюансы. А если он, прости господи, дурак, то ему и нечего делить на высоком посту. И об этом ему тоже можно намекнуть в карикатуре.

Именно так работают французские журналисты, одни из самых цепких и ироничных в мире.

НАШИ ПРЕДКИ НА СТАРЫХ ОТКРЫТКАХ

Русские типы
Types russes

Русские типы - Types russes

Продавец замков - Marchand de cadenas.

Среди многих видов почтовых открыток, издававшихся в России в начале века, особый интерес вызывают несколько серий. Это те, на которых запечатлен облик наших прадедушек и прабабушек.

Серии «Русские типы», «Типы России» и некоторые другие включали в себя десятки открыток, причем каждая из них представляла определенный типаж. Это люди разных национальностей и социальных слоев, но в основном из той обширной категории, которая называлась простонародьем, «чистая публика» сюда почти не попала.

Вот, например, продавец замков, с ног до головы увешанный своим товаром, или мальчик — продавец игрушек, нагромоздивший на голове целую лавку. Вообще число открыток с разного рода разносчиками

— сбитня, арбузов, блинов, чемоданов и с бродячими ремесленниками — точильщиками, стекольщиками, трубочистами в каждой серии довольно велико, что свидетельствует об обыденности встреч с ними на городских улицах. «Сфера услуг», ныне находящаяся в запаточном состоянии, отнюдь не выглядит таковой на старинных русских открытках.

Странно, но открытки слабо отразили самый массовый слой общества того времени — русское крестьянство. Зато обильно представлено русское странничество. Монах с кружкой для сбора подаяний на храм божий, нищий, просящий милостыню на паперти, просто странник с клюкой, всю свою жизнь бродящий из одних святых мест в другие.

К этому роду открыток примыкает, хотя и не входит в него, одна, поражающая скрытым трагизмом. Старый, видимо, одинокий и больной, отставной солдат или унтер-офицер, судя по всему — в прошлом боевой (георгиевские кресты даром не давались)...

Перебирая открытки, встречаешь немало жанровых сцен. То это хитровцы у стен своей ночлежки, то знаменитая сухаревская толкучка, то биржа ломовиков или, наоборот, стоянка лихачей с их щегольскими пролетками... А рядом — картинки повседневного быта москвичей, жителей других городов России.

Как давно все это было, как давно кануло в прошлое... Но это — часть нашей истории, ее нужно знать. Хотя бы по открыткам...

И. ПЕРКАС

Открытки из коллекции И. М. Перкас

21-3-198

